

Гернот Эрлер

ГЛОБАЛЬНАЯ МОНОПОЛИЯ

Мировая политика
после распада
Советского Союза

A 00 - 01811

Эрлер Г. Глобальная монополия. Мировая политика после распада Советского Союза. — М.: Экономическая демократия, 1999. — 122 с.

ISBN 5-85548-025-14

В книге проанализированы тенденции, возникшие в мировой политике после распада биполярной системы. В частности, освещается актуальнейшая в представлении Г. Эрлера проблема превращения мира в однополюсный, где доминирование США проявляется в экономической, политической, военных сферах; оцениваются как несбывшиеся надежды на использование «мирных дивидендов» от сокращения расходов на гонку вооружений; приводятся многочисленные данные и рассуждения о современном положении России, а также стран Третьего мира в изменяющейся геополитической ситуации.

© Фонд Ф.Эберта, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	2
Глава 1. Конец холодной войны и бессилие политической власти.....	9
Глава 2. В ожидании «мирных дивидендов».....	21
Глава 3. Боснийский опыт: Организация Объединенных Наций не у дел.....	45
Глава 4. Марш победителей: НАТО и его расширение на Восток.....	59
Глава 5. Америка как единственная супердержава и Россия на пути к себе.....	81
Глава 6. Нужда вне игры: забытый Третий мир.....	94
Глава 7. «Global Monopoly» — тупик или выход?.....	106
Примечания.....	113
Публикации автора по тематике.....	121

Введение

Гернот Эрлер дает в своей работе четкий анализ тех сфер мировой политики, в которых после распада bipolarной системы произошли фундаментальные перемены. Он перечисляет заманчивые ожидания и надежды, с которыми в начале 90-х годов связывалось преодоление соперничества двух систем, и показывает безрадостную картину того, к чему привел десятилетний период трансформации. Прекращение гонки вооружений не принесло «дивидендов», ожидавшихся от прекращения холодной войны — несмотря на существенное сокращение расходов на вооружения. Во всех посттоталитарных государствах бывшего Варшавского пакта не создавались новые системы оружия, в странах НАТО уменьшались военные расходы, повсюду происходило сокращение вооруженных сил. Тем не менее международные организации, которые в период холодной войны успешно предотвращали перерастание локальных конфликтов в странах третьего мира, а также в Европе в уничтожающей мировой пожар, не смогли, вопреки всем надеждам, сохранить свою признанную динамику и авторитет в период после краха bipolarного мирового порядка. Напротив, авторитет Объединенных Наций и ОБСЕ уменьшился. Вместо европейского порядка мирного времени, призванного развивать Хельсинкский процесс и принципы Парижской хартии, наблюдается скорее откат к политике, возводящей в абсолют и аксиому военные аспекты безопасности. Изменившиеся реальности на старом континенте рассматриваются, пожалуй, разве что в национальных военных доктринах, однако идея общеевропейского мирного порядка и даже сама мысль о необходимости совместных действий все больше оттесняется на задний план. Об этом красноречиво свидетельствуют дебаты о расширении НАТО на Восток, а также провал попыток ОБСЕ и Европейского Союза добиться урегулирования этнических конфликтов на Балканах иными средствами, кроме военных.

Биполярный мир превратился в однополюсный. Господствующее положение США проявляется в военном, эконо-

мическом и прежде всего политическом отношениях. Без одобрения или поддержки США проблемы европейского континента представляются неразрешимыми. Больше того в международную политику снова негласно возвращаются установки и интересы, хорошо известные со времени холодной войны. Контрпроекты, например, многополюсного мира, выдвигаемые геополитическими теоретиками новых правящих элит постсоветской России и благожелательно комментируемые властными политическими элитами в Китае или Индии, не получают шансов на реализацию. Сегодня в мире вырисовывается та же система зависимости, которая была характерна для отношений Западной Европы с США в начале холодной войны: несмотря на наличие явных разногласий, приходится приспосабливаться к реальному соотношению сил и пытаться занять собственную нишу, в которой можно отстаивать свои интересы. К тому же страны Европейского Союза неплохо чувствовали себя в такой ситуации. Политические и военные командные высоты на мировой арене были предоставлены США, а они, в свою очередь, терпеливо относились к тому обстоятельству, что страны Западной Европы, а также страны Тихоокеанского бассейна, особенно Япония, превращались в их экономических конкурентов и проникали в американскую экономику.

В этом пункте обнаруживается, пожалуй, слабое место в аргументации Эрлера, столь убедительной в остальных отношениях. Применительно к последним десятилетиям, т.е. со времени преодоления европейского раскола, его видение развития представляется убедительным и логичным. Но если взять десять предыдущих лет, то возникает совершенно иная картина. Конечно, и в 80-е годы США определяли политический курс в отношениях с тогдашним Советским Союзом как воплощением противоположной системы, были доминирующей силой в военном союзе Запада. Однако они не смогли блокировать процесс разрядки между двумя системами, начавший в середине 70-х годов в Хельсинки и особенно усилившийся с началом реформы в тогдашнем Советском Союзе после прихода к власти М.Горбачева. Точно так же США не смогли предотвратить крайне неблагоприятные для них последствия «асимметрии» между экономическими целями своей международной политики и целями в области безопасности.

Вспомним, что в 80-е годы мы видели экономически слабую, сталкивающуюся с международной конкуренцией почти во всех секторах промышленности и областях высоких технологий и проигрывающую сверхдержаву. Не затрагивая статус США как военной сверхдержавы, европейские, а также и прежде всего японские и тихоокеанские концерны проникали на американский рынок. Они скупали американские технологии, фирмы и недвижимость. Даже часть голливудской «фабрики грёз» оказалась во владении японцев.

В 90-е годы формы конкуренции между экономическими блоками изменились, потому что в экономическом мышлении взяли верх американские постулаты.

Такое развитие не было произвольным. Его истоки кроются в изменении производственной базы капитализма в целом. В последние два десятилетия возникла новая экономика, которая, как правильно указывает Мануэль Кастеллс, вобрала в себя три фундаментальных изменения:

1. Производительность и международная конкуренция стали функцией развития знаний и обработки информации.
2. Концерны и страны влечены в сетевые системы производства, менеджмента и распределения.
3. Основные экономические процессы являются сегодня глобальными, т.е. осуществляются в реальный период времени в глобальных масштабах.

Здесь возникает конфликт, о которых можно сказать, перефразируя известного политэкономиста, что они привели к противоречию между глобализированными потенциалами производства и его национально и территориально ограниченными механизмами политического, социального и нормативного регулирования. От этого противоречия между общественными, социальными сферами, подлежащими регулированию в рамках национальных государств, и изменившимися в результате информационно-технологической революции возможностями глобализированных агентов производства страдают сегодня все государства Запада, а также страны Восточной Европы, совершающие переход к рыночной экономике и демократии.

Национальные государства беспомощны перед лицом ничем не ограниченного капитализма информационно- и коммуникационно-технологической эры. Именно в этом кроются причины фатальной «экономизации политики», на которую по

праву указывает Эрлер. Инструменты для действий государства слишком слабы, неэффективны. Этим объясняется расширяющийся процесс отказа от регулирования, который в конечном итоге, если политика не станет снова направляющей силой, может привести к тому, что мы столкнемся с проблемами обнищания и варварства, а также раскола общества в наших странах.

Тенденция к глобализации, или интернационализации капитала уменьшила межгосударственные преграды для торговли и инвестиций и тем самым способствовала громадному ускорению движения капитала. Это, в свою очередь, активизировало процессы национальной и транснациональной концентрации, нагляднейшим свидетельством которых является феномен так называемых «стратегических союзов», охватывающих сегодня почти все сектора экономики. Пока неясно, действительно ли в этом соревновании с целью концентрации и вытеснения соперников, подобно игре в «Монополию», будут победители, и куда государства отнесут тенденцию к доминированию транснациональных концернов – в кредит или дебет. Например, как расценивать стратегические союзы «Сименса» и «ИБМ», и что означают аналогичные союзы между «Даймлер/Бенц» и «Крайслером» или между «Дойче Банк» и «Моргантраст»? Это лишь некоторые союзы с участием немецкого капитала на американском рынке. С одной стороны, возникает впечатление, что такого рода союзы подрывают определяющую роль национальной политики. Однако вместе с тем они делают возможными интернационализацию элит и стратегический подход к экономическим интересам, которые уже не связаны национальной ориентацией и потому вполне могут стать стабилизирующим элементом политики, в которой, несмотря на все попытки принять глобальный вызов, все еще доминируют национальные деятели и факторы. Разумеется, есть основания опасаться, что через транснациональные объединения концернов и через совершенно неконтролируемые интернациональные финансовые потоки в мировой политике и на мировом рынке могут сформироваться новые виды господства, и это опасение в полной мере относится к тем регионам мира, которые все больше и больше маргинализируются. Однако пока что практически нет оснований считать, что может произойти серьезный подрыв или резкое ослабление экономических позиций стран Тихоокеанского региона или Европы, интегрированных в мировой рынок.

Жесткая конкуренция, как раз и порождающая транснациональные союзы, а также формирование стратегий регионализации являются показателем того, что, по крайней мере в экономической сфере, пока еще не наблюдается однозначного господства США.

Ясно лишь то, что существующие международные институты, такие, как ВТО, призванные гарантировать в определенной мере справедливые «правила игры» и добиваться их соблюдения, выполняют свою роль с величайшим трудом. Более существенным представляется тезис о том, что вследствие указанных международных процессов национальная политика, равно как и медленно формирующаяся «европейская внутренняя политика», в значительной мере утратила свою способность определять ход развития. Здесь кроются действительные и, как правильно показывает Эрлер, в долгосрочном плане дестабилизирующие последствия глобализации. Действительно, сама сущность и интеграционная функция европейского социального государства столкнулись с вызовом. Более того, в результате возникающих опасений и протестов общественных слоев, интересы которых затрагивают указанные процессы, подвергаются опасности фундаментальные принципы правового государства и демократии. Это воздействие глобализации на внутреннее ситуацию национальных государств привело к пресловутой «экономизации» политической сферы и по меньшей мере ослабило легитимную связь общественных слоев с демократией и правовым государством.

Коррупция, насилие, международные преступные синдикаты, политическая апатия, запущенность городских районов и обнищание экономически слабых регионов – это ведь явления, наблюдающиеся не только в находящихся в стадии перехода обществах Востока. Они – определяющие факторы по крайней мере в политике Европейского Союза, и именно они вызвали ту достойную сожаления нормативную перемену, ту смену парадигм, что произошла не переходе от 80-х к 90-м годам.

Не столько одно лишь доминирование экономического фактора, сколько скорее всеобъемлющее доминирование внутренней политики – вот что в первую очередь занимает европейские государства и оттесняет на задний план вопросы общеевропейского строительства, обеспечения безопасности в Европе.

США в меньшей степени сталкиваются с такого рода проблемами, поскольку политика Вашингтона меньше нуждается в легитимации, чем иная по своей природе политическая традиция Европы, включая Россию.

Для 80-х годов был характерен примат внешней политики и это позволило устранить деформации, обусловленные холодной войной. В 90-е годы для Европейского Союза в целом и в особенности для воссоединенной Германии характерен примат внутренней политики, т.е. углубленной интеграции, подготовительных шагов к расширению ЕС на Восток и к преодолению последствий воссоединения страны. До сего времени на решение этих задач был нацелен политический потенциал всех стран ЕС, так что в отличие от 70-х и 80-х годов на передний план не могли выдвинуться вопросы формирования международной и европейской политики. К тому же с вызванными глобализацией социальными проблемами невозможно справиться только экономическими средствами. С расширением европейского внутреннего рынка внутренней политике ЕС пришлось заниматься также сопутствующими проблемами внутренней безопасности. Проблемы, порождаемые международной миграцией и наметившимися изменениями социального, нормативного, этнического и культурного состава европейских обществ, до сих пор не только остаются в значительной степени нерешенными, но и требуют переосмысления традиционных правовых позиций. Таким образом, ситуация, сложившаяся в 90-е годы, напоминала ту, что была характерной для западноевропейских обществ послевоенного периода вплоть до 70-х годов. Во имя преодоления внутренних проблем они отдали тогда себя под покровительство ведущей, доминирующей державы блока – США.

Осознание того, что такое решение обеспечивало успех лишь временно, наступило самое позднее после горького опыта военных конфликтов на Балканах. Европейский комфорт был нарушен и теперь новый диалог о самоутверждении Европы развивается на иной, чем прежде основе. Политика Европейского Союза (напр., соглашение о кооперации ЕС и Российской Федерации и Кельнское заявление 1999 г. о стратегии ЕС), двусторонние связи и интересы выявляют существенное отличие позиций ЕС от американской политики в отношении Восточной Европы, прежде всего в отношении Украины и России. ЕС исходит из того, что Россия не только остается неотъемлемой составной частью любой европейской

политики, но и должна равноправно участвовать в формировании европейского пространства. Дальнейшая конкретизация этой стратегии обеими сторонами делает довольно трудной, по крайней мере на евроазиатском пространстве, любую попытку установления глобальной монополии и укрепит европейскую идентичность не только в политическом и экономическом измерениях, но также и прежде всего в отношении политики безопасности и обеспечения мира.

Петер В. Шульце

Глава 1.

Конец «холодной войны» и бессилие политической власти

Долгие годы «холодная война» держала человечество в ужасе: на протяжении сорока лет две общественные системы злобно шипели друг на друга и окапывались в двух военных блоках, наращивая абсурдные арсеналы оружия, наперегонки похвалялись своей удалью. Это непрестанно давало постоянную пищу страху. В конечном итоге оба блока ставили под вопрос само существование друг друга и имели в своем распоряжении достаточно оружия для взаимного уничтожения. Однако военного преимущества никогда не хватало для того, чтобы кто-либо один из них мог быть уверен в том, что уничтожение вражеской системы не нанесет смертельных ран ему самому. Так, оба скорпиона ползали по кругу, избегая решающей схватки. Знание того, как действует собственное оружие и оружие противника, удерживало их от последнего шага.

Тем не менее, в людях жил страх. Ведь диалектика запугивания и самозапугивания срабатывает только тогда, когда основой политических действий остается трезвый расчет. Если бы хоть один безумец получил доступ к «ядерной кнопке», сразу же проявилась бы вся шаткость конструкции «холодной войны». Появился бы хоть один единственный сумасшедший, и механизм запугивания перестал бы действовать. «Холодная война» может продолжаться, только пока все, кто по праву упрекают друг друга в извращенности и безумии (ведь только безумцы могут наращивать такое абсурдное количество оружия массового уничтожения), на самом деле уверены, что такие же «безумцы» в противоположном лагере мыслят и действуют согласно рациональным политическим категориям.

«Холодная война» была действительно ужасна и крайне опасна. Не удивительно, что в 1989-90 годах, когда все это прекратилось, большинство участников вздохнуло с за-

метным облегчением. Сначала Советский Союз отказался от контроля над ГДР и Восточной Европой, а потом развалилась и сама «Советская империя». В 1991 году прекратил свое существование и «Варшавский договор». Европа оказалась на пороге совершенно нового будущего. Сомнений в этом не было. После конфронтации между блоками, после «холодной войны» должны были последовать разносторонняя кооперация и партнерство, за гонкой вооружений — конверсия и разоружение. Власть должна была перейти от высших эшелонов устаревших блоков к международным организациям, которые обладали бы такими полномочиями и компетенцией, что могли бы шаг за шагом создать справедливый мировой порядок и разрешать возможные конфликты заранее и мирным путем.

Но случилось иначе. «Варшавский договор», правда, был распущен, а вот западный военный союз — нет. У НАТО появились новые задачи в боснийской войне, произошло пополнение этого союза новыми членами из круга бывших партнеров по Варшавскому договору. Мир в испуге замирает, глядя на новые кровавые конфликты, среди них и такие, которые во времена «холодной войны» казались немислимыми. Это приводит к тому, что разоружение идет медленнее, чем ожидалось. И обещанные «мирные дивиденды» на деле остаются более чем скромными: конверсия и разоружение оказались не менее дорогостоящими, чем гонка вооружений. Международные организации не могут создать справедливого мирового порядка, так как они сами не окрепли, а ослабли. В то время как население России стонет под тяжестью затянувшихся реформ, значительная часть политиков тоскует по минувшей и утраченной мировой роли. Америка же поигрывает мускулами, объявляет себя примером для подражания, доказывая и друзьям, и врагам, что она теперь, как единственная оставшаяся мировая супердержава, претендует на право самостоятельно принимать все важные решения. Новый миропорядок подобен игре «Global Monopoly», в которой есть один доминирующий игрок и несколько партнеров, остальным же отводится роль статистов.

Все пошло не так, как хотелось бы. Это надо признать. Большие надежды, связываемые с окончанием конфронтации систем, подтоплены таким отрезвляющим балансом. С этим отрезвлением соседствует глубокая обеспокоенность, ибо большим рулевым мира сего в последнее время ничего не

удается. Их власть не работает исправно, и это затрагивает саму суть идеи политической власти.

Это подозрение возникло еще в 1991 году, после войны в Персидском заливе. 29 государств, среди них и самая могущественная страна мира, а также и другие ядерные державы уничтожили города, оружие и солдат Саддама Хусейна и выиграли войну. Но avvolio напраздновавшись, победители снова увидели ухмылку диктатора, который не сходит с мировой политической арены и по сей день. Именно то, что иракский лидер перед войной не поддавался ни на какие угрозы и угрозы, пренебрегая мнением правительства множества держав, существующим в мире ядерным потенциалом — этот факт круто изменил общественное сознание. С тех пор мы знаем: оружие, это воплощение власти, не срабатывает в качестве инструмента политики. Идея запугивания, возлагающая надежды на политическую потенцию оружия, устарела. Мечта президента Буша о «новом мировом порядке» была бабочкой, у которой ледяной ветер нового мира очень быстро отморозил крылья.

Есть исторические уроки, которые никто не хочет осознавать. Война в Персидском заливе была именно таким уроком. Американцам пришлось вывести свои части из Сомали, унося с собой груз горького поражения. Пучина хаоса, который они пытались устранить, снова открылась за ними. В Боснии ни «голубые шлемы», ни нападения НАТО с воздуха не смогли предотвратить этнические чистки и массовые убийства. И только после заключения Дайтонского договора под массивным международным давлением удалось по крайней мере гарантировать перемирие, под защитой которого идет сложный процесс примирения. Второе по военной мощи государство в мире не смогло остановить процесс отделения Чечни с помощью военных средств, и ему пришлось пойти на компромисс с кавказским горным народом. В Албании развалился государственный строй, и солдаты, выученные и вооруженные на Западе, раздавали свое оружие мародерствующим бандам. В регионе «Больших озер», в центре Африки на глазах у пожимающей плечами мировой общественности, убивали друг друга целые племена.

«На окраинах Европы ухмыляется безумие» (Гьерг Конрад). И не только там. Оно охватывает власть имущих, которые пытаются навести порядок с помощью классических милитаристских средств. Это не удастся практически нигде.

Многие с ностальгией вспоминают сравнительно понятные времена «холодной войны». Они признают, что гонка вооружений принимала болезненные черты, но под сенью шаткого баланса власти и в условиях паритета оружия между Востоком и Западом по крайней мере удавалось более успешно, чем сегодня, избегать конфликты. Согласно правилам «холодной войны», когда в какой-либо точке земного шара происходило столкновение интересов, антагонисты рано или поздно попадали под покровительство того или иного блока и очень быстро становились зависимыми в экономическом, политическом и военном отношении от соответствующей ведущей державы. Пока в высших эшелонах власти находились фигуры, не чуждые рациональности, то есть признающие логику заугуливания, то наилучшего, как правило, можно было избежать. В лучшем случае они навязывали политическим подопечным свою рациональность и обеспечивали спокойствие, риск для глобального баланса между Западом и Востоком не казался слишком большим. В отдельных случаях продуманные сценарии выходили из-под контроля и принуждали к «личному вмешательству» (Вьетнам, Афганистан) — это были уже опасные проколы, собственно политической системой «холодной войны» (как указывает уже само название) не предусмотренные.

Эта политическая система прекратила свое существование после войны в Персидском заливе. Наиболее подходящим вариантом в условиях старой биполярности блоков, без прогрессирующей уже тогда, в 1990 году, политической агонии восточной супердержавы, было бы то, что Горбачев, встав в оппозицию американским решениям о военной интервенции, взял бы на себя задание политического увещевания Саддама и ответственность, связанную с угрозой отлучения Багдада от всякой поддержки, возможно также с обещанием поддерживать представления о ценах на нефть Ирака при возможном выводе иракских войск из Кувейта....

Вместо этого победило меткое американское оружие, проявив себя, однако, совершенно неподходящим рычагом проведения политических целей Вашингтона в этом регионе. Редко государственный деятель ошибался, как Буш, провозглашая, что теперь, мол, всемирное торжество американских и западных ценностей неизбежно. И правда, в 1991 году биполярность закончилась, а в конце этого года уже не было ни Советского Союза, ни Варшавского договора. Мировая ком-

мунистическая система, поскуливая, покинула мировую арену, как это в свое время представлял себе Каспар Вайнбергер — но не под давлением преимущества западного оружия, а вследствие драматического самораспада.

Западное торжество по поводу «победы системы» длилось недолго. В результате победы затупились собственные инструменты ее власти. Во всем мире вдруг начались беспорядки. Пожарные сирены ООН не замолкали. Затраты на миротворческие миссии, посылаемые во все большее количество очагов войны в мире, возрастали по законам геометрической прогрессии — и это при том, что миротворческие силы участвовали далеко не во всех конфликтах.

Власти победителей не хватает для того, чтобы сохранить порядок. Образовался опасный политический вакуум. Что движет сейчас победителями, потерявшими за фасадом победы системы значительную часть своего авторитета и силы? Только ли происходящее отражает несогласованность между победителями, которые, как в обыденной житейской драме, проигрывают выигрыш? Если рассматривать западную политику по отношению к Югославии, то легко можно прийти к такому выводу. Или дело в том, что в действительности можно говорить только о мнимой победе системы? Начатая трансформация в направлении рыночного хозяйства и демократии среди прежних противников системы достигла необратимой точки? А, может быть, победителям вскружил голову триумф собственной системы ценностей и отнял у них, ставших несколько легкомысленными, силы?

Для каждого из этих предположений найдены доказательства. Намного реже встречается другая постановка вопроса, а именно: не является ли очевидный дефицит власти, проявляющийся при попытках навести более-менее сносный международный порядок, в первую очередь результатом того поворота международной политической системы, который произошел с 1989 по 1991 год. Биполярность существовала в форме соревнования систем, и не как игра, а как борьба за существование. Страх перед противником предусматривал дисциплину и способность действовать как главные предпосылки выживания. Обобщая, можно выразить это следующим образом: до 1991 года международное положение определялось существованием двух систем и конкуренцией между ними.

Эта экзистенциальная конкурентная борьба требовала

не только умения действовать, но и влияла на западную систему ценностей. Социалистическая система ценностей исходила из исторического детерминизма, а поэтому она ориентировала общественную деятельность на построение гуманного общества, на ликвидацию неравенства шансов и классовых различий и, в конечном итоге, на формирование «нового человека». Несмотря на то, что реально существующий социализм все больше оставался позади этих целей, вызов с Востока получал ответ. Запад не мог себе позволить противопоставить этой модели развития простые элементы политического порядка, как то рынок, конкуренцию и плюрализм. Ведь законы капитала сами по себе глухи к общественным нуждам и довольствуются поддержанием самих себя. Оставаясь в этой своей «наготе», они подвергались опасности не выдержать сравнения с историческими и общечеловеческими претензиями социализма.

Проблема была решена. Эволюция от безудержного капитализма к демократии на базе социального рыночного хозяйства была не случайным процессом в западной системе ценностей, а объективной необходимостью — в противовес социалистической системе-конкуренту. Создаваемые политическим строем условия для расширения капитала привязывались к гуманным целям свободного, равного и солидарного общества, целям, имеющим, с исторической точки зрения, те же корни, что и коммунистические идеи. Такая связь оказалась — даже и без удобной уверенности в завтрашнем дне, предлагаемой историческим детерминизмом — конкурентоспособной в борьбе с мировым социализмом.

Позже, по определенному поводу, на Западе появилась и стала пропагандироваться организациями типа «Римского клуба» еще одна общественная задача: сохранить планету для человеческого рода. То, что тема охраны окружающей среды не появилась в социалистическом учении и так никогда по-настоящему и не прижилась в соответствующей государственной практике, имеет разные исторические и географические причины, но это оказалось существенным фактором в борьбе конкурирующих систем — с началом политической эрозии почти все первые очаги оппозиции в Восточной Европе образовывались вокруг экологического движения.

Революция мировой политической системы в 1989-1991 гг. освободила Запад от этой конкуренции, которой он в большой мере обязан своим развитием и характером своей

идеологии. Плюралистическая мировая система превратилась в монистическую. Западная система ценностей торжествовала по поводу своего нового монопольного положения.

Первые восемь лет нового мирового порядка показали, что западные ценности в этой «освобожденной» ситуации резко изменяются. Тенденция такова, что традиционные, внеисторические, далекие от всякой высшей цели задачи оптимизации использования капитала отодвигают на задний план все попытки политиков установить социальные и гуманитарные цели развития общества.

После падения «железного занавеса» мировой рынок с умопомрачительной скоростью перегруппируется географически. Группы стран, даже целые континенты, объединяются в огромные экономические регионы, образуют гигантские внутренние рынки и одновременно, оптимизируя организацию производства, пытаются достигнуть наилучшего исходного положения в конкурентной борьбе с другими большими регионами. Уже сейчас, кажется, можно констатировать, что выживут только те регионы, которые смогут перенести производство из районов с высокой оплатой труда в страны, где труд ценится ниже. Эта философия скрывается за Североамериканской ассоциацией свободной торговли (NAFTA), точно также, как и за японской Азиатско-Тихоокеанской экономической кооперацией (APEC) и планами продвижения ЕС на Восток. Стремительно беднеющий юг планеты в растерянности наблюдает за развязанной борьбой гигантов. Более бедные страны третьего мира знают, что им в спектакле «Мировой рынок без границ» по новому сценарию «ГАТТ после Уругвайского соглашения» отведена роль маргинализированных статистов.

Возможным утешением для них может служить то, что у них будет много товарищей по несчастью, за исключением разве что маленькой группы экономических элит, владеющих капиталом на Севере. Ведь взрыв конкуренции на мировом рынке, не имеющем границ, приводит также и к обесцениванию человеческого труда в промышленных странах. Если есть возможность обойти национальные нормы охраны окружающей среды и труда, тарифные договоры и содержащиеся в заработной плате отчисления на общественные цели, если можно обойти принципы справедливости распределения и социальной защиты (ведь интернациональный характер концернов, возможность дислоцировать современное производ-

ство в любой географической точке и до смешного низкие цены на транспорт, то есть на энергию, открывают путь туда, где рабочая сила предлагается по самой низкой цене, и где использование этой возможности уже даже стало экономическим законом нового мирового рынка), то тут даже не на горизонте, а прямо перед собственным носом возникает призрак «благополучия ни для кого» (1), противоположность известной формуле успеха Людвига Эрхарда.

Промежуточные станции на этом пути можно уже сейчас увидеть на примере США. От «скудного производства» («lean production») через приватизацию общественных достижений, разрушение определенных договорами норм к «росту без создания рабочих мест» («jobless growth») и «росту без повышения уровня жизни» («wealthless growth»), а далее к утверждению нового класса — «работающих бедняков» («working poor»).

Мировая экономика, утратив после краха социалистической системы тормоза, начала своевольно развиваться исключительно на благо привилегированного меньшинства. И в Германии перспективой глобализации является ныне не «общество двух третей», а в лучшем случае — «общество одной трети». Это связано с ухудшением условий жизни среднего слоя, которому до сих пор гарантировалась стабильность (2).

Там, где рынок и конкуренция могут развиваться в чистом виде и без ограничений, без оглядки на правила конкуренции систем, которые, по крайней мере некоторое время, подчиняли это слепое ко всяким ценностям движение, там политическая деятельность утрачивает твердую основу под ногами. Ориентированная на высшие ценности политика утратила свой системосохраняющий смысл. Ее представители оказались просто нарушителями спокойствия, анахроничными реликтами из другого времени. Теперь наступила эпоха «дизайнеров от политики», черпающих информацию из мирового рынка без границ. Профсоюзы, защитники природы, социально ориентированные политики — ко всем этим «ископаемым» общества, базирующегося на договоре и консенсусе ценностей, в новых условиях никто больше не прислушивается. Потеря плюрализма в мировом масштабе, в интернациональной системе отражается на всех национальных политических и экономических уровнях. Новый закон гласит: только у того, кто достаточно быстро адаптируется к новым условиям, есть

шансы на выживание.

После краха социалистической системы в начале 90-х годов глобальное экономическое соревнование обострилось настолько, что во всех сферах политики тотчас же утвердился примат экономического. Заявление боннского федерального канцлера от 23 ноября 1994 года, например, было только лишь вариациями на одну тему: «Теперь нам надо напрячь все силы, чтобы Германия могла достойно встретить следующий, XXI, век». Адаптационный к новому порядку тон стал еще более явственным в другом высказывании Коля: «Экономический мир — и это чувствует каждый — в следующие 20, 25 лет изменится сильнее, чем за последние 100 лет. Мы должны на это настроиться». Это — ничто иное, как цитата из «Хагенского заявления» Съезда немецкой промышленности и торговли (Deutscher Industrie- und Handelstag (DIHT)) от 18 октября 1994 года, пусть даже и лишенная его угрожающей интонации: «Усиление международного соревнования будет продолжаться. Наша страна должна настроиться на это, проявля гибкость, на которую ни экономика, ни общество уже давно больше не считали себя способными».

Лучшее доказательство, указывающее на ослабление позиций политики, трудно найти. Осмысление этих процессов перестало быть даже предметом дебатов. Политическая деятельность сокращается до программы оздоровительной гимнастики с целью адаптации. Национальная политика служит этой цели тем, что помогает постепенно утверждаться непривлекательному наследнику погибшего при крахе социалистической системы исторического детерминизма коммунистического учения, а именно вневисторическому детерминизму системы ростовщического либералистического мирового экономического порядка, который выкурит с последних островков натуральные, автономные формы хозяйствования и станет чистой самоцелью.

* * *

Таким образом, бессилие политической власти оказывается всеохватывающим. Несмотря на изощренные арсеналы оружия, политика не в состоянии взять под контроль все увеличивающееся число кровавых конфликтов на планете, и вместе с этим рождаются разочарованность и нежелание бороться с законами развивающегося мирового рынка, который редуцирует национальную экономическую и социальную

политику, превращая их всего лишь в своего помощника.

Из-за этого прогрессирующего дефицита политической власти деформируется и политическая культура, причем в большей мере, чем, как принято считать, понижается квалификация политиков. Тот, кто не может эффективно задействовать потенциалы власти, кто в действительности является организатором адаптации к новому порядку за счет собственных граждан, тот уже не заслуживает доверия как защитник интересов граждан, решающий их проблемы, и вынужден погружаться в псевдополитическую деятельность, например, завоеывая симпатии с помощью выступлений по телевидению. Деформированная потенция современной международной политической системы дает дополнительную пищу синдрому недовольства политикой.

Какие существуют возможности сопротивляться мировой экономике, выросшей из «бедственного положения политики»? Легче перечислить все, что не является решением проблемы. Выход из создавшегося положения нельзя осуществить технически и достигнуть политическими средствами, и особенно в такой стране, как ФРГ. Не имеет шансов и вызывающая многочисленные дискуссии идея «мирового государства», которое будет призвано выступать как против учащающихся проявлений насилия в международной системе, так и против антигуманной дикости законов мирового рынка. И действительно, откуда же этой идее при отсутствии всякого давления извне взять средства и авторитет, чтобы на основе социальных ценностей помешать системе мирового рынка внедрению ее собственной логики? В этом также прослеживается месье монистической системы, образовавшейся в результате краха социализма 1989-1991 гг. Если когда-нибудь и будет создана организация «мирового государства», то она станет исполнительным органом законов мирового рынка, а не корректирующей и ограничивающей инстанцией.

Существует множество других предложений. Они могут ориентироваться на возрождение структур базисной демократии или на ренессанс экономической «политики реализма» — ни одно из них не предлагает надежной защиты от системы мирового рынка. Такой противодействующей силы не существует, и изобрести ее невозможно.

Точно так же не вызывает сомнения, что скорее рано, чем поздно эта мировая система потерпит крах. Несмотря на неудачи механизма, созданного Бреттон-Вудом, она приоб-

рела гибкие и мощные инструменты контроля за кризисами. Они выдержали испытание в начале 1998 года во время финансовой катастрофы в поражающих мир своим образцовым восхождением странах Юго-Восточной Азии. Инструменты дорогие, но эффективные. И, тем не менее, заключающаяся в логике этой системы маргинализация целых групп стран, даже целых континентов, как, например, Африки, в не очень далеком будущем вызовет неуправляемое сопротивление. Оно также приведет к предопределенному системой несправедливому распределению, которое будет постоянно увеличивать пропасть между богатыми и бедными обществами и репродуцировать те же «недоразумения» на национальном уровне («общества одной трети»). Это нездоровое развитие в конце концов станет непреодолимым препятствием и для экономической рациональности. И вот тогда положение станет действительно серьезным!

Это произойдет, когда взрыв производительности, сопровождаемый постоянным обесцениванием человеческого труда, приведет к коллапсу использования капитала: размывание среднего слоя устранил потенциального покупателя, «working poor» и возрастающее количество исключенных из экономического процесса лиц никак не смогут заполнить дефицит спроса, и в конце действительно настанет «благосостояние ни для кого». На данном этапе новые немецкие федеральные земли и находящиеся в состоянии трансформации восточноевропейские общества, в которые законы мирового рынка ворвались, как метеориты, являются наглядным примером этого: в витринах — фантастическое, доселе невиданное количество товаров, на улицах — люди с покупательными потребностями, но без денег. Если такая ситуация повторится в мировом масштабе, то это приведет к краху системы, и эту трещину не смогут залатать ни бегство в производство предметов роскоши, ни «пристраивание» на работу отверженных обществом людей в качестве домашних слуг.

Когда настанет крах мировой экономики, которая сейчас так блестяще обходится без политики, раздастся отчаянный крик о помощи, обращенный к политике. Вопрос только в том, будет ли готова к этому политика? Или ее субъекты так ослабнут вследствие сегодняшнего вакуума власти, что хаос застанет их полностью обессиленными?

Таким образом, перед нами двойная задача.

Между развитием системы мировой политики, интер-

национализацией и глобализацией мировой экономики существует тесная взаимосвязь, как между соединенными сосудами. Советская система потерпела крушение еще и потому, что слишком поздно начала приспосабливаться к изменяющимся условиям мировой экономики, а крах социалистической модели со своей стороны ускорил односторонний дрейф мировой экономики в сторону тупика стихийного неолиберализма (3). Сегодня транснациональные концерны давно уже поставили себе на службу все сферы политики национальных государств: они диктуют основные направления экономической и социальной политики, угрожая, что в противном случае сократят рабочие места, и добиваются успехов, требуя от внешней политики, чтобы та открывала им все двери в международном бизнесе. Где еще есть министр иностранных дел или глава правительства, который бы осмелился нанести государственный визит, не прихватив с собой целый самолет ведущих представителей национальной экономики?

Тот, кто не в состоянии спокойно смотреть на полную экономизацию нашего мира и хочет этому противостоять, кто воспринимает потерю политикой власти как лишение дееспособности и хочет воспрепятствовать этому, тот должен прежде всего понять глобальный аспект этих тенденций. Недоумение по поводу того, что после прекращения конфронтации блоков настолько мало удовлетворены законные надежды человечества на мир, безопасность, сокращение напряжения и вооружения, непосредственно связано и с вопросом, почему, несмотря на динамический технический прогресс и постоянное возрастание производительности труда, умножающееся общественное богатство не доходит до большинства — ни до зон бедности на нашей планете, ни до центров богатства, развитых промышленных стран, в качестве благосостояния для всех. Поэтому критическое рассмотрение международной системы, в которой сегодня делается мировая политика, имеет своей целью не абстрактное системно-теоретическое расширение фундаментальных познаний, а подготовку к созданию политических механизмов, которые нашли бы свое применение в повседневной политике. В условиях глобализированной экономики «Большая игра» оказывает влияние на положение в каждой точке земного шара. И поэтому не лишним было бы немного ознакомиться с правилами и приемами игры «Global Monopoly».

Глава 2.

В ожидании «мирных дивидендов»

«Новое мышление», пропагандируемое в свое время Михаилом Горбачевым в бывшем Советском Союзе, и прекращение в 1989-90 годах конфликта между Востоком и Западом пробудили большие ожидания. Не было больше видимой причины для продолжения бесконечной гонки вооружений, сопровождавшей всю холодную войну. Путь для обширных программ разоружения и конверсии, для огромной экономии бюджетных средств, отводившихся на оборону и защиту мира, казался свободным. Безопасность утратила сомнительный баланс, равновесие, державшееся на страхе, как верилось, может основываться теперь на прекращении конкуренции систем и напряжения между блоками. Сразу же распространились оптимистические фантазии о том, какие добрые дела можно будет финансировать за счет сэкономленных миллиардов. Логичным этапом таких размышлений стало рождение понятия «мирные дивиденды»: если до сих пор люди, желающие большей социальной стабильности и справедливости, были вынуждены соглашаться с необходимостью высоких расходов на вооружение, то теперь освободившиеся средства должны были бы пойти на их нужды. Получить выгоду от неистраченных на вооружение миллиардов надеялись также и страны Третьего мира, которых ведущие государства блоков во время холодной войны достаточно часто использовали для своих «войн чужими руками», — во всяком случае, такого перераспределения средств требовала организация ООН «Программа развития» (United Nations Development Program / UNDP) в своем отчете за 1994 год.

Вне сомнения, на содержание армий и вооружение на самом деле стало тратиться меньше денег, настолько меньше, что период с 1985 по 1995 год даже назвали «десятилетием разоружения». Временные границы этой декады не совсем убедительны, так как в середине 80-х годов безумная гонка вооружения еще раз достигла своей абсолютной вер-

шины. Специалисты часто называют рекордный 1987 год «пиком Рейгана»: этот американский президент, не обращая внимания на взывающие к благоразумию сигналы из Москвы, стремился любой ценой повести свою страну в последнюю милитаристскую экономическую битву, чтобы, наконец, раз и навсегда, «загнать» противника гонкой вооружения.

Впечатляют данные по десятилетию разоружения. За эти 10 лет военные расходы в мире уменьшились на 30%, количество занятых в военной промышленности снизилось на 28%, мировые запасы оружия сократились на 13%, на земле стало на 12% меньше людей в военной форме, и в общей сложности военный сектор уменьшился более чем на пятую часть (21%) (4). Если в рекордном 1987 году военные расходы составляли около одного биллиона долларов США, то в 1995 году на военные нужды в мире тратилось «только» 700 миллиардов, и уже в 1994 году армии насчитывали 24 миллиона солдат, то есть на 5 миллионов меньше, чем в 1987 году. Подсчитано, что по сравнению с 1986 годом государства мира до 1994 года истратили на вооружение и армии на 1,5 биллиона долларов США меньше, чем раньше. Международный валютный фонд определил, что доля военных расходов в мировом социальном продукте уменьшилась с 3,7% в 1990 году до 2,4% в 1995 году.

То есть, расходы на оборону действительно резко уменьшились, но, несмотря на огромную экономию, большие надежды на то, что эти «мирные дивиденды» быстро и ощутимо пойдут на общее благо, не оправдались. Для этого есть несколько причин. В начале 90-х годов в очень многих странах Запады государственные бюджеты трещали по всем швам, в то время как в бывших республиках Советского Союза, а также странах Восточной и Южной Европы политические перевороты привели к настоящему краху государственных бюджетов. Вследствие этого экономии в военной сфере приветствовали, видя в ней возможность уменьшить задолженность или разгрузить находящийся в бедственном положении бюджет. Предпринимая попытки проверить, куда исчезают мирные дивиденды, мы сталкиваемся то с «вневедомственной конверсией» (как, например, в случае Федеративной Республики Германии, которая направляет трехзначные миллиарды из сокращенных расходов на вооружение на развитие новых федеральных земель), то с «внебюджетной конверсией» (когда неизрасходованные средства распределяют-

ся между гражданами в форме уменьшения налогов).

Путь от «мирных дивидендов» до «благотворительных дивидендов» проследить непросто: там, где благодаря общественному спросу сокращение расходов на вооружение ведет к увеличению инвестиций и созданию гражданских ценностей, там улучшаются макроэкономические показатели — и тогда все зависит от того, используется ли на самом деле этот прирост для улучшения социального положения групп, на нужды которых до сих пор обращалось недостаточное внимание. Возможно, реальное существование мирных дивидендов наиболее убедительно можно показать от противного: если бы уменьшение военных затрат в свое время, в «десятилетие разоружения» не разгрузило бюджеты, то сегодня по многим причинам тяжелое социальное положение для многих было бы, вероятно, еще худшим (5).

Но есть и другие факторы, мешающие наслаждаться мирными дивидендами. Несмотря на уже имеющийся у нас исторический опыт процессов демобилизации и разоружения, мы вынуждены теперь снова убеждаться в том, какими дорогостоящими могут оказаться на деле разоружение и конверсия. В Федеративной Республике Германия, например, проходит параллельно два процесса сокращения: из 410 000 размещавшихся когда-то на территории ФРГ войск союзников (США, Канады, Великобритания, Франция, Нидерландов и Бельгии) уже в 1995 году осталась только одна треть. Бывшая западная группа советских войск освободила от своего присутствия пять новых федеральных земель и восточную часть Берлина. А Бундесвер, получив в наследство Национальную народную армию ГДР, временно увеличился до 620 000 человек, но взяв на себя обязательство придерживаться установленной в договоре «Два плюс четыре» верхней границы 370 000 человек, сократился за несколько лет почти до 340 000 человек. Оба процесса имели тяжелые экономические и социальные последствия для регионов, из которых ушли войска, игравшие важную роль в качестве работодателя и являвшиеся значимым экономическим фактором жизни этих регионов. Компенсирующие программы особенно необходимы там, где вывод войск коснулся структурно слабых регионов. Проблема «конверсии места размещения» обсуждалась на уровне федерации, земель и коммун. Тут речь шла не о «мирных дивидендах», а о проблемах и расходах, вызванных разоружением, которое пользовалось на много

меньшей популярностью у непосредственно имеющих к нему отношение людей.

В оружии и боеприпасах армии ГДР Бундесвер, в основном, не нуждался. То, что не годилось для собственных потребностей, либо предлагалось на рынках оружия, либо передавалось государствам-союзникам в качестве материальной помощи, либо приводилось в состояние непригодности и уничтожалось. Расходы на это намного превышали доходы от продажи. В своем заключительном отчете о использовании наследства ННА ГДР федеральное правительство подводило итог: негативное сальдо федерального бюджета свыше 1,4 млрд. марок ФРГ (6). Кроме этого, возникали политические проблемы. Федеральному правительству стоило больших усилий оправдывать передачу бронированной техники и огромного количества легкой техники и боеприпасов Турции, в то время как международные наблюдатели, несмотря на официальное опровержение, приводили доказательства их применения на фронтах курдской гражданской войны.

Но проблема «лишнего оружия» (surplus weapons) касается не только Германии. 165 000 тяжелых обычных орудий, 5 000 ядерных систем-носителей, 18 000 атомных боеголовок и как минимум 70 000 тонн химического оружия во всем мире ожидают своей участи. Торговля оружием расширяется и повышает опасность региональных конфликтов. Эффективная ликвидация ставших лишними систем оружия требует еще более дорогих усилий. Как известно, именно в области оружия массового уничтожения, надежная и экологически приемлемая ликвидация может стоить дороже, чем в свое время стоили его разработка и производство. Таким образом, безумная гонка вооружений холодной войны во второй раз требует затрат и значительно сокращает мирные дивиденды (7).

Процессы разоружения после окончания холодной войны происходят не везде и идут неравномерно. Подсчеты показали, что, хотя из 151 исследованных стран 82 тратят теперь на вооружение меньше денег, но в то же время 60 стран инвестируют больше, а 9 — столько же. Статистика разоружения очень выигрышает за счет коллапса государственных бюджетов в России и странах СНГ, в то время как сокращения в государствах НАТО с самого начала выглядели намного скромнее и в данное время стали еще меньшими. В

то время как Германия в 1996 году сократила расходы на оборону на 3,1% (с 1991 по 1996 гг. — даже на 22%), все вместе страны НАТО — на 2,9%. Если учесть довольно большое сокращение в США (минус 5%) и Канаде (минус 7,7%), то видно, что расходы европейских партнеров по альянсу не изменились. Что касается Соединенных Штатов, то тут картина часто оказывается искаженной из-за выбора величин, с которыми соотносят современные показатели. Так, в американской оборонной промышленности в 1997 году действительно работало на 38% меньше персонала, чем в рекордном по вооружению 1987 году. Если же сравнивать эту цифру с количеством работающих в 1976 году, который тоже был одним из пиков холодной войны, то получается прирост на 33% (8). В других регионах мира развиваются мощные программы по вооружению, например, в Юго-Восточной Азии с основными центрами в Малайзии, Сингапуре и Таиланде, даже с учетом того, что после катастрофических финансовых кризисов в начале 1998 года им пришлось внести в эти программы некоторые поправки.

Такие существенно различные реакции на переломе 1989-1990 годов объясняются в частности тем, что общее представительство интересов военных и оборонной промышленности собственных позиций не уступило. На Востоке сопротивление ВПК сломалось о непреодолимые экономические трудности, вследствие которых в России, в государствах СНГ и в Восточной Европе привилегированные когда-то сотрудники вооруженных сил и «военно-промышленных комплексов», по крайней мере временно стали жертвами трансформации. В то же время представителям армий и военной промышленности на Западе более успешно удалось защитить свои интересы.

Оборонная промышленность давно позаботилась о том, что заказы на новые системы оружия поступают теперь уже не для первоочередных военных нужд, а ради обеспечения рабочих мест. Промышленно-политические оправдания появились уже начиная с середины 80 годов, то есть параллельно с завершением холодной войны, рядом с чисто военными требованиями, и все больше вытесняли аргументы политики безопасности. Когда в Германии в 1997 году принималось решение по поводу самого дорогого военного приобретения в немецкой истории — нового истребителя «Еврофайтер» «Евроистребитель 2000» («Eurofighter 2000»), воен-

ная промышленность уже давно создала себе такое лобби, что большинство депутатов считало, что они должны решать вопрос о получении 18 000 рабочих мест и будущем существовании немецкой индустрии воздушного и космического транспорта, а не о том, имеет ли смысл создание системы оружия, представление о применении которого родилось еще во время угрожающих сценариев холодной войны. Большинство проголосовало в декабре 1997 года за «Евроистребитель», за который, по данным Федерального правительства, немецкие налогоплательщики до 2015 года должны будут заплатить 23 млрд. марок ФРГ, а по подсчетам Федерального вычислительного центра, — свыше 30 млрд. марок, а если учесть еще и так называемую «стоимость за все время эксплуатации» — то даже около 90 млрд. Проголосовавших «за» совершенно не смутило, что европейская военная промышленность разработала параллельно еще два истребителя (французский «Rafale» и шведский «Gripen»), что Россия предлагает на рынке по очень выгодным ценам новые модели МИГ 29 (то есть систему оружия, ответом на создание которой стала в свое время разработка «Евроистребителя»), и что у американцев в стадии разработки находится F22 — истребитель нового поколения. Снова большой национальной концерн, в этом случае DASA, успешно апеллирует к национальным инстинктам, провозглашая девиз: «Такая большая страна, как Германия, должна иметь собственную индустрию воздушного и космического транспорта, а следовательно — и «Евроистребитель».

Согласие немецкого парламента на этот проект сопровождалось также положительными решениями в странах-партнерах по проекту — Англии, Италии и Испании, и в некоторых высоких кругах праздновали победу. Но кроме этого у европейской военной промышленности повода для торжества нет. С 1985 года экспорт сократился наполовину, так же, как и количество работающих в этой отрасли, которое с 1,2 миллиона сократилось до 600 000 человек. В Федеративной Республике кровопускание прошло еще драматичнее: от почти 300 000 рабочих мест в оборонной промышленности в 80-х годах на сегодня осталось всего лишь 100 000. А конкуренция становится все жестче.

По ту сторону Атлантического океана это поняли раньше и сделали выводы. За несколько лет США пережили около 20 впечатляющих слияний фирм, и в результате этого

беспримерного процесса концентрации появились на свет три гиганта в воздушной и космической промышленности, а также в военной электронике: «Lockheed-Martin», проглотивший в июле 1997 года «Northrop-Grumman»; «Boeing», который принял «McDonnell Douglas»; и «Raytheon» после приема «Texas Instruments» и ряда других китов электроники (9). Общие обороты только этих трех гигантов составляли в середине 1997 года около 95 миллиардов долларов США (для сравнения: DASA — 8 млрд. долларов).

Американская военная промышленность решила так тесно сплотиться не сама по себе. Прозорливая американская администрация не только проложила путь к этому, но и оказала давление. Возможно, в американских книгах по истории когда-нибудь будет упомянут тот легендарный обед в Пентагоне, на который в 1993 году тогдашний министр обороны Лес Эсплин и его заместитель Пэрри пригласили руководителей 20 крупнейших американских военных предприятий («klast supper»), чтобы сообщить им, что через пять лет они хотят видеть в качестве представителей отрасли только меньше половины из них. Это желание исполнилось. И произошло это не в последнюю очередь благодаря тому, что правительство США поддержало этот процесс тремя мероприятиями. Оно субсидировало очищение мощностей и реструктурирование военной промышленности на базе обоюдной выгоды: если предприятия могли доказать, что их объединение выгодно и Пентагону, то они могли надеяться на дотации. По данным Генерального вычислительного управления (General Accounting Office /GAO), до сентября 1996 года расходы на слияние составили сумму 849 миллионов долларов США, из которых 179 миллионов были возвращены промышленности, в то время как Пентагон сэкономил на этом 347 млн. долларов. Частью стратегического плана было и то, что администрация США оказывала интенсивную поддержку американским продавцам оружия, создавая им лобби во всем мире. Прибыли от экспорта компенсировали фирмам расходы на реконструкцию. И наконец, ведомства США оперируют законами так гибко, что еще до сегодняшнего времени ни одно слияние военных предприятий не получило отказа.

Успех этой стратегии не заставил себя ждать. Американская военная промышленность не только пережила «десятилетие разоружения», но и вышла из него окрепшей, поскольку не была вынуждена идти на такие жестокие сокраще-

ния оборота как европейцы. Доля экспорта возросла во всем мире более чем на 40%. В 1996 году глобальная торговля оружием достигла оборота 23 млрд. долларов, из которых 10,2 млрд. проходили через американские карманы. Это почти вдвое больше, чем оборот крупнейших западноевропейских стран-экспортеров — Франции (2,1 млрд. долларов США), Великобритании (1,7 млрд. долларов США) и Германии (1,46 млрд. долларов США) вместе взятых. США расширили свой военный экспорт с 1990 года в основном за счет русской доли, которая вначале отсутствовала и только с 1997 года снова стала отслеживаться как более стабильная. В 1996 году она составляла 4,5 млрд. долларов США. Но амбиции европейцев составить конкуренцию американским военным гигантам не имеют на данное время практически никаких шансов. Препятствиями на пути к этому являются существующие на старом континенте раздробленность, сверхмощности, небольшие серии продукции и национальная ограниченность производителей. Они не дают им использовать преимущества снижения издержек за счет роста объемов производства («economies of scale») и экономии от роста масштабов производства («economies of scope») в таком объеме, как это удастся их американским конкурентам. Правда, объединения в действительно конкурентоспособные большие единицы провозглашаются полезными на протяжении уже нескольких лет, но они пока еще так и не состоялись.

На 34-ой Мюнхенской конференции по политике безопасности, состоявшейся в начале февраля 1998 года, некоторые из сенаторов США дали своим европейским коллегам добрый совет: не тратить сил на развитие европейской военной промышленности и предоставить все это дело Соединенным Штатам. Хроническая несостоятельность европейцев, проявляющаяся уже даже в том, что они не могут сформулировать хотя бы приблизительную «Общую внешнюю политику и политику безопасности», от которой до сих пор на деле нет ничего кроме внушительной аббревиатуры GASP (Общая внешняя политика и политика безопасности), и близорукость, мешающая переструктурированию и укреплению европейских военных мощностей — эти два обстоятельства могут заставить задуматься над подчеркнуто доброжелательным советом гостей.

Но принять его было бы опасно. Правительство США заботится не только об абсолютном первенстве американ-

ской военной промышленности на мировом рынке, но уже несколько лет работает над тем, чтобы повернуть вспять процесс, который привел почти к полному разделению между гражданской и военной технологиями. Теперь девиз американцев — слияние гражданских и военных мощностей и разрушение барьеров между этими сферами. Правительственные программы, такие, как «Реформа приобретения» («Acquisition Reform») и «программа технологических реинвестиций» («Technology Reinvestment Program»), поставлены целиком на службу этой цели. Благодаря оптимизированному трансферу технологий и использованию энергии, освободившейся в результате слияний, американское производство гражданских товаров должно получить такой же толчок, который уже вывел их военную продукцию на первое место в мире. Европейцам приходится иметь дело с ловкой стратегией, которая не оставляет им времени для дискуссий.

Что значат эти процессы для перспектив разоружения и конверсии после окончания конфронтации систем? Мы констатируем успешную кооперацию администрации ведущей западной державы, преследующей однозначную национальную цель, с ее военной промышленностью, которая после успешной модернизации и переструктурирования делает ставку на экспансию на мировом рынке, чтобы компенсировать недостаток правительственных заказов. Классический «железный треугольник» («Iron Triangle») между производителями оружия, Пентагоном и Конгрессом функционирует без изменений. Это видно и по обороту военно-промышленных гигантов, который посреди «десятилетия разоружения» сократился очень умеренно, хотя — и это является следствием эффектов рационализации и объединенной энергии процессов концентрации — число занятых значительно снизилось. У Northrop оборот между 1989 и 1994 годами сократился на 5%, а число занятых на 27%. У McDonnell Douglas оборот снизился на целых 2% при урезании рабочих мест на 49%, у Rockwell уменьшение оборота на 11% сопровождалось увольнением 34% сотрудников. А Lockheed Martin получил рекордное снижение оборота на 34%, сократив 10% персонала.

Таким образом, положение военной промышленности в американском обществе не изменилось. И не удивительно: пока 69% всех инженеров воздушного транспорта, 50% океанологов, 34% астрономов и физиков, 50% всех самолето-

строителей и 20% всех автослесарей работают на оборонный сектор, то такое положение останется непоколебимым (10). Поэтому лозунг сильнейшей страны нашего времени, супердержавы Америки: «Разоружение — да, но не у нас!» Правительство Билла Клинтона, сумевшее представить уравновешенный бюджет на 1998 год, не находится в такой ситуации, когда из-за финансовых проблем приходится рассчитывать на компенсирующую роль мирных дивидендов. Снизившиеся после безумной гонки вооружений эпохи Рейгана американские расходы на оборону в настоящее время остановились на отметке приблизительно 85% от уровня периода холодной войны, причем сектор вооружения составляет 5% от валового национального продукта. Этого достаточно, чтобы не прилагая никаких усилий, оставаться далеко впереди, недосигаемыми для конкурентов. Весь народ согласен с тем, что так оно и должно быть, и нет никаких оснований предполагать, что этот консенсус может дать трещину.

Во всех странах Запада, где, несмотря на окончание конфронтации систем, содержатся мощные вооруженные силы, общественность ожидает объяснения, для чего это нужно и почему это надо финансировать. Собственно, за этим ожиданием скрывается вопрос, почему мирные дивиденды не могут быть немножко большими. Представители вооруженных сил, военной промышленности и соответствующих государственных учреждений, все, кто заинтересованы в сохранении своего существования, предлагают старательно подготовленные обоснования. Как различить, где речь идет о классических оправданиях собственной функции, а где аргументы отражают новые национальные интересы или, возможно, даже новую государственную идеологию, формирующуюся после окончания холодной войны?

Ответ на этот вопрос достаточно просто найти там, где речь идет об актуализации сценариев угрозы. Противники слишком решительного сокращения военных потенциалов проявляют при этом солидную диалектическую выучку. Они пытаются сделать убедительным следующий тезис: противники по системе, ставшие за десятилетия конфронтации, можно даже сказать, добрыми знакомыми, не представляют больше серьезной угрозы, но как раз вследствие этого рациональный и урегулированный расклад «друзья-враги» сменился диффузной, трудно предсказуемой смесью с не поддающимся калькуляции риском. И наверное, вторая война в

Персидском заливе, так неожиданно, непосредственно после развала систем, разрушившая иллюзии на счет мирных шансов человечества после холодной войны, придала этому новому тезису дополнительную достоверность. Во всяком случае наступило время тех, кто еще перед выходом в свет книги Самуэля Хантингтона «Борьба цивилизаций» («The Clash of Civilizations», 1996) перед большими географическими картами неточными движениями описывали «исламские дуги кризиса» и могли назвать целый ряд региональных очагов войны, призывая вооружаться против таких случайностей и если и не увеличивать военный потенциал, то по крайней мере сохранять его неизменным.

Труднее разобраться в аргументах тех, кто отходит от основной идеи о том, что армия, собственно, кроме обороны страны и блока, не имеет никаких других задач, и доказывает, что вооруженные силы служат также и для того, чтобы интересы страны принимались во внимание во всем мире, например, если надо защищать источники сырья или контролировать торговые и транспортные пути. Возникает вопрос: является ли этот аргумент фантазией представителей определенных интересов или же здесь речь идет о новой необходимости? Возможно, чувствительное лобби «оборонного сообщества» («defense community») ощутило, что благодаря изменению парадигм национального и интернационального политического мышления открываются новые шансы и перспективы для сохранения мощных военных потенциалов?

Смена парадигм произошла не мгновенно и ошеломительно: это был постепенный и неуклонный процесс. Холодная война держала людей в ужасе уже только из-за противостояния огромных наступательных потенциалов по обе стороны «железного занавеса» и из-за вездесущей угрозы атомной войны, развязанной по ошибке или в результате необратимой эскалации. Но как раз поэтому холодная война создала политическую систему с эффективными средствами обеспечения безопасности и вызывающими уважение всех сторон инструментами блокады деструктивных или опасных поступков. Блоки по обе стороны спешно проводили контролируемое самоограничение, которое давало возможность поддерживать равновесие в глобальной атомной ситуации.

Конец Советского Союза означал также конец этой не лишенной риска, но базирующейся на доверии к рациональности противника системы баланса. Давление высшего при-

оритета — необходимости избежания атомного конфликта между блоками — будто бы смягчилось. В результате на волю была выпущена непредвиденная эгоистическая энергия, все сильнее формирующая международную систему после 1990-го года по образцу необузданной конкурентной борьбы времен раннего капитализма. Отстоять собственные интересы, в любом случае, с помощью локтей, а если надо, то и экономическим или даже военным давлением — это высшее правило отразилось и доктрине новых «игроков» за игровым столом мировой политики.

В Соединенных Штатах наблюдается при этом вариант, оказывающий сильное влияние на глобальную политику разоружения. Для США после окончания холодной войны возникла специфическая проблема оправдания. Уже во время конфронтации систем Вашингтон создал единую в своем роде сеть военных опорных пунктов, конечно, в первую очередь, с целью в случае необходимости противостоять с помощью военной силы возможному влиянию Советского Союза в каждой точке планеты. Как можно было оправдать сохранение этого глобального потенциала для «проекции силы» («power-projection») после того, как с исчезновением Советского Союза перестал существовать адресат такого обобщенного распространения власти?

Американский ответ на этот вопрос носит имя «Rogue Doctrine» (11) (доктрина по введению в заблуждение). Она базируется на очень простом различии, которое уходит корнями еще к идее Президента Вилсона. Согласно ей, есть два сорта государств: демократические, предсказуемые, хорошие и недемократические, непредсказуемые, плохие. Представителей второй группы определяют как «государства-негодяи», не описывая подробно критериев принадлежности к этой группе. Восемь стран на короткое или длинное время заняли место в этом списке: Ирак, Иран, Северная Корея, Ливия, Сирия, Бирма, Сербия и Куба. По отношению к этим «преступникам» Вашингтон проводит во всем мире формальную политику изоляции, приписывая им также — иногда доказательно, иногда предположительно — ответственность за международный терроризм. Моральные категории смешиваются при этом с политическими. Америка считает своей миссией бороться с этими режимами везде, на всем земном шаре, преследовать их и перекрывать им воздух экономическими эмбарго. Мировая супердержава США смиряется с экономи-

ческими потерями, например, с потерей от 15 до 19 млрд. долларов в 1995 году из-за отсутствия прибыли от торговли с этими странами, и ожидает от своих союзников, что они будут поступать так же и ни в коем случае не будут вести собственную политику по отношению к «Rogues». Эти свои чаяния США подкрепляют национальными законами, например, Законом о санкциях против Кубы, Ливии и Ирана («Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act», «Iran and Libya Sanctions Act»), известный еще под названием «Закон Хелмса-Бёртена» (Helms-Burton) и, угрожая не только правительствам, но и фирмам стран-союзников. Тех, кто решается нарушить эмбарго, наказывают жесткими санкциями на американском рынке. По сути, речь здесь идет о попытке придать национальным законам США всемирную силу, попытке, с точки зрения международного права, довольно сомнительной, но свидетельствующей о том, как решительно ведется борьба со «странами-негодаями».

Новый образ врага распространяется на несколько государств, общим для которых является собственно только одно: это «страны, находящиеся в плохих политических отношениях с Вашингтоном», как сухо определил член Национального совета безопасности (NSC) Гарри Сеймур (12). «Rogue Doctrine» должна была бы соответствовать продолжению политической и военной культуры периода холодной войны и после перелома 1989/90 годов. Для вопроса о мирных дивидендах гораздо важнее то, что доктрина «негодяев» существенно изменила политику разоружения ведущей западной державы.

Если в период конфронтации блоков иногда и удавались прорывы в переговорах о разоружении, то случилось это только благодаря тому, что стороны, наконец, соглашались не спорить больше о возможных политических намерениях касательно имеющихся арсеналов оружия, а концентрироваться на реально существующих военных возможностях и пытаться уменьшать их опасность самих по себе. Философия этого весьма продуктивного метода очень точно отражается в понятии «достижение структурной неспособности к нападению». В качестве цели здесь выступало сокращение обычных видов оружия: безопасность существует тогда, когда ни одна из сторон договора не имеет шансов победить, навав на другую — и не потому, что достаточные потенциалы для успешного отражения нападения находятся в руках у противобор-

ствующих правительств или государств. Создающее безопасность разоружение должно было ограничить военные способности количественно, качественно и географически таким образом, чтобы технически угрожающую ситуацию можно было бы создать только в результате явного разрыва договора и мобилизации дополнительных сил — то есть процессов, требующих времени и дающих возможность другой стороне подготовить собственную оборону.

«Rogue Doctrine» отменяет эту философию разоружения. Безопасность больше не кажется результатом процессов разоружения, которые усложняют злоупотребление военными потенциалами для всех участников или даже делают их технически и структурно невозможными, а безопасность царит тогда, когда ни одно «ненадежное государство» не имеет в своем распоряжении опасного оружия. По этой логике, нет ничего плохого в том, что «хорошие» государства имеют мощное оружие. Напротив: эти военные потенциалы служат для того, чтобы препятствовать вооружению «государств-негодяев» или принуждать их к разоружению, в то время, как разоружение «хороших» государств, с точки зрения политики безопасности, считается чуть ли не вредным. А тому, кто хочет убедительно пригрозить «злым» государствам, когда они себя плохо ведут, необходимо для этого содержать по всему миру сеть военных опорных пунктов, чтобы практически в любой точке планеты иметь возможность развить эффективную силовую политику, а также владеть всемирной независимой (т.е. спутниковой) системой коммуникации и контроля, чтобы в случае необходимости вести боевые действия на большом расстоянии от родины. На данное время осталась только одна страна, владеющая обоими факторами — Соединенные Штаты. Rogue Doctrine в совершенстве отвечает реальностям современной мировой политической роли и позиции Америки и придает этим реальностям концептуальное обоснование.

Для будущего разоружения, конверсии и «мирных дивидендов» эта доктрина с ее измененным понятием безопасности имеет далеко идущие последствия. Это заметно по современному статусу и перспективам крупных договоров о контроле за разоружением и за вооружением (13).

Самый важный договор по атомному разоружению, подписанный 3 января 1993 года, договор START II, например, все еще ждет своей реализации. Уже сейчас ясно, что

его цель — до 1 января 2003 года сократить количество ядерных боеголовок в Соединенных Штатах и в Российской Федерации до 3000-35000 — недостижима. В то время, как американский сенат ратифицировал договор 26 февраля 1996 года (через три года после его подписания), российская Государственная Дума не может решиться на этот шаг по сегодня. Причиной этого является, с одной стороны, то, что Москве в результате запрета договором START II ядерных ракет с разделяющимися головными частями пришлось бы разработать новые санкционированные ракетоносители. На это однако не хватает финансовых средств (поэтому-то и появилась идея «перепрыгнуть» через это состояние, о чем Россия уже сейчас пытается договориться в рамках так называемых «переговоров по START III»).

Но главным препятствием является то, что влиятельные политические силы, в первую очередь, среди республиканцев хотят разорвать договор по ПРО (ABM - Anti-Ballistic Missile) от 26 мая 1972 года. Этот договор запрещает системы обороны стратегических, баллистических ракет и должен, таким образом, обеспечить на длительное время состояние поочередной уязвимости как гарантию против искушения угрожать противнику атомным оружием или шантажировать его. Поддержание «равновесия страха» было частью философии выживания в холодной войне.

Чем однозначнее становилось технологическое преимущество Соединенных Штатов в соревновании систем, тем больше там росло давление со стороны тех, кто предлагал использовать это преимущество для взрыва ситуации пата и вооружиться до такой степени, чтобы США стали неуязвимыми. Возглавивший это движение Президент Рональд Рейган со своей программой «Звездных войн» произвел огромное впечатление на мировую общественность, но недооценил при этом технические и финансовые проблемы.

С тех пор республиканское большинство в конгрессе запустило Программу национальной ПРО ТВД (театра военных действий) (NMD/TMD - National Missile Defense/Theatre Missile Defense), предусматривающую ограниченную ракетную обороноспособность. Она призвана охранять американский континент, союзников, а также размещенные за границей вооруженные силы США от тактических ракет с дальностью до 3500 км. По мнению сторонников этой программы, такие ракеты могут быть выпущены с русских позиций (в слу-

чае, если в Москве когда-нибудь придут к власти менее миролюбивые силы) или же из стран «Rogue». Правда, 21 августа 1997 года в Женеве Вашингтон и Москва приняли соглашение о так называемой «разрешенной» и «неразрешенной» ракетной обороне, и соответствующий договор был подписан министрами иностранных дел 26 сентября 1997 года. Но это изменение договора по ПРО (АВМ) должно еще пройти через Сенат США, большинство в котором скорее склонно избавиться от всех ограничений, выдумывая всевозможные с трудом приемлемые для русской стороны поправки («amendments»). А российской Думе не нравится недостаточная юридическая обязательность Женевского соглашения, так что остается неясным, действительно ли путь к ратификации договора START II все еще открыт. Так, российские депутаты сомневаются, может ли их страна, обремененная хроническими проблемами со своими обычными вооруженными силами, вообще позволить себе дальнейшие шаги по атомному разоружению.

Русский отказ неприемлем, и Западу надо будет еще более настойчиво призывать Москву ратифицировать, наконец, подписанный еще в 1991 году договор START II. В любом случае нельзя не заметить, что после окончания холодной войны внимание западной общественности к атомному разоружению довольно сильно уменьшилось. И в этом решающую роль тоже играет «Rogue-Doktrin».

Беспокойство Вашингтона по поводу русского потенциала атомного оружия не особо велико, не считая определенного сомнения, все ли ядерные установки и склады ядерных боеголовок достаточно охраняются и контролируются. Зато усилилась тревога на счет того, что атомное оружие будет передано «ненадежным странам». И даже успех мая 1995, когда Договор о нераспространении ядерного оружия от 1968 года был провозглашен бессрочным, не мог окончательно устранить опасность распространения.

Вопрос только в том, с помощью какой стратегии можно достичь долгосрочной гарантии нераспространения. Путь, намеченный договорами об атомном разоружении, переговоры о котором велись еще во времена конфронтации систем, договорами START I и START II, а также Договором о нераспространении ядерного оружия (NPT), должен был объединить несколько компонентов: во-первых, обязательство по разоружению пяти признанных ядерных держав (США, Рос-

сии, Китая, Великобритании и Франции), во-вторых, содержание в продолжении проведения программ так называемых атомных государств на пороге создания ядерного оружия (Индии, Пакистана и Израиля) и, в-третьих, отказ государств, не имеющих ядерного оружия, от разработки, производства или покупки атомного оружия.

Под влиянием умозрительной модели «добрые страны — злые страны» в этой стратегии нераспространения «много» изменилось. Пять признанных ядерных государств не торопятся вступить в атомное разоружение, оставаясь верными девизу, что если надежные страны владеют средствами массового уничтожения, то само по себе это еще не представляет опасности. При этом они недооценивают неразрывную связь между их собственным самоограничением и отказом, требуемым от ядерных «неимущих» и стран, «находящихся на пороге». В конечном итоге напрасно искать в международном праве ответ на вопрос о том, какие страны, собственно, имеют право на атомное оружие, а какие нет. Поэтому уже в Договоре о нераспространении атомного оружия от 1968 года указывалось на обязательство по разоружению большей пятерки, а в мае 1995 года, при продлении на неограниченный срок договора, это обязательство было еще раз подчеркнуто. По новому расчету атомных держав получается, что и неатомным странам можно не придерживаться каких-либо обязательств, вплоть до того, что в случае необходимости они могут даже начать собственные программы разработок. Теперь ядерные государства, а в особенности США, готовы идти на риск, потому что это вполне согласуется с их политикой: где бы не грозила опасность попадания атомного оружия или других средств массового уничтожения в руки «ненадежных» государств, в крайнем случае Соединенные Штаты должны будут отреагировать на это военным вмешательством. Если же напротив «хорошие» или даже дружественные страны, как, например, Израиль или Пакистан, приобретают такие способности, то это не может стать причиной для тревоги и тем более поводом для вмешательства. На месте режима нераспространения на основе атомного разоружения и договорного отказа утверждается шаг за шагом выборочная стратегия нераспространения на базе военного принуждения. Здесь все продумано и на тот случай, если в новой системе однажды случится сбой: если действительно дело дойдет до нападения, в результате ошибки или

из-за смены власти внутри одной из постоянных ядерных государств или со стороны «страны-негодая», которая тайно приобрела соответствующие мощности, тогда противоракетная оборона («Counterproliferation») должна будет выполнить военные функции защиты — как минимум для США и их союзников.

В этой концепции заложена утрата значения разоружения для глобальной безопасности. Этим объясняется тенденция обесценивания после 1990 года крупных договоров о разоружении. На практике новый режим нераспространения породит множество проблем и вопросов, уже только из-за того, что он подразумевает применение двойных стандартов. Кто же принимает решение о том, какое государство может владеть средствами массового уничтожения, а какое нет? Кто должен определить момент, когда профилактическое разоружение «ненадежного» государства кажется целесообразным? И будет ли действительно возможно на длительное время достичь цели нераспространения атомного оружия на базе нового глобального классового общества: по одну сторону — «постоянная пятерка» с ее ядерными арсеналами, с ее полномочиями принятия решения о том, кто является «хорошим» государством и может не придерживаться закона о нераспространении, и с ее экзекутором Америкой, карающей «злые» страны, если они захотят поступить нежелательно, а по другую сторону — все те государства, которым ничего не остается, как смиренно принять свою судьбу атомных неминуемых? Многие указывают на то, что попытка ввести такой режим встретит сопротивление и такой порядок можно будет поддерживать только постоянной угрозой или применением силы. Новейшим доказательством этого может быть двойной кризис в Ираке в ноябре 1997 года и феврале-марте 1998. Правда, внутри содружества государств существовал консенсус о том, что режим Саддама Хусейна должен придерживаться резолюций Организации Объединенных Наций, но в вопросе, кто имеет право принимать решение о санкциях и проводить их, возникли значительные разногласия.

Очень существенным вкладом в гарантию нераспространения является договор о Всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (СВТБ), принятый после 40-летних усилий летом 1996 года, а в сентябре того же года представленный на подписание конференции государств в рамках Генерального собрания ООН. Договор формально войти в

силу, только когда его ратифицируют и три страны «на пороге» (Индия, Пакистан, Израиль). Индия до сих пор отказывается от ратификации и выступает от имени тех стран, которые настоятельно требуют всеобъемлющих обязательств по разоружению атомных держав, в случае, если остальным надо будет прекратить ядерные испытания. Это еще раз показывает, насколько важны дальнейшие шаги в атомном разоружении для перспектив нераспространения. Однако можно рассчитывать на то, что страны, вступившие в договор, будут придерживаться его и без формальной ратификации.

На переговорах по СВТБ долго велись дебаты по вопросу о том, какой мощности ядерные испытания надо запретить. Наконец стороны пришли к соглашению, что порог испытаний должен равняться нулю, а это означает не что иное, как то, что договор о прекращении ядерных испытаний делает невозможным разработку нового атомного оружия. Странники ядерного разоружения во всем мире связывали с этим большие надежды. Они ожидали, что теперь удастся ближе подойти к цели — миру, свободному от ядерного оружия. В то время, как прекращение испытаний должно было бы воспрепятствовать разработке нового оружия, процесс разоружения по договорам START должен был бы продолжаться и в следующем раунде вовлечь в новые обязательства по разоружению ядерные государства, до сих пор не принимавшие в них участие, — Китай, Великобританию и Францию.

Между тем и здесь наступило отрезвление. Специалистам трех больших «Национальных лабораторий» Соединенных Штатов (Los Alamos, Lawrence Livermore и Sandia) не пришлось искать другую работу. Министерство энергетики («Department of Energy») в Вашингтоне начало «Программу обслуживания и менеджмента ракетных запасов («Stockpile Stewardship and Management Program»), на которую Конгресс выделил на следующие 10 лет 40 млрд. долларов. Предусмотрены обширные серии испытаний с тем, чтобы иметь возможность в любое время обеспечить надежность и боеготовность американских атомных вооруженных сил. Но критически настроенные американские эксперты собрали многочисленные доказательства того, что в рамках этой программы разрабатывается также новое оружие и новая техника, которая, хоть и не формально, но по своей сути попадает под договор о прекращении испытаний. При этом в центре вни-

мания находится новая установка, строящаяся в лаборатории «Lawrence Livermore», которая стоит 1,2 млрд. долларов и называется «Национальная зажигательная установка» («National Ignition Facility»). Когда она будет готова, она станет наибольшей лазерной установкой в мире. Технически сведущие аналитики не могут, правда, распознать, какие задачи может выполнять этот комплекс для обеспечения существующих военных программ, но убеждены, что с помощью этой установки Америка получит возможность начать разработку нового поколения термоядерного оружия. Первые результаты исследовательской работы трех лабораторий, стоящей миллиарды долларов, уже появляются на свет, например, новая атомная боеголовка для поражения подземных целей, правда, официально называемая «не новой» (14).

Только Соединенные Штаты имеют в настоящее время в своем распоряжении технические средства для того, чтобы, обходя договор о прекращении атомных испытаний, совершенствовать и обновлять свою военную программу. Будут ли все остальные государства одобрять эту привилегию и тем не менее «с хорошей миной» придерживаться правил прекращения испытаний и обязательств по разоружению? Достаточно ли для всеобщего спокойствия указать на тот факт, что на данное время ни у одной страны в мире нет даже и близко финансовых средств для разработки нового поколения атомного оружия? В любом случае для мира намного более спокойной была бы ситуация, в которой ни одна страна больше не могла бы в одиночку принимать решения о применении оружия массового уничтожения, чем то, что мы имеем сейчас: с одной стороны, количество государств владеющих такими возможностями возрастает, но все эти государства признают военное преимущество ведущей мировой державы и вынуждены ей подчиняться.

Затянувшееся атомное разоружение и огромные инвестиции в обслуживание и модернизацию существующих arsenалов атомного оружия уменьшают надежды на перераспределение ресурсов после окончания холодной войны. Мечтающие о «мирных дивидендах» очутились в неудобном зале ожидания. Над вторым крупным договором по разоружению — договором об обычных вооруженных силах в Европе (договор КВЕ) — тоже собираются грозные тучи. С января 1997 года в Вене ведутся переговоры о его адаптации к изменениям в мировой политике после 1990 года, года под-

писания этого договора. Речь идет о том, чтобы спасти принятое еще во времена холодной войны соглашение, целью которого был стабилизировать баланс вооруженных сил между НАТО и Варшавским договором, сохраняя его для ситуации, в которой нет ни Советского Союза, ни восточного военного альянса, а расширение НАТО на Восток дополнительно изменяет расстановку сил.

Эти трудности можно было кое-как преодолеть с помощью нового способа подсчета (комбинации из национальных и территориальных максимальных показателей). Но теперь назревает конфликт, причиной которого являются американские представления о временном размещении войск («temporary deployments») для так называемой «стабилизации мира» в кризисных ситуациях. Весной 1998 года Вашингтон хотел обязаться правом вводить в каждую из союзных стран в подобных случаях до двух дополнительных тяжелых дивизий, что включало бы до 500 танков, 800 бронированных автотранспортных средств и 400 артиллеристских систем. Такое «повышение гибкости» верхних границ количества вооруженных сил не находило поддержки у большинства европейских партнеров по договору, кроме кандидатов на вступление в НАТО — Польши, Чехии и Венгрии — и даже считается «невозможной для переговоров».

Но и это еще не все: русская сторона пытается избавиться от ограничений, предписываемых договором, в другом месте, а именно обойти так называемое «фланговое урегулирование», по поводу которого в 1996 году велись новые переговоры. Это правило не позволяет Москве собирать слишком большие количества войск в приграничных районах, например, на беспокойном кавказском южном фланге.

Так, в результате давления с двух сторон, возникает «эффект «клешей», тормозящий развитие переговоров по адаптации КСЕ, которые собственно должны были завершиться весной 1998 года. Сейчас нет уверенности даже в том, что участники венских переговоров достигнут результата к магической дате 4 апреля 1999 (50-летний юбилей НАТО, в который торжественно будут приняты новые партнеры по альянсу). А если расширение НАТО на Восток произойдет без адаптации договора КВЕ, то это может привести к краху этого важного европейского договора об ограничении обычного вооружения (15).

Поводом для тревоги является также связь, существ-

вующая между расширением НАТО на Восток и дальнейшими шагами по разоружению в рамках договора КБЕ и важнейшими положениями Основногопологающего акта НАТО-Россия от 27 мая 1997. Если венские переговоры по КБЕ провалятся, Европа может оказаться в новом неконтролируемом витке спирали вооружения. К тому же тогда, без сомнения, значительно усилится недовольство Москвы по поводу расширения НАТО на Восток, о чем указывается уже сейчас в основном акте. Поэтому фракция СДПГ на заседании 12 февраля 1998 года в Бундестаге внесла решение, которое гласит: «Немецкий Бундестаг выражает свою обеспокоенность тем, что на переговорах о продолжении процесса КБЕ и о необходимой адаптации договоренностей об обычном разоружении к изменившимся условиям возникли серьезные трудности. Немецкий Бундестаг призывает всех партнеров поддержать переговоры, особенно касательно вопросов повышения гибкости флангового урегулирования временного размещения войск в случае кризиса, и попытаться найти возможность для обсуждения приемлемых предложений. Немецкий Бундестаг выражает свою надежду, что существующие в данное время трудности будут по возможности устранены, в любом случае до весны 1999 года и, тем самым, будет обеспечено будущее незаменимого процесса КБЕ» (16).

Если этот призыв не будет услышан, то может резко прерваться один из до сих пор наиболее успешных процессов разоружения, благодаря которому Европа сократила обычные большие системы оружия почти на 50 000 единиц. И произойдет это не в период возрастающего напряжения, а через восемь лет после заключения договора КБЕ, после окончания холодной войны. То, что достигнутое на данный момент можно развивать, видно по оставшимся потенциалам: в регионе действия договора КБЕ еще находятся в боевой готовности 6 миллионов солдат с 130 000 крупными обычными системами вооружения.

Итак, взгляд на важнейшие договоры по разоружению показывает, что при атомном разоружении по договору START II, договору о нераспространении и договору о прекращении атомных испытаний, были приняты значительные соглашения, история которых уходит своими корнями преимущественно во времена холодной войны. Однако и в период после конфронтации блоков доброе семя пробивается

медленнее, чем ожидалось. В результате изменения общей стратегии, стоящей миллиарды, невозможны никакие положительные прогнозы для политики нераспространения. На пути продолжения обычного разоружения в последнее время также есть серьезные препятствия.

Картина несколько просветляется, если принять во внимание два других процесса. 29 апреля 1997 года вошла в силу Конвенция о запрещении химического оружия. Она предусматривает — и это в истории разоружения невиданно — что на протяжении 10, а в случае с Россией — 15 лет, все запасы чрезвычайно опасных средств массового уничтожения, а именно — химического оружия, должны полностью исчезнуть с нашей планеты. Решающим моментом в этом является то, что оба главных владельца химического оружия уже вступили в договор — Соединенные Штаты со своими 30 000 тоннами подобного оружия накануне вступления договора в силу и Российская Федерация с ее 40 000 тоннами запасов в начале ноября 1997 года. Остается теперь привлечь к нему такие страны, как Ирак, Сирия, Судан, Ливия и Северная Корея. Ликвидация арсеналов химического оружия будет стоить очень дорого: в России, по оценкам, 10 миллиардов марок ФРГ. Еще пока не совсем ясно, как технически и экономически выполнить обязательства по этому договору. Но то, что конвенция по химическому оружию через четыре года после ее подписания в январе 1993 года в Париже наконец вступила в силу, это — большой успех. То же касается и запрещения противолохотных мин, которого удалось добиться на международной конференции в Осло в сентябре 1997 года. Соответствующий договор был подписан в начале декабря 1997 года в Оттаве многочисленными государствами. К сожалению, к нему еще не присоединились крупнейшие производители противолохотных мин: Россия, Китай и США. Тем не менее, необратимый процесс окончательного уничтожения этого чрезвычайно антигуманного вида оружия, кажется, начался.

Если взвешивать положительные и отрицательные моменты в разоружении, контроле за вооружением после перелома 1989-90 годов, то можно заключить, что многие ожидания до сих пор не сбылись. «Мирные дивиденды» есть, хотя они и не особо заметны. Они намного скромнее, чем можно было надеяться после ликвидации конфронтации между противоборствующими системами. Причины этого можно

найти и во внутренних процессах в военных секторах. Такая попытка была предпринята автором в данной главе. Но ответственность за это несут и другие изменения в мировой политике после 1990 года. Только точное освещение политического фона, на котором продолжается ожидание мирных дивидендов, может помочь объяснить, как могут быть востребованы отсутствующие или задерживающиеся улучшения в мире после преодоления конфронтации систем.

Глава 3.

Боснийский опыт: Организация Объединенных Наций не у дел

Когда в 1989 году настал конец старого европейского порядка и миру не приходилось было больше замирать в испуге, как только власть имущие в Москве или в Вашингтоне хмурили брови, казалось, что появились все основания для усиления роли международных организаций. Хотелось верить, что эти глобальные институты станут теперь более свободными, смогут лучше выполнять возложенные на них задачи, поскольку враждующие блоки больше не будут пытаться использовать их в своих целях. Наибольшие ожидания были обращены к Организации Объединенных Наций: на случай, если после прекращения холодной войны где-нибудь и возникнут отдельные конфликты или военные столкновения, теперь будет существовать более широкий консенсус, чем раньше, и, таким образом, будет легче урегулировать такие конфликты с помощью «голубых шлемов» миротворческих сил (peacekeeping forces) ООН.

На деле вышло все не так. В начале 1991 года мир потрясла вторая война в Персидском заливе. Резолюция ООН не произвела никакого впечатления на багдадский режим, так что тогдашнему Генеральному секретарю Пересу де Куэйру во время его последней попытки переговоров накануне боевых событий пришлось реагировать на ситуацию радикально. Акция «Буря в пустыне» («Desert Storm»), хотя формально и одобренная Объединенными Нациями, была для ООН вопросом сохранения авторитета. А окончательно решил этот вопрос намного позже, на кровавой европейской арене.

«Мир в Боснии и Герцеговине! Наконец-то можно облегченно вздохнуть. После продлившихся больше четырех лет убийств, резни, насилия и гонений, после невиданной в Европе с 8-го мая 1945 года войны договор, парафированный 21 ноября 1995 года на американской военно-воздушной базе

в Дайтоне (Огайо) и подписанный в 14 декабря 1995 года Париже, положил конец кровопролитию». Этот вздох облегчения содержится в «Заключении о вопросах мира» («Friedensgutachten 1996»), документе, в котором три ведущие немецкие исследовательские институты (HSFK, FEST и IFSH) ежегодно подводят баланс войны и мира на планете (17).

Наверное, в начале 1996 года не было ни одного человека, который не разделял бы это облегчение: наконец вечерние новости не начались больше сообщениями о замученных, скрывающихся, убитых людях из бывшей Югославии. В тот момент все были согласны, что нужно сделать все, чтобы сохранить этот мир, каким-то странным образом связанный с продуваемой всеми ветрами военно-воздушной базой в американском штате Огайо, и что ничего не может быть страшнее, чем возобновление боев. Однако продолжающаяся до сегодняшнего дня борьба за стабильность Дайтонского мира даже приблизительно не потрясает так, как в свое время Боснийская война. Общественный интерес резко уменьшился, квоты включения упали. Уже давно трудный процесс восстановления мира стал всего лишь одним из многих, утратил свою исключительность.

Это — то, что на поверхности. А за нею скрывается другой уровень, скрытая повестка дня («hidden agenda») Боснийского конфликта, характеризующаяся борьбой интерпретаторов за правильное толкование ужасных событий. При этом речь идет совсем не какой-то интеллектуальной дискуссии по поводу правильной классификации события. В первую очередь, речь идет о формировании политического сознания, о выводах, которые надо сделать из Боснии, то есть о будущем. Уже давно за возгласом «Можно вздохнуть свободно!» последовало целенаправленное изменение всей международной политической системы, изменение, которое находит свое оправдание в определенной интерпретации боснийских событий.

Козыри распределены неравномерно. Господствующая интерпретация событий уже повлияла на решение судьбы победителей и побежденных, даже если кое-где еще и существует сопротивление. Во временном последовательном балансе произошли следующие изменения:

1. Идея мирного решения конфликтов и сохранения мира (Peacekeeping) с помощью «голубых шлемов» ООН потерпела тяжелый удар, одновременно значительно

возросло согласие общественности с массированными военными интервенциями в качестве способа прекращения конфликтов.

2. Вследствие этого ООН как международная организация, запрограммированная на мирное решение конфликтов и сохранение мира, должна смириться с чувствительным поражением; параллельно с этим НАТО, успешно задействовав IFOR-SFOR, проявило свою способность к массированным военным интервенциям, в результате чего чрезвычайно возрос его политический престиж.

3. Проявилась несостоятельность европейцев решить боснийский конфликт без помощи США (что символизирует уже даже название места заключения мира — Дайтон) и провести миссии IFOR-SFOR без массированной американской помощи. Это стало политическим уроком, ускорившим изменения внутри НАТО, наиважнейшим из которых является возвращение в военные структуры НАТО Франции, отказавшейся от своих идей собственной европейской оборонной организации, и создание так называемого «Нового НАТО», способного к интервенции, правда, при помощи американской техники, но без обязательного участия Вашингтона.

Эти три процесса дают полное основание говорить о новой «международной политической системе после Дайтона». Но могут ли политические силы, устанавливающие теперь эту новую политическую систему, по праву ссылаться на «выводы Боснии»? Можем ли мы ожидать от этого теперь уже действительно «нового мирового порядка», который Джордж Буш несколько поспешно провозгласил уже в 1991 году, больше безопасности и мира? Должны ли мы действительно признать поражение наших взглядов на возможности предотвращения кризисов и невоенного решения конфликтов? Должны ли силы СДПГ и движения за мир, до сих пор всегда отстаивавшие эти принципы, сейчас сдаться, как пацифисты от «зеленых», которые после поучительного примера Боснии находят все меньше понимания даже в своей собственной партии?

В статье под заголовком «Босния — Ватерлоо немецких, европейских пацифистов?» (18) Андреас Буро сделал попытку мобилизовать нашу память и наш разум против «мифа о гуманитарной военной интервенции, которая «с помощью бомб установила мир». Автор совершенно прав, назы-

вая скверным искажением истории утверждение, что якобы в Боснии сторонники мирного решения конфликтов помешали своевременной масштабной военной интервенции, и тем самым не дали прекратить кровавый конфликт, затянувшийся таким образом на многие годы, пока, наконец, не вмешались американцы. В действительности же все западные правительства, включая Соединенные Штаты, сначала долгое время выступали за политико-дипломатический путь решения конфликта, и как раз военные специалисты от Науманна до Пауэла долго считали вмешательство нецелесообразным, указывая на исторический опыт в этом регионе.

Эта позиция изменилась не сама по себе — ее смела эскалация, которая между 1992 и 1995 годами получила развитие из противоречий западной политики в Боснии. Ужасные последствия имело то, что западные страны, а потом и пять государств «контактной группы» не нашли общей политической позиции. После долгих дебатов было объявлено эмбарго Федеративной Республики Югославии и эмбарго на продажу оружия воюющим сторонам в Боснии. На деле их никто никогда не поддерживался.

Сегодня мы знаем, что в то же самое время, когда военные корабли НАТО (среди них и немецкие) контролировали в Адриатическом море выполнение эмбарго, американцы через свои спутники уже с 1994 года наблюдали за иранскими поставками оружия боснийским мусульманам. Несмотря на решения ООН об эмбарго, которые были поддержаны в том числе и Вашингтоном, президент Клинтон молчал о своих наблюдениях и предпочитал не мешать иранцам (а они были такие не одни). Не кто иной как представитель одного из государств «Rogue» мог, нарушая эмбарго, рассчитывать на «молчаливое согласие» администрации США, поскольку она в боснийской игре делала ставку на военное укрепление мусульман. Ту же картину можно было наблюдать и Европе: ее правительства предлагали четыре разных плана установления мира в Боснии, из которых конфликтующие стороны ни один не воспринимали всерьез. Ведь хорваты чувствовали поддержку Германии, сербы — Англии, Франции и России, мусульмане — США. Недостаточная готовность европейцев и американцев, добиваясь мира в Боснии, отодвинуть на задний план собственные интересы была для конфликтующих сторон настолько явной, что они считали, что стоит рискнуть и игнорировать мирные планы.

На фоне этой политической несостоятельности развивалась эскалация на боснийских полях битв. «Голубым шлемам» ООН надо было бы отступить сразу же, как только они увидели, что отсутствуют важнейшие предпосылки для их задействования, то есть, в первую очередь, принципиальная готовность к миру конфликтующих сторон. Но так как последние вели свои войны без всякой оглядки на гражданское население, то «голубые шлемы» остались из гуманитарных соображений. Они спасли жизни сотен тысяч людей, рискуя при этом своими собственными. Погибло более 300 солдат мира UNPROFOR. Не имея возможности как следует защищаться, «голубые шлемы» постоянно оказывались между двух огней. Чтобы наказать воюющие стороны за нападения на подразделения ООН, НАТО с 1994 года начало атаковать воюющих с воздуха, что теми в свою очередь воспринималось как проявление солидарности с противником и как военное вмешательство. При такой раздвоенной ситуации — на земле — собственно нейтральные, беззащитные «голубые шлемы», в воздухе — карательные акции имеющего преимущество НАТО — сдерживать эскалацию было невозможно. Весной 1995 года сербы отреагировали на очередные нападения с воздуха массированным взятием «голубых шлемов» в заложники. В основном это коснулось частей из Франции и Англии, и те отреагировали, послав тяжело вооруженные силы быстрого реагирования («Rapid Reaction Force») для освобождения заложников. Когда сербы после этого не прекратили свои нападения, НАТО отреагировало наступлением войск быстрого реагирования на земле и массированными бомбардировками с воздуха. Миссия сохранения мира превратилась в массированную военную интервенцию, в тени которой произошел решительный сдвиг в распределении сил конфликтующих сторон (19).

Важно детально проследить этот процесс, поскольку каждый его шаг опровергает «миф о гуманитарной военной интервенции». В действительности же:

- политическая разобщенность европейских стран и контактной группы, а также недостаточно последовательное проведение эмбарго помешали политическому решению конфликта и продлили войну;
- «голубые шлемы» ООН были посланы на невыполнимое задание, вследствие чего возникла проблема их собственной защиты;

- переход к военной интервенции произошел не с целью защиты гражданского населения, а из-за того, что взятие «голубых шлемов» в заложники поставило на карту престиж поспавших их стран;

- не только сама эта интервенция потребовала многочисленных жертв, но кроме этого, она косвенно послужила причиной новых военных действий между конфликтующими сторонами, которые сопровождалась убийствами и гонениями в огромных масштабах; наиболее явно это проявилось, когда хорваты, отвоёвав Краину, изгнали оттуда 200 000 сербов.

Бесспорно, в данной ситуации сопровождаемая многочисленными дополнительными жертвами военная интервенция НАТО в конце-концов усилила готовность конфликтующих сторон согласиться на мирный договор, который был подписан в Дайтоне. Насколько «гуманным» был такой насильственный путь к миру, лучше всего показывает пример Сребреницы. Сегодня мы знаем, что в этой бывшей защитной зоне ООН было убито от 5 000 до 8 000 беззащитных людей. Роковыми для них стали следующие обстоятельства: с самого начала во всех шести защитных зонах части UNPROFOR ООН были слишком слабыми для того, чтобы в случае обострения ситуации иметь возможность сохранить прокламированный статус защитной зоны (все просьбы Генерального секретаря ООН Бутроса Гали послать дополнительные силы «голубых шлемов» были напрасными!). Когда в начале июля 1995 года сербские части начали наступать на Сребреницу, размещавшиеся там части UNPROFOR из Нидерландов напрасно молили о своевременной поддержке НАТО с воздуха. Наиболее вероятное объяснение отсутствия этой поддержки таково: на то время американская концепция мира в Дайтоне уже была подготовлена, и в ней не было больше места для таких этнических анклавов, как Сребреница и Зера. Более того, ликвидация таких анклавов была одной из предпосылок концепции Дайтона. Одновременно со сдачей обоих Президент Хорватии Туджман летом 1995 года беспрепятственно завоевал Северную и Южную Краину. И если даже никого не обвинять в том, что сербское массовое убийство было сознательно спланировано, то все равно утрата доверия в глазах людей, ищущих защиты, ликвидация анклавов, сопровождаемая многочисленными жертвами, и дешевое перекалывание ответственности за это на ООН, все это, как и завоевание Краины и

насильственные изгнания в Западной Боснии во время бомбардировок НАТО, неотделимо от истории успеха Дайтона. Сегодня никто не хочет этого слышать. В отчете независимой комиссии значится: «Успех Дайтона не может смыть позора и ужаса того, что была допущена Сребреница» (20).

29 августа 1995 года Милошевич и Караджич согласились вести переговоры с американцами. Но уже днем позже НАТО начало «преднамеренную миссию» — «Deliberate Force» и повело массированную бомбардировку позиции боснийских сербов, причем предлогом выступил жестокий артобстрел мирного населения в Сараево 28 августа, обстоятельства которого до сих пор не вполне выяснены. С точки зрения «восстановления мира с помощью бомб», «Deliberate Force» совершенно не имел смысла. Это был явный акт возмездия за ставшие за это время известными массовые убийства, совершенные людьми Младича в Сребренице и Зера. Эти детали приоткрывают совершенно иную картину, чем та предистория IFOR, которую охотно рассказывают сегодня. Оба этапа массированного военного вмешательства НАТО в 1995 году не имели ничего общего с защитой боснийских жертв или с принудительным восстановлением мира: на первом этапе считалось необходимым сохранить престиж западных государств, поспавших свои войска в составе ООН и освободить взятых в заложники собственных «голубых шлемов», на втором этапе — и здесь тоже важную роль играл вопрос престижа — речь шла о военных актах возмездия за сербские преступления в Сребренице и Зера.

Мы не собираемся рассматривать здесь вопрос о приемлемости такой реакции. Речь идет о том, чтобы показать, что утверждение о гуманной военной интервенции с целью восстановления принудительного мира является искажением фактов. Не «правильная» концепция мира в один прекрасный момент победила «неправильную» на пути к Дайтону, а имело место проявление дипломатической несостоятельности; задачи для войск ООН оказались невыполнимыми, что усилило возможность военного вмешательства, и, в конце концов, военные действия были прекращены в полностью разрушенной стране. На момент подписания Дайтонского соглашения в Боснии-Герцеговине было убито 145 000 людей и 174 000 ранено, 2,5 миллиона жителей находились в бегстве, 1,1 миллиона покинули страну, а 60% всех домов оказались совершенно разрушенными.

На протяжении 1996 года в Боснию было послано 60 000 солдат. Какое противоречие: крайне слабо вооруженные «голубые шлемы» UNPROFOR с 1992 года шли в огонь между боснийскими конфликтующими сторонами, а после этого их упрекали в том, что их миссия сохранения мира не увенчалась успехом; IFOR с прекрасно снаряженными боевыми частями получает задачу сохранения мира, то есть контроля за выполнением принятого конфликтующими сторонами мирного договора, а весь мир празднует их успех! И здесь же, рядом, на много слабее оснащенные гражданские силы должны обеспечить политическую нормализацию жизни в Боснии и начать отстраивать почти полностью разрушенную страну. В тени истории успеха IFOR на их заботы долгое время почти никто не обращал внимания.

Боснийскому конфликту не удалось ни опровергнуть необходимость мирного решения конфликтов, ни оправдать массированную военную интервенцию в качестве единственно обещающей успех альтернативы. Этот конфликт имеет свою собственную, сложную историю, свидетельствующую о том, что до заключения Дайтонского мира за счет многочисленных жертв шла борьба за противоречивые интересы между разными национальными государствами и внутри интернациональной системы. Не было «гуманной военной интервенции», а просто вследствие многостороннего политического поражения возникла туловищная ситуация, в которой эта интервенция стала последним средством для сохранения авторитета участвующих стран.

В итоге этот в большой мере трагично-ошибочный ход событий, это несчастье для европейской общей внешней политики и политики безопасности преподносится заинтересованной стороной как «восстановление мира с помощью бомб». В будущем даже из-за масштабов сопутствующего ущерба надо отклонять каждую попытку выдавать решение Боснийского конфликта за образец международного обеспечения мира. Но как раз именно это и происходит, причем расчет ведется на то, что из общественного сознания предистория Дайтона и IFOR-SFOR уже стерлась. Однако опыт интервенции во второй войне в Персидском заливе, Сомалии и Боснии все же свидетельствует о том, что мир больше, чем когда-либо нуждается в предупреждении кризисов и моделях невоенного решения конфликтов!

20 декабря 1995 года войдет в историю. В этот день

свершился «обмен авторитетом» («Transfer of Authority») между солдатами в «голубых шлемах» ООН UNPROFOR и боевыми частями НАТО IFOR. Пристыженная ООН, в общественном сознании виновная в «поражении» при выполнении своей задачи обеспечения мира в Боснии и защите гражданского населения, сошла с арены. Поскольку после того, как ответственность перешла к НАТО, сразу же прекратились боевые действия, как это было договорено в Дайтоне, то в тот же день началась история успеха IFOR, которая при каждом удобном случае используется теперь для пропаганды военного вмешательства с целью решения конфликтов и для расширения полномочий НАТО.

Трудно предусмотреть, смогут ли Объединенные Нации в обозримом будущем оправиться от этого удара. Идея создания наднациональной нейтральной всемирной организации, имеющей исключительную монополию и соответствующие средства для того, чтобы быть в глобальных масштабах арбитром в конфликтах и миротворческой инстанцией — эта идея понесла значительный ущерб. Никто не спорит, что ООН в Боснии совершила ошибку и проявила свои слабые стороны. Но чем дольше длился конфликт, тем более целенаправленными и последовательными становились действия «голубых шлемов», вместе с тем идея сохранения мира заволакивалась в тупик, а на Организацию Объединенных Наций сознательно навлекался позор. При этом использовались следующие методы:

- С самого начала, как уже упоминалось, не были созданы предпосылки, соответствующие правилам ООН для задействования миротворческих миссий, тем не менее создавалось впечатление, что UNPROFOR и при таких обстоятельствах в состоянии выполнить свою задачу.

- Не были услышаны настойчивые просьбы Генерального секретаря дать в распоряжение ООН достаточное количество сил, по крайней мере при выполнении непосредственных задач защиты (например, в зонах защиты).

- Не было обращено внимание на неоднократные предостережения генералов ООН по поводу расширения проводимых силами НАТО карательных акций с воздуха против сербов. С самого начала военное командование НАТО проводило на боснийской арене свою собственную стратегию и политику, которая практически не брала в рас-

чет обстоятельств, в которых находились UNPROFOR.

- Во время миссии в Боснии и после этого многие страны-члены ООН в прямом смысле голодали: за это время задолженности по взносам доходили до 3,6 млрд. долларов, половину из этой суммы составлял долг Вашингтона. К финансовому истощению прибавлялась ответственное порицание со стороны представителей НАТО, в том числе и со стороны немецкого министра обороны Фолькера Рюе, критика, переходящая местами в насмешки и сарказм.

Неоднозначное отношение США к Объединенным Нациям после победы республиканцев в ноябре 1994 года еще больше усугубилось. В то время как в широких кругах американской общественности ООН считается оплотом антиамериканских настроений, все больше стран Третьего мира проявляют свое недовольство как раз по поводу того, что в ООН доминируют Соединенные Штаты и все решения Совета Безопасности контролируются Западом. Подтверждением для их упреков послужило и то, что в конце 1996 года американское правительство не дало остаться Генеральному секретарю Бутросу Гали на своем посту на второй срок. Выбор Кофи Аннана открыл всему миру новую истину: хозяином в нью-йоркской штаб-квартире Объединенных Наций может быть только лицо, удобное Вашингтону, и его будущее задание заключается в проведении внутренней реформы этой могущественной международной организации с целью более эффективной, а значит, в первую очередь, более дешевой ее организации.

В первый год своего пребывания на посту новый Генеральный секретарь интенсивно занялся выполнением этой задачи и в июле 1997 года представил свою собственную программу реформ. После окончания боснийской миссии UNPROFOR объем миссий «голубых шлемов» резко сократился. В 1993 году под голубым флагом ООН служило 78 744 солдата-мировотворца, в начале 1998 от них осталось всего лишь 14 879. Завершив свои миссии в Анголе и Восточной Славонии, в свои части вернутся еще около 2 800 «голубых шлемов». Новые миссии не планируются, и Кофи Аннанау стоило больших усилий сделать соответствующие обещания. Ведь ООН должна странам, посылавшим миротворческие части, 1,5 млрд. долларов — это почти точно та же сумма, которую, несмотря на многократные обещания, еще не вы-

платил Вашингтон. Но если не будет денег, то не будут поступать предложения от более бедных государств Третьего мира, так как в прошлом вознаграждения за предоставление ими контингентов «голубых шлемов» шли на поправление их бедствующих оборонных бюджетов, и поэтому в миротворческих миссиях ООН их было большинство. Так или иначе, идея Бутроса Гали, который предложил дать в распоряжение ООН постоянную миротворческую армию, не понравилась ни одному из крупных поставщиков войск для ООН.

Время «голубых шлемов» однозначно отходит в прошлое. Победитель в этой всемирной борьбе за власть — НАТО. С новой эмблемой IFOR/SFOR западный альянс продвинулся на хорошо подготовленную вакансию, оставив в дураках ООН. Какой шанс, какая перемена декораций! После 1990 года и завершения биполярного противостояния послевоенной системы многочисленные наблюдатели предсказывали конец НАТО, так как его историческая миссия казалась выполненной. Но в 1996 году бывший западный оборонный блок разогнался для нового прыжка: увенчанное престижем мировотворца в Боснии, окруженное заискивающими государствами Центральной и Восточной Европы, которые добиваются интеграции в европейские структуры, НАТО готовится к тому, чтобы вступить во владение наследством Объединенных Наций в качестве свежей, способной к действиям в глобальных масштабах миротворческой силы.

После долгих колебаний последовали начали вдруг предпринимать решительные шаги по созданию необходимых для этого организационных и технических предпосылок. Конференция министров Северо-Атлантического совета 3 июля 1996 года в Берлине и конференция министров обороны 13 июля в Брюсселе заложили основы для «Нового НАТО». С тех пор НАТО концентрирует свое внимание на международных функциях наведения порядка, не имеющих ничего общего с его бывшими оборонными задачами, и предлагает себя в качестве военного исполнительного органа также и для миссий Объединенных Наций, ОБСЕ и WEU. Важнейшей базой для этого должны стать Объединенные оперативные вооруженные силы (ООВС) («Combined Joint Task Force» - CJTF), которые в случае их задействования должны использовать находящиеся под американским контролем мощности для «командования, контроля, коммуникационных и информационных служб» («command, control, communication and intelligence»),

без которых было бы невозможно выполнение каких-либо задач вне региона НАТО, причем в таких случаях прямое участие США больше не обязательно.

Тот факт, что это давно планируемое увеличение эффективности, гибкости и способности НАТО к решению так называемых необоронных задач, в том числе и вне региона НАТО («Non-Article-5-Missions») сейчас, благодаря получению согласия на ООВС так быстро нарастает, тоже связан с западным опытом в Боснийском конфликте. Европейские члены НАТО должны были с прискорбием констатировать, что после поражения дипломатии в Боснии они не только политически находились в зависимости от помощи Соединенных Штатов, но и собственными силами, без массированного американского участия никогда бы даже не смогли провести такую миссию, как IFOR. Вследствие этого Президент Ширак отказался от «идеи-фикс», за которую французские политики держались на протяжении 30 лет, — от стремления к независимой от Америки европейской политики безопасности, и привел Францию обратно к военной кооперации с НАТО. Все это выглядело довольно привлекательно, хотя бы уже даже потому, что благодаря концепции ООВС в будущем европейцы, используя очень дорогостоящие военные технические возможности американцев, смогут проводить собственные миссии, не попадая в конкретном случае в зависимость от прямого участия США и, тем самым, от смены настроений в Вашингтонской внутренней политике.

Интересно, что это «новое НАТО» считает, что оно может отказаться от какого бы то ни было парламентского утверждения, хотя изменяющиеся сейчас цели этого военного союза перестают соответствовать Вашингтонскому договору, то есть, с юридической точки зрения, международно-правовой основе НАТО. Однако тревогу должно вызывать то, какой «новый мировой порядок» устанавливается непосредственно вследствие Боснийского конфликта. Беспорядочность общественности должны вызывать следующие черты этого нового порядка:

1. ООН в значительной мере утратила свою роль международной организации для поддержания мира, в которой государство Третьего мира до недавнего времени еще, по крайней мере, имели шанс быть услышанными.

2. Вакантное место силы, наводящей порядок и имеющей глобальные претензии, занимает «Новое НАТО»,

то есть организация, в которой, по сути, представлены интересы исключительно развитых западных промышленных государств.

3. Миссии IFOR-SFOR подняли престиж НАТО и доказали, что оно обладает способностью проводить военные интервенции. Сокращенное и искаженное восприятие опыта Боснии ориентирует мировое общественное сознание на модель военного решения конфликтов, для которой НАТО предлагает себя в качестве идеального исполнителя. Идея о необходимости дальнейшего поиска возможностей гражданского предотвращения кризисов и невоенного преодоления конфликтов остается невостребованной.

Движение за мир и партии, имеющие свою собственную традицию в области борьбы за мир, такие, как СДПГ, не имеют шанса на успех, когда во всем мире общественное сознание исходит из ошибочных выводов опыта войн в Персидском заливе, в Сомали и Боснийском конфликте. Успехи «последней минуты» миссии IFOR не должны создавать ложное впечатление и заставить забыть о том, что реализация «боснийской модели» оставила за собой человеческие жертвы и материальный ущерб, невиданные в Европе со времен Второй мировой войны. Уже только из-за этого нельзя допустить, чтобы в будущем политика мира строилась на методах решения конфликтов «а ля Босния».

Превращение перемирия в бывшей Югославии в стабильный мир зависит в первую очередь от успеха гражданской реализации Дайтонского договора. Вместо того, чтобы совершенствовать инструменты глобальной способности к интервенции, международные силы должны сосредоточиться на выполнении именно этой задачи. Несмотря на заверения впервые проявившей наконец готовность к кооперации правительства Сербской Республики в начале 1998 года, временные перспективы самостоятельной нормализации отодвигаются все дальше в будущее. В декабре 1997 года НАТО вынужденно было принять решение о продлении срока миссии «Stabilization Force» (SFOR) на более длительный срок, чем было ранее предусмотрено - до июня 1998. Несколько позже в игру была введена аббревиатура «EFOR» (Eternity Force - «вечные силы») для обозначения продления этого срока. Естественно, вместе с этим возрастают и расходы на военное обеспечение боснийского мирного процесса, которые в начале 1998 года превысили 10 миллиардов долларов.

Что касается будущего ООН, то новые надежды связываются с оставшимися незамеченными действиями Генерального секретаря Кофи Аннана в двойном иракском кризисе в ноябре 1997 - феврале 1998 годов. Некоторое время казалось, что не удастся избежать военного вмешательства Соединенных Штатов и Великобритании против Ирака. Такой шаг против воли постоянных членов Совета Безопасности ООН (России, Франции и Китая) привел бы США к новому серьезному кризису, не говоря уже о политических последствиях такой акции на Ближнем Востоке и в арабском мире. Кофи Аннан убедил иракское правительство не нарушать Резолюцию ООН №687 от 3 апреля 1991 года, то есть придерживаться обязательств по контролируемому прекращению всех разработок оружия массового уничтожения, чем значительно поднял авторитет Объединенных Наций. Если то, чего удалось добиться Генеральному секретарю в результате переговоров 22 - 23 февраля 1998 года в Багдаде, окажется политически надежным, то можно надеяться, что это даст силу наиважнейшей международной организации более успешно противостоять негативным тенденциям при определении ее роли в международной системе после Дайтона.

Глава 4.

Марш победителей: НАТО и его расширение на Восток

В результате событий в Боснии у НАТО появился авторитет «фирмы услуг», которая может в глобальном масштабе выполнять задания по восстановлению мира и безопасности. Однако чтобы выжить в изменившихся условиях, НАТО преследовало еще одну цель. Ему посчастливилось избежать пучины, поглотившей другой военный блок, и даже удалось заполнить собой вакуум, образовавшийся вследствие этого в Восточной Европе. Благодаря расширению на Восток, альянс на долгие годы стал важнейшей темой в медиа. Первым апогеем этого удивительного успеха стала встреча на высшем уровне 8 июля 1997 года в Мадриде, на которой НАТО пригласило вступить в альянс восточноевропейские страны, находящиеся в стадии реформирования — Польшу, Чехию и Венгрию. Уже в конце 1997 года переговоры с тремя кандидатами по поводу вступления успешно завершились. На 1998 год была запланирована ратификация в 16 странах-членах НАТО, и во время празднования 50-ой годовщины основания НАТО, 4 апреля 1999 года, в него торжественно вступят новые партнеры по альянсу.

Решению, принятому в Мадриде, предшествовали изнурительные переговоры. Расширению военного союза на Восток должна была сопутствовать продуманная «сопроводительная стратегия». Преодолеть настойчивое сопротивление российского правительства удалось благодаря принятию «Основополагающего акта про взаимные отношения, сотрудничество и безопасность» (Основополагающий акт НАТО-Россия), подписанного 27 мая 1997 года в Париже. В нем предусматривается, что в будущем в рамках «Постоянного Совместного Совета НАТО-Россия» Россия будет участвовать в решении практически всех вопросов, касающихся безопасности в Европе (21).

Кроме этого, в подписанной 9 июля 1997 года «Хартии об особом партнерстве между НАТО и Украиной» НАТО взяло на себя обязательство проводить с Украиной постоянные расширенные консультации (22). Не до конца урегулирована в этой «сопроводительной стратегии» проблема, как быть с разочарованными девятью из двенадцати стран Восточной и Юго-Восточной Европы, которые, согласно решению встречи в верхах в июле 1997 года, не оказались в первом раунде приема. Главную роль в решении этой проблемы должен сыграть новый «Евро-Атлантический совет партнерства» (ЕАРС), который, как запланировано, придет на смену существовавшему ранее Координационному совету НАТО.

Тот факт, что НАТО в конце 90-х годов играет такую значительную роль на политической арене, не кажется естественным. Когда в 1989-90 годах прекратилась конфронтация блоков, и в 1991 году был распущен Варшавский пакт, многие наблюдатели считали логическим следствием этого конец НАТО. На иной поворот событий повлияла крайне сильная заинтересованность западного альянса в продолжении своего существования. Те, кто представляют эти интересы, действуют большей частью за кулисами и сочиняют «мифы» для политических процессов, служащие для отвлечения внимания общественности. Таким образом, за последние годы возник настоящий «синдром идеологии расширения», причем в таких странах, как Соединенные Штаты и Федеративная Республика Германия, он принял различные черты. Тому, кто стремится понять актуальный политический процесс и конструктивно влиять на его дальнейшее развитие, необходимо сначала составить себе верное представление об этих «мифах».

У «клуба» есть свой устав, регулирующий прием новых членов. — какие могут быть возражения, если дверь открывается, когда в нее стучатся? Миф об «открытости» построен на этом образе и использует такие понятия как «право на самоопределение» или «суверенитет» бывших членов Варшавского пакта, которые теперь решили ходатайствовать о вступлении в НАТО. Конечно же, войти в эту «дверь» может не каждый, так как существует несколько критериев для вхождения: демократия, уважение прав человека и прав меньшинств, мирные взаимоотношения с соседями и тому подобное. Но для того, кто выполняет эти условия, — путь свободен.

Эта идиллическая картина клуба имеет мало общего с реальностью. Дело в том, что у истоков истории расширения

НАТО существовала, собственно, не проблема спроса, а проблема предложения. Естественно, мудрые, хорошо оплачиваемые головы в могущественной организации НАТО взялись придумывать новые планы и задачи, когда новая эра, начавшаяся после холодной войны, поставила под вопрос целесообразность существования военного блока. Результатом стали исследования, в которых были сделаны следующие выводы: Соединенным Штатам нужно НАТО, чтобы сохранить свое политическое влияние в Европе; кроме того, НАТО им нужно в качестве военного плацдарма для осуществления своих геостратегических планов на Ближнем Востоке и в Южной полушарии; к тому же, отношения между восточноевропейскими странами-членами НАТО и Россией настолько сложные и нестабильные, что там действительно существует необходимость принять меры для безопасности этих стран.

То, что было предложено, получило название «продвинутой стабильности» («Promote Stability»): «новое НАТО» должно было расширяться на Восток, но уже не в виде направленного против России военного союза, а как сообщество демократических государств с рыночной экономикой, которым надлежит распространить свою стабильность на новых членов и, тем самым, одновременно оказать поддержку демократически настроенным политическим элитам в государствах, находящихся в процессе реформирования (23).

В соответствии с этим 24 февраля 1997 года Президент США Клинтон в своем докладе американскому Конгрессу о расширении НАТО на Восток охарактеризовал план расширения альянса как часть широкой стратегии Запада (24). Прием новых членов «упрочит альянс, внесет вклад в укрепление стабильности в Европе и будет служить американским интересам». Тут же Клинтон добавил, что «расширение является одним из высших приоритетов президента в американской внешней политике». В другом месте доклада говорится, что без расширения на Восток «НАТО подвергается риску утратить свое значение или даже прекратить свое существование».

Когда в 1993 году НАТО представило свое предложение по расширению под маркой «экспорта стабильности», то в Восточной Европе оно нашло такой спрос, какого за два года до того еще не могло быть. В 1991 году Вышеградские государства разработали общую стратегию, чтобы как можно быстрее попасть в другой привилегированный клуб Европы — в

Европейский Союз. На протяжении нескольких лет перспектива вступления в ЕС имела среди европейских государств, находящихся в процессе реформ, явный приоритет. И только когда наступило разочарование, вызванное тем, что в приглашениях ЕС не указывалось конкретное время приема, а также явным сопротивлением внутри ЕС против поспешного расширения и сомнениями, выражавшимися гражданами многих государств ЕС по поводу II-го Маастрихтского плана, восточноевропейские государства изменили свои приоритеты. Предложение со стороны НАТО, как казалось, способно было своевременно заполнить возникающую пустоту.

Миф об открытости нельзя воспринимать всерьез, так как решающими факторами для вступления являются вовсе не объективные критерии, такие как статус стабильного демократического и правового государства. 8-9 июля 1997 года в Мадриде 16 прежних членов НАТО решили, кто из кандидатов получит приглашение. В возможных дальнейших решениях о приеме также будут доминировать прагматические политические соображения. Каким бы справедливыми не был отказ Москве в праве вето, но все же при принятии политических решений учитывается и будет учитываться возможная реакция России.

Разрушение мифа об открытости не означает отрицания того, что у государств Восточной и Юго-Восточной Европы есть вполне понятные интересы безопасности, в свете которых предложение НАТО о расширении показалось им чрезвычайно привлекательным. Достаточно вспомнить катастрофы разделов Польши в XVIII-XIX веках, последствия политики Сталина и Гитлера в этих странах, а также угрозы ввода или ввода войск Советского Союза в Венгрию в 1956 году, в Чехословакию в 1968 году и в Польшу в 1981 году, чтобы понять реакцию Варшавы, Праги и Будапешта на представившуюся возможность вступления в западный альянс. Когда политические элиты этих государств решились принять приглашение и начали энергично бороться за скорейший прием в НАТО, альтернативы им никто не предложил.

Начиная с того момента, когда предложение о расширении, находясь в лишенном альтернатив политическом пространстве, получило в Восточной Европе позитивный резонанс, каждый, кто осмеливался критиковать этот процесс, рисковал предстать в роли игнорирующего законные интере-

сы безопасности многострадальных восточноевропейских государств, ставших на путь реформ.

Чувство вины немцев по отношению к молодым республикам Восточной и Юго-Восточной Европы, к сожалению, вполне обоснованное, довело эту парадоксальную ситуацию до абсурда: в то время как министры федерального правительства и другие германские политики в столицах Восточной Европы принимали почести за речи в поддержку вступления в альянс, нередко пробуждавшие слишком большие ожидания, в самой Германии парламент, оппозиция и широкие круги общественности как бы дали своего рода обет неучастия в дискуссиях на эту тему. Действительно, в Федеративной Республике — в отличие, например, от Соединенных Штатов — до сего времени не было публичного обсуждения темы расширения НАТО на Восток. Миф об открытости альянса выполняет, служа совершенно различным интересам, двоякую функцию: для закоренелых натовских догматиков он облекает трезвые, инспирированные трансатлантическими силами расчеты и интересы в привлекательные европейские одежды, а робеющие критики находят с его помощью морально неуязвимое оправдание для адаптации к так или иначе уже неизбежному процессу.

НАТО не может и не намеревается оставаться прежним альянсом, знакомым нам со времен холодной войны. Определение «новое» сигнализирует, что военный союз приспособился к новым проблемам, возникшим после 1990 года, изменился и модернизировался. Однако официального определения того, что такое «новое НАТО», до сих пор еще не существует.

Одни связывают «новое НАТО» с необходимым процессом рационализации в ответ на уменьшающуюся готовность членов альянса выплачивать такие же, как и во времена холодной войны, а то и возрастающие взносы для общей безопасности. Однако Мадридская встреча в верхах в июле 1997 года, запланировав сокращение числа главных штабов (с 65 до 25) и отказ от одного из имеющихся ранее четырех уровней военного командования, а также уменьшение стратегического уровня командования, не смогла добиться своей цели и продвинуть вперед процесс рационализации. 1997 год также не принес заслуживающих внимания успехов в этом направлении. Но сама постановка цели — «посадить на диету» военный союз, знавший до сих пор только организацион-

ные процессы роста, является для многих уже достаточным основанием для того, чтобы говорить о «новом НАТО».

После принятия на себя командования миссией IFOR 20 декабря 1995 в Боснии новая глава в истории НАТО началась уже официально. Впервые оно повело по заданию ООН вооруженную военную миротворческую акцию «out of area», то есть вне территории НАТО. Успех IFOR/SFOR открыл альянс, и НАТО заявило, что может и в будущем стать исполнителем военных миротворческих акций любого рода, как по поручению ООН, так и ОБСЕ.

Чрезвычайно удачным политическим ходом оказалось предложение российской стороне участвовать в IFOR/SFOR и получение ее согласия на участие в этой миссии. Благодаря этому стало возможным не только преодоление недоверия сербов к Дайтонскому процессу, но и создание прецедента первого совместного командования IFOR. При этом на практике впервые возникло взаимное доверие на рабочем уровне между представителями НАТО и российскими военными, доверие, без которого, наверное, никогда бы не удалось подписать Основополагающий акт НАТО-Россия.

Вне сомнения, IFOR, начав решать новый спектр задач, ознаменовала изменения, нашедшие свое выражение в «этикетке» «новое НАТО». Правда, не исключено, что изменение названия в этом аспекте было несколько преждевременным. Так, с декабря 1995 года НАТО не получало никаких новых заданий для новых миротворческих миссий, ни от ООН, ни от ОБСЕ. А слава Дайтона начинает увядать, и НАТО упрекнуть в этом никто не может. Дело в том, что военным функциям IFOR/SFOR противостоят прямо-таки бесконечные трудности, возникающие в процессе политической стабилизации в Боснии и выполнения программ восстановления страны. Решение о втором продлении миссии, на этот раз дольше, чем до июня 1998 года, уже принято. Постепенно части SFOR берут на себя не только чисто военные задачи. Многие наблюдатели, особенно в Соединенных Штатах, предостерегают от «латентного расширения задания» («mission creep»), успех которого не гарантирован. Интерес общественности к ставшим будничными боснийским проблемам и без того заметно уменьшился.

Название «новое НАТО» можно было часто слышать и в связи с образованием «комбинированных сил для решения общих задач» («Combined Joint Task Forces», CJTF) в июне

1996 года. Но в контексте расширения на Восток это название должно было определять совершенно иной род альянса. В последние месяцы перед принятием решения часто раздвигался вопрос: «Почему русские не понимают, что имеют дело с совершенно измененным НАТО, которое больше не является вчерашним противником?»

В Москве же с самого начала с неодобрением наблюдали за обширными американскими программами военного оснащения потенциальных новых членов альянса, и там, конечно же, были известны расчеты, которые почти все без исключения ориентировались на так хорошо знакомую актуальную или потенциальную «русскую угрозу». Удивляет не недоверие российской стороны к западным планам. Чудом должно казаться то, что возрастание этого недоверия — несмотря на заметное невооруженным глазом продолжение существования «старого НАТО» — удалось приостановить благодаря переговорам по Основополагающему акту.

Теперь на основании программных документов и решений НАТО можно привести доказательства, что преобразования с целью создания нового, продвинутого в своем развитии сообщества уже начались. Но в сопроводительных документах по расширению НАТО на Восток это «новое мышление» как раз менее всего нашло свое отражение. Уже в первой предварительной смете расходов бюджетной комиссии Конгресса США («Congressional Budget Office») в марте 1996 года, являющейся основой всех последующих подсчетов, в четырех из пяти ее вариантов учитывалась опасность возобновления усиления России («threat of a resurgent Russia»). В вопросе о том, как в соответствии со статьей V Вашингтонского договора можно обеспечить убедительную гарантию безопасности для новых восточноевропейских членов, НАТО полагается в первую очередь на дополнительные военные инвестиции — в новую коммуникационную технику, в новые системы противовоздушной обороны, в модернизацию устаревших вооружений у новых членов альянса и создание инфраструктуры, которая позволила бы в случае угрозы быстро перебрасывать подкрепление из центрального района НАТО (то есть Германии) на восточноевропейскую периферию. Эту инфраструктуру в Польше, Чехии и Венгрии предстоит создать заново, хотя вообще-то она уже существует, но только не там, где нужно теперь, а именно у западных, а не у восточных границ этих стран!

Все эти запланированные инвестиции не имеют ничего общего с «новым НАТО», они служат подготовке к классическому случаю отражения угрозы — военной агрессии могущественного восточного соседа.

Что же касается мотивов у желающих вступить в НАТО стран Восточной Европы, прежде всего Польши, Чехии и Венгрии, то речь идет отнюдь не о возникающем «новом НАТО», новой организации коллективной защиты от новых опасностей. Эти будущие новые члены хотят вступить именно в «старое НАТО» — классический военный союз с гарантиями безопасности от нападения извне, обеспечиваемыми в конечном счете мировой державой США и ее ядерным оружием, причем, исходя из географических условий и политических причин, подразумевается, что источником агрессии может быть только Россия. Еще раз следует подчеркнуть, что, учитывая опыт Будапешта, Праги и Варшавы с предшествующими вмешательствами русской стороны, к этому стремлению можно относиться с пониманием. Однако время покажет, насколько этот «спрос», эта потребность новых членов в «старом НАТО» продлит тот путь, который западному военному союзу необходимо пройти для своей модернизации и преобразования.

«Новое НАТО» — это еще не реализованная претензия. Недавно сотрудникам Соляны удалось убедить их московских собеседников в том, что, несмотря ни на что, сегодняшний миф «нового НАТО» завтра уступит место реальному «новому НАТО». Возможность для этого создали прежде всего обещания ограниченных военных инвестиций в контексте расширения и соглашения о продолжении разоружения.

Учитывая то, что приему новых членов предшествует ратификация — в США за него должны проголосовать две трети Сената — американский Конгресс и правительство США уже вплотную занялись вопросом расходов, которых потребует расширение военного союза на Восток. В этой связи важное значение имеют три документа: уже упоминавшееся исследование бюджетной комиссии Конгресса («Congressional Budget Office» /CBO/), составленное в марте 1996 года, анализ корпорации РЭНД (RAND-Corporation), проведенный осенью 1996 года и получивший название «Сколько будет стоить расширение НАТО?», а также отчет на тему «Расширение НАТО на Восток: причины, преимущества, затраты и последствия», представленный американским правительством Кон-

грессу 24 февраля 1997 года (25). Таким образом, американские конгрессмены располагают подробными материалами, основываясь на которых они могут формировать свое мнение по данной проблеме.

Как ни странно, но в немецкой политической дискуссии картина совершенно противоположная: ни в специальных комиссиях Бундестага, ни на его пленуме до сих пор не было обстоятельных дебатов о причинах, расходах и подоплеке расширения НАТО на Восток. В ответ на запрос 14 марта 1997 года Федеральное правительство сообщило, что собственной сметы расходов у него до сих пор нет и сослалось на то, что к этому моменту еще не было принято решение, какие именно страны будут приняты в НАТО. Еще дальше зашел министр обороны Рюе, заявивший комиссии Бундестага по вопросам обороны, что считает дискуссии о расходах (за пять месяцев до Мадридской встречи) «преждевременными» и пояснил, что вопрос затрат в происходящем процессе расширения является «второстепенным». Из ответа правительства ФРГ от 15 мая 1997 года на малый запрос фракции СДПГ в Бундестаге явствует, что на тот момент в вопросе о расходах между представителями американской стороны и их европейскими союзниками существовали значительные разногласия (26).

Вскоре выяснится, какую роль будет играть финансовый аспект в дебатах о ратификации на фоне пустых касс практически во всех странах альянса. Принятие решения о расширении военного союза приходится на период сокращения расходов на вооружение. Эта программа НАТО так или иначе уже сама по себе повысит военные затраты, однако никто серьезно не исследовал вопросы, повлечет ли за собой расширение НАТО необходимость увеличения национальных оборонных бюджетов, будет ли оно препятствовать успеху и реализации существующих соглашений по разоружению, и какие существуют политические концепции для контроля за этими весьма опасными последствиями расширения.

В то время как в докладе американского правительства от 24 декабря 1997 года относительно расходов по расширению прямо говорится, что «мир и безопасность невозможны без расходов» («Peace and security do not come without a cost»), а затем следуют детальные данные об их размерах и распределении, в Европе предпринимаются попытки создать впечатление, будто расширение союза на Восток приведет

даже к экономии средств. При этом используется довольно простая уловка: в связи с вероятными расходами на расширение НАТО приводятся фиктивные аргументы о необходимости модернизации вооруженных сил стран-кандидатов в НАТО. Такое представление фактов приводит к следующему выводу: если бы Варшаве, Праге и Будапешту пришлось самим создавать самостоятельный оборонный потенциал, это стоило бы намного дороже, нежели в рамках альянса с его гарантиями защиты и возможностью достижения синергетического эффекта.

Таким суждениям, на самом деле далеких от учета таких бы то ни было реальных или потенциальных угроз, нужно давать отпор. Желающие вступить в НАТО страны Восточной и Юго-Восточной Европы за последние несколько лет полностью и образцовым образом решили все проблемы со своими соседями согласно плану Balladur-Planes. Посредством целого ряда договоров урегулированы существовавшие до недавнего времени разногласия между Польшей и Литвой, Венгрией и Словакией, Румынией и Венгрией, а также Украиной и Румынией. Договор о границах между Эстонией и Россией подготовлен уже давно. Страны, вступившие на путь преобразований, взяли инициативу в свои руки и создали такую густую сеть двусторонних договоров (из которых более всего впечатляют польские), такой региональный режим стабильности, аналогов которому в мире практически нет. Понятно и нетрудно заметить, что кандидаты в НАТО стремились создать благоприятную атмосферу для решений о расширении. Благодаря этому процессу примирения, потенциальная угроза конфликтов между государствами-соседями в Восточной Европе значительно уменьшилась. Ни у одной из стран, желающих стать членом НАТО, нет причин усиленно вооружаться для обороны от злых умыслов своих соседей.

Значит, остается «российская опасность», на теоретическую возможность оживления которой даже само НАТО отводит России подготовительный срок в два года. Ни Польша, ни Чехия, ни Венгрия не имеют общих границ с Российской Федерацией, за исключением Калининградской области. Если предположить, что Москва снова приведет свою армию в боеготовность, улучшит ее качество, которое, как показал пример Чечни, на сегодняшний день оставляет желать лучшего, и совершит нападение на Восточную Европу, то одна из этих стран защитить себя самостоятельно не сможет, и тут

не помогут никакие национальные усилия. Из этого следует, что противопоставление дорогостоящего варианта А, при котором восточноевропейские страны достигнут «обороноспособности» путем собственных инвестиций, более выгодному варианту Б, при котором тем же государствам гарантию защиты даст западный военный союз, а их собственные инвестиции будут соответственно намного меньшими, — такое противопоставление исходит из нереального предположения, что национальную безопасность против российской нападения в принципе можно создать собственными силами, а это совершенно невозможно. Насколько известно, на самом деле варианта А не существует ни в одном министерстве обороны этих стран ни в виде проекта, ни в качестве предложения для обсуждения в парламенте. В то же время американские расчеты показали, что бюджеты желающих вступить в НАТО восточноевропейских стран могут не выдержать дополнительных инвестиций и возникающих расходов в связи с их вступлением в военный союз, и что в этом случае остальные члены НАТО, в особенности европейские, должны будут прийти им на помощь. Тезис об экономии средств, который и без того имеет смысл только по отношению к новым членам альянса, оказывается таким образом третьим мифом, тесно связанным с интересами определенных кругов и вводящим в заблуждение общественность.

Из имеющихся на данный момент материалов наибольший политический вес имеет, несомненно, представленный Биллом Клинтонем доклад правительства Конгрессу от 24 февраля 1997 года. В нем предполагается, что на период с 1997 года по 2009 год общие расходы на расширение союза составят от 27 до 35 млрд. долларов США, из которых 15% приходится на США, 35% — на государства, вступающие в альянс, и 50% — на европейских членов НАТО. Таким образом, прежние подсчеты расходов Конгресса (март 1996 года — 60-125 млрд. долларов) и из анализа корпорации РЭНД (август 1996 года — наиболее вероятная модель — 42 млрд. долларов) заметно снижены.

В то время как в этих трех важнейших американских аналитических документах неизменно предполагается, что гарантия помощи будет материально обеспечена предоставлением дополнительных высокотехнологичных сил поддержки в Центральной Европе в соединении с достаточной для их приема инфраструктурой на территории новых восточноевро-

пейских государств, германский министр обороны Рюе придерживается в этом вопросе иного мнения. Хотя в документе министра обороны, предназначенном для внутреннего пользования, на тему «Финансовые аспекты расширения НАТО» от 16 мая 1997 года и упоминается, что из-за таких дополнительных мощностей для старых членов НАТО могут возникнуть лишние расходы, но далее приводится следующее заверение: «На фоне общей политико-стратегической ситуации в ближайшем будущем для этого нет настоятельной военной необходимости». Документ указывает на «финансовую методологию», которую 3 марта 1997 года Североатлантический совет принял с целью определения расходов на расширение и порядка их распределения. Она не предполагает собственной программы финансирования расширения, дополнительные расходы должны покрываться из двух существующих бюджетов НАТО: военного бюджета НАТО и инвестиционного бюджета НАТО на цели безопасности (NSIP); а распределение расходов ориентируется на действующие там на данный момент правила распределения.

В этом случае доля Федеративной Республики в расходах по расширению в общем военном бюджете НАТО составит 18,1%, а в инвестиционном бюджете безопасности - 24,5%. В среднесрочном финансовом планировании альянса верхняя граница вклада Германии на период с 1998 по 2002 год составляет в настоящее время 149,9 млн. марок в год по военному бюджету и 300,5 млн. марок по инвестиционной программе. Правда, предполагалось значительно снизить верхнюю планку путем осуществления уже намеченных мероприятий по рационализации и дальнейших программ экономии. Теперь планируется использовать эту открытую экономию («headroom») для финансирования расширения в надежде обойтись без специальных программ финансирования и повышения прежней верхней планки доли расходов по альянсу. Прав-таки был Клинтон, когда утверждал, что «не бывает мира и безопасности без расходов» («Peace and security do not come without a cost»), но надо, по возможности, — сделать так, чтобы не каждый сразу понял, о каких расходах идет речь, откуда берутся средства, и как они распределяются. Интересно, дадут ли парламентам во время дебатов по ратификации в будущем году обмануть себя этой весьма прозрачной тактикой маскировки?

Вот мы и снова узнаем, куда уплывают потенциальные «мирные дивиденды»: их приносят в жертву расширению НАТО на Восток.

Как официально заявляют представители НАТО, целью его расширения на Восток является повышение стабильности и безопасности в евро-атлантическом пространстве. Подписание Россией акта НАТО-Россия открывает возможность существования настоящего партнерства на пути к всевропейскому и трансатлантическому мирному сосуществованию. При этом существует большой риск нового разделения Европы, сопровождающегося изоляцией тех стран, которые либо не хотят интегрироваться, либо интеграция которых не предусмотрена.

Предлагая избранным странам вступить в свои ряды, НАТО начинает процесс, результат которого непредсказуем. Правда, альянс создал творческую «сопроводительную стратегию», «амортизирующую» его планы по расширению, но это расширение не связано с общей концепцией новой европейской мирной системы. Таким образом, процесс расширения выходит из-под контроля, все соображения политики безопасности фокусируются на самом НАТО, и расширение военного союза грозит превратиться в самоцель. У молодых республик на Востоке и Юго-Востоке Европы создается впечатление, что принадлежность к большому союзу равнозначна принадлежности к Европе — *et vice versa*: им кажется, что отклонение заявки на вступление в альянс равноценно «личной политической Ялте» и, кого не приняло НАТО, того не примет и Европа, а значит, придется очень долго сидеть на скамье штрафников. Соответственно, Мадридское решение о первом раунде расширения вызвало кое-где разочарование.

Поэтому неудивительно, что в таких условиях сразу же после Мадридской встречи началось «перетягивание каната» в процессе подготовки следующего раунда. Правительства Румынии и Болгарии, всех трех прибалтийских стран и Словении не упускают ни одной возможности напомнить о своих ожиданиях и ходатайствуют о том, чтобы заручиться поддержкой. Все это происходит в то время, когда еще не завершилась ратификация, когда еще не достигнуто никакого заметного прогресса во внесении дополнений в акт НАТО-Россия и еще не получено вообще никакого опыта интеграции новых членов в союз. Начатый в июле 1997 года процесс расширения НАТО не внес в европейскую архитектуру спо-

койствия и солидности. Вместо этого здесь воцарилось нетерпеливое беспокойство.

Само по себе расширение НАТО не может привести к положительным процессам в развитии стабильной европейской интеграции. Успех во многом зависит от того, насколько разумно будут организованы следующие взаимосвязанные политические процессы:

- дальнейшее укрепление отношений доверия между НАТО и Россией, то есть конкретизация и реализация намерений и перспектив, сформулированные в Основополагающем акте НАТО-Россия;
- продолжение реформирования и перестройки НАТО в духе «нового НАТО», то есть создание реальных основ и средств для решения новых, в том числе и невоенных конфликтов и проблем, угрожающих безопасности, изменение характера НАТО как классического военного союза против России;
- более широкое использование и совершенствование ОБСЕ, которое, в том числе и согласно Основополагающего акта НАТО-Россия, является единственной общеевропейской организацией, играющей ведущую роль в обеспечении мира и стабильности в Европе;
- конкретное обращение к странам, еще не вошедшим в НАТО, с предложением наладить консультации и сотрудничество с государствами-членами НАТО, а также между собой в рамках нового Евроатлантического совета по партнерству (ЕАСП);
- координация действий НАТО, ОБСЕ, ЕАСП и иных важных для политики безопасности европейских организаций с целью создания общеевропейского мирного порядка;
- ускорение реформирования ЕС, то есть его подготовка к приему новых членов и создание возможности разработать убедительный конкретный план последовательного расширения ЕС за счет стран Восточной и Юго-Восточной Европы; (Встречи на высшем уровне в Люксембурге и Амстердаме дали, к сожалению, только разочаровывающие частичные решения).

Особую тревогу должно вызывать то, что процессы преобразований в странах, ставших на путь реформ, и их

экономическое развитие проходят очень неравномерно. Не все страны Восточной и Юго-Восточной Европы одинаково привлекательны для западных инвесторов. Уже давно можно выделить ведущую группу стран, что касается состояния реформ, стабильности правительственной и парламентской системы и экономических процессов, к которой без сомнения относятся Польша, Чехия, Венгрия и Словакия. С другой стороны, странам Юго-Восточной Европы и Балканского полуострова, где возник очаг военных конфликтов, будет нелегко снова вернуться в мировое сообщество. Вызывают тревогу чрезвычайно медленные темпы политической стабилизации и восстановления разрушенной Боснии; крах государственного порядка в Албании шокировал Европу и привел к необходимости нового военного вмешательства в этом регионе, а Болгария постепенно приходит в себя после глубокой политической депрессии и голодной зимы.

До сих пор непонятно, с помощью какой концепции европейское сообщество государств собирается остановить опасную тенденцию увеличения разрыва в развитии стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Возможно, следовало бы не так бурно праздновать 50-летний юбилей плана Маршалла, а вместо этого собраться и разработать новый план Маршалла для этих ущемленных в своих интересах и отцепленных от поезда европейской интеграции регионов. Совершенно очевидно, существует связь между конкретными шагами интеграции и поведением политических элит в государствах, переживающих преобразования: чем более реальна близкая перспектива вступления в Европейский Союз и НАТО, тем более конструктивно ведут себя политические элиты как в урегулировании проблем с соседями, так и в проведении внутренних преобразований. И наоборот, в странах, не имеющих в ближайшем будущем перспективы европейской интеграции, можно наблюдать деструктивный образ действий, вплоть до безоглядного разграбления страны своими же политическими и экономическими элитами.

Организация доступа к европейской интеграции в форме чистой конкуренции, без какой бы то ни было политической коррективы, может оказаться дорогостоящей ошибкой. В итоге более сильные будут вдвойне вознаграждены местом в первом ряду при расширении ЕС и НАТО, а слабые могут оказаться сразу перед двумя закрытыми дверями. Секрет успеха Европейского Союза заключается в гарантированном

предупреждении слишком большого разрыва в уровне жизни на всей территории Союза. Этот принцип необходимо перенести и на всеевропейский процесс интеграции. Возрастающая пропасть между богатыми и бедными, между дважды вознагражденными и дважды исключенными, между успешно продвигающимися по пути реформ и отстающими государствами Восточной и Юго-Восточной Европы будет очень сильно тормозить всеевропейский процесс интеграции, и поэтому в этот процесс необходимо как можно раньше внести коррективы.

Решения по поводу расширения НАТО не учитывают этих обстоятельств, да вероятно и не могут их учитывать. Тем важнее становится дальнейшее политическое формирование европейского процесса интеграции. Приняв форму полной смены парадигм, этот процесс не может теперь ограничиваться в качестве критерия собственными интересами субъектов интеграции ЕС и НАТО или какими-то псевдо-объективными «профилактическими каталогами» для новых кандидатов, его целью должна стать неразделенная заново Европа.

Можно ли считать подписи Ельцина под Основопологающим актом НАТО-Россия от 27 мая 1997 года в Париже окончанием российского сопротивления расширению НАТО на Восток и непрямым согласием на принятие стран, принадлежавших ранее к Варшавскому договору, в западный военный союз? Такое предположение не учитывало бы глубокой пропасти, существующей в российской политике между позициями Президента и правительства, с одной стороны, и Государственной Думой, с другой, где уже несколько лет существует так называемый «антинатовский блок», неформальное внефракционное объединение, в которое входит значительно больше половины депутатов Думы. Ельцин еще не успел вернуться из Парижа, а представители этого блока уже заклеили Основопологающий акт как «измену родине» и «позор России». Неслучайно в стратегию Кремля входило воздержание в последней фазе переговоров от какого-либо юридически обязывающего договора: Основопологающий акт не получит ГД достаточное количество голосов.

Начиная с 1993 года более или менее решительное отклонение планов НАТО охватило весь политический класс России, за отдельными исключениями. Эту единодушно отрицательную позицию нельзя полностью объяснить отношением к данной проблеме населения, ведь у того достаточно

других забот, кроме российской геополитики. Тем не менее было бы роковой ошибкой недооценивать «заразительность» антинатовских настроений как фактор российской политики. Для того чтобы парламентарии Государственной Думы пошли навстречу новым возможностям и захотели использовать шансы, предлагаемые Основопологающим актом НАТО-Россия, понадобится время и интенсивная разъяснительная работа.

Одной из причин доходящего до ожесточения сопротивления большинства российских политиков расширению НАТО является политико-психологический феномен, который можно назвать «синдромом проигравшего». Распад бывшей мировой державы — Советского Союза — означает для большинства россиян не только изменение на географической карте, но и продолжающиеся вот уже семь лет ощутимые ухудшения условий жизни. В государствах СНГ проживают около 25 миллионов ставших вдруг «иностранцами» русских, утративших по большей части свое некогда особое положение. В отличие от таких государств Центральной и Восточной Европы как, например, Польша, которая уже в течении трех последних лет добивается существенного экономического роста, в России обещанные улучшения не наступают. Российские вооруженные силы некогда были гордостью страны, а теперь даже армейское руководство считает их небоеспособными, существует массовое социальное неблагополучие в рядах военнослужащих. Чечня расценивается как национальное унижение.

Все это создает благодатную среду для страха перед изменениями в окружающей стране. Многие российские политики считают, что Запад и, прежде всего, мировая держава Америка, хотя воспользоваться нынешней слабостью России как уникальным ограниченным во времени шансом («window of opportunity»), чтобы убрать с дороги бывшего конкурента раз и навсегда. Без сомнения, некоторые из этих фантазий принимают патологические черты. Но некоторые наблюдения, вызывающие у россиян тревогу, имеют реальные основания. Были и есть случаи агрессивного поведения Запада, и даже при трезвом рассмотрении их можно толковать как злоупотребление экономической и политической анемией Москвы. Российские собеседники приводят в подтверждение этому многочисленные доказательства, среди них следующие:

- При решении боснийского конфликта на пути к Дайтону многие политические решения принимались с спиной российских политиков, несмотря на то, что Россия была участником контактной группы.

- Только после длительного и унижительного процесса «ожидания в передней» двери международных организаций, таких как Европейский Совет, G7 и Всемирная торговая организация (WTO) постепенно приоткрылись для России.

- Американская военная промышленность действительно воспользовалась периодом наибольшей слабости России после распуска Советского Союза и прорвалась на традиционные для России рынки вооружения. С российской точки зрения, расширение НАТО на Восток также связано с жизненными интересами американской военной промышленности. Представители больших американских кузниц оружия действительно используют стремление к интеграции восточноевропейских государств для своих настоячивых, даже агрессивных кампаний по продаже оружия, на что теперь уже жалуются и западные конкуренты. Для агитации американских сенаторов за расширение НАТО на Восток администрация США расширяет аргументы открытия новых рынков для американских военных товаров.

- Как уже описано выше, все документы по расширению НАТО на Восток, принятые до подписания Акта НАТО-Россия, свидетельствуют о намерении Запада обеспечить гарантии безопасности для новых восточноевропейских членов альянса с помощью массивных дополнительных сил поддержки и модернизации военного оснащения. Обоснованием этого служит потенциальная возможность возобновления «российской опасности». Только в последней фазе переговоров появляются ограничительные варианты, о которых в рамках KSE в Вене еще должны вестись переговоры.

- НАТО подчеркивает «открытость» процесса расширения и теоретическую возможность того, что будто бы все государства Восточной и Юго-Восточной Европы, включая и те, которые до 1991 года были советскими республиками, как то прибалтийские республики и Украина, в будущем смогут вступить в альянс. И в то же время НАТО — за исключением одного единст-

венного, но тут же снова ограниченного различными правами предложения, сделанного бывшим министром обороны США Пэрри — вступление в свои ряды Российской Федерации до сих пор исключало. Такая программа расширения со всеми ее последствиями действительно приведет к окончательной изоляции России.

Особую роль во взгляде Москвы на изменение в окружении России играет Украина и ее связи с Вашингтоном и НАТО. Американские усилия по стабилизации положения на Украине действительно приняли такие огромные масштабы, что их уже не объяснить просто чистой симпатией, без учета побудительных мотивов геополитического характера. Сейчас Киев занимает третье место после Израиля и Египта среди стран-получателей американской помощи. Ни для какой другой страны Восточной Европы Вашингтон не проводит таких интенсивных программ военных консультаций, учебной подготовки и вооружения. В столице Украины открылось информационное бюро НАТО. Украинские депутаты вносили в Верховную Раду предложение предоставить НАТО военноморскую базу в одной из бухт Севастополя, в которой базируется также Черноморский флот, являвшийся объектом споров между Москвой и Киевом. Каждый раз, когда между Президентами Ельциным и Кучмой обострялись разногласия, украинские политики заговаривали о возможности подать заявку на вступление в НАТО. Политические наблюдатели едины во мнении, что это давление принудило Москву в конце концов пойти на уступки и проложило путь к соглашению по Черноморскому флоту и Российско-украинскому договору о дружбе, которые были подписаны в Киеве на той же неделе, что и Акт НАТО-Россия — к огромному неудовольствию всех коммунистических и националистических депутатов как в Государственной Думе России, так и в Верховной Раде!

В некоторых акциях Запада явно не хватает политического такта. В августе 1997 года Соединенные Штаты совместно с украинскими и турецкими частями проводили у побережья Крыма военно-морские маневры под названием «Морской бриз — 97» («Sea Breeze — 97»). Сценарий учений предполагал «региональные беспорядки вследствие интервенции соседнего государства». Российская сторона, конечно же, поняла, что имеются ввиду претензии Москвы на Крым и вызвала протест, после чего было исполнено другое «либрет-

то» (гуманитарная помощь после землетрясения). Но разбитый кубин уже не склеишь (27).

Естественно, такой ряд отдельных наблюдений создает одностороннюю картину. Конечно, здесь можно было бы привести и контраргументы, упомянув о миллиардных кредитах, предоставленных Москве со стороны МВФ и Мирового банка, американскую программу Нанна-Лугара и другие примеры помощи Запада в области разоружения, а также скорее сдержанную, чем бурную реакцию западных правительств на действия России в Чечне, и, в первую очередь, значительные уступки российским интересам в Основополагающем акте НАТО-Россия.

Существует американская политика «нового сдерживания» («Neo-Containment») по отношению к России, которая усиливается по мере возрастания влияния республиканцев в Соединенных Штатах. И параллельно этому есть политика протянутой руки, честного компромисса, и именно от этой политики администрация президента Клинтона все еще ожидает большой пользы для Америки и Запада.

Одни советуют воспользоваться уникальным шансом российской слабости, чтобы в геополитическом отношении «завязать мешок» и посадить вздремнувшего от усталости медведя на цепь, прежде чем у него снова появятся имперские идеи. Другие же вынашивают непростой план использования спора о расширении НАТО на Восток: они предлагают на основе необходимого для его разрешения двусторонней готовности к компромиссу (без которой этот спор закончится необратимой катастрофой) создать качественно новое партнерство, в котором были бы предусмотрены все возможности для справедливого компромисса.

Будущее сосуществование в Европе в значительной мере зависит от того, какая из этих двух политических концепций возьмет верх. Теперь в центре дискуссий еще несколько лет будут находиться трактовка и возможности использования Основополагающего акта. Присмотрит ли политический класс в России эту готовность и захочет ли воспользоваться объективно заложенными в ней возможностями? Будет ли Москва конструктивно использовать свои новые права в качестве участника в «Постоянном Совместном Совете НАТО-Россия» или будет пугать альянс нецелесообразными экспериментами? Действительно ли будет НАТО, как предусматривается в Основополагающем акте, совместно с Рос-

сией стремиться усилить значение ОБСЕ, организации, на которую до сих пор в Брюсселе смотрели довольно-таки свысока и даже часто считали обременительным конкурентом? И проявят ли решимость партнеры, подписавшие Акт, в Вене, когда на переговорах об адаптации KSE будет решаться вопрос, вызовет ли расширение НАТО на Восток новый виток вооружения или же, наоборот, даст новые импульсы для контроля за вооружением и разоружением?

Расширение НАТО на Восток не находит одобрения везде и у всех. В Америке две совершенно различные группы критикуют политику расширения, проводимую администрацией: одни, как, например, Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский, опасаются, что растущее как на дрожжах НАТО может утратить свой характер и свою политическую силу. Еще больше политиков опасаются, что расширение НАТО на Восток приведет к новой конфронтации с Россией, а это будет на руку тем консервативным республиканцам, которые только и ждут актуального обоснования для своих стратегий «сдерживания». Весь мир облетело предостережение старейшины американской внешней политики Джорджа Ф.Кеннана, опубликованное в феврале 1997 года в «Нью-Йорк таймс»: «Расширение НАТО явилось бы самой роковой ошибкой американской политики за всю эру после окончания холодной войны» (28).

Но эта критика не смогла остановить развитие. Пути, альтернативные тому, на который западный альянс вступил в июле 1997 года на встрече в Мадриде, закрылись уже до 1993 года. И скептически настроенные политики не имеют сейчас права ограничивать свою деятельность «уменьшением зла». Критическая политика несет высокую ответственность по предотвращению эскалации. Нельзя допустить, чтобы свершился прогноз демократически настроенного депутата Государственной Думы Арбатова, который в начале 1997 года предсказал: «Российская демократия не разобьется о расширение НАТО, но это будет демократия с заметно антизападным уклоном. И тогда Россия станет для Запада намного более неудобной и неприятной, чем в свое время был Советский Союз» (29).

Та же консервативная фракция американской политики, которая не питает доверия к молодой российской демократии и которая считает ее маскарадом старого жадного до завоеваний и власти медведя, только и ждет, чтобы в Москве

после расширения НАТО на Восток настал час лобби вооружения и евразистов, которые считают ответственными за слабость России ее прозападную ориентацию. Коммунисты и националисты в Думе, которые и после Основопологающего акта все еще не дают своего согласия на договор START-II, неизбежно подыгрывают тем республиканцам, которым хочется убрать с дороги договор АВМ и расчистить место для всеохватывающей американской ракетной обороны, проекта «Национальной противоракетной обороны» («National Missile Defense» - NMD).

Этот пинг-понг тоскующих по временам холодной войны политиков — плохая игра, ее необходимо прервать. Политика НАТО по расширению на Восток, добившись акта НАТО-Россия, создала важное конструктивное дополнение. Сейчас начинается совершенно непредсказуемый путь. На нем поджидают многочисленные опасности, и они неприкрыто названы в данной главе. Но есть возможность и проложить путь к новому всеевропейскому мирному сосуществованию, к качественно новому сотрудничеству между Западом и Россией, к будущему действительно «нового НАТО» и к новой динамике разоружения и контроля за вооружением.

Нельзя продолжать ограничивать международные дебаты только лишь вопросом западного военного союза и стремлением многих стран к вступлению в его ряды. Наша система предотвращения напряженности и конфликтов несовершенна, нашего умения решать этнические и социальные распри мирными средствами, как показывает пример Боснии, совершенно недостаточно, а взрывы насилия на планете, от Африки до Афганистана, кажется, скорее парализуют мировое содружество государств, чем мотивируют его к адекватным реакциям. Было бы слишком просто противопоставить всем этим проблемам один единственный выход — НАТО. Необходимо расширить дискуссию по вопросам политики безопасности и мира и сделать ее плюралистичнее.

Глава 5.

Америка как единственная супердержава и Россия на пути к себе

После прекращения холодной войны наступил «ренессанс геополитического мышления», особенно заметный в политике Соединенных Штатов и Российской Федерации. Создается впечатление, будто биполярная мировая система только временно, на четыре десятилетия после Второй мировой войны, заморозила это стремление политиков мыслить в географических масштабах и в классических моделях распределения власти и влияния. Накануне XXI-го века снова наступает своего рода регрессия политической культуры: модели мышления XIX-го столетия все прочнее укореняются в головах представителей политических элит, и процесс этот, как кажется, необратим. Геополитические и геостратегические проекты постепенно внедряются в политику принятия решений в правительствах как на Западе, так и на Востоке. Этот феномен можно в равной мере наблюдать как в Соединенных Штатах и остальном западном мире, так и в России, но развивается он в разных направлениях.

Показательной для возрождения геополитического мышления в США и вообще на Западе является книга Збигнева Бжезинского, вышедшая в 1997 году и уже переведенная на многие языки. Она называется «Большая шахматная игра. Американское превосходство и его геополитические постулаты» (30). С 1977 по 1981 год Бжезинский был советником по вопросам безопасности при президенте Картере, ныне он преподает внешнюю политику в университете им. Джона Хопкинса в Вашингтоне и является консультантом находящегося там же Центра стратегических и международных исследований («Center for Strategic and International Studies», CSIS) и в стратегических вопросах все еще имеет значительное влияние на администрацию США. О позитивной реакции на его «шахматную инструкцию» свидетельствует и высказывание немецкого министра обороны Фолькера Рюе, который назвал ее «смелой, даже провокационной, но в то же время отличной и ценной книгой» (31).

Бжезинский приводит для обоснования существующего глобального превосходства Соединенных Штатов Америки четыре аргумента: их военное присутствие во всем мире, их экономическое превосходство («локомотив мирового развития»), технологическое преимущество и всемирную популярность американской культуры, о чем свидетельствует, например, тот факт, что три четверти всех демонстрируемых в мире кино- и телефильмов сняты в Америке (32).

Как ни странно, далее он вводит новый постулат: если Соединенные Штаты действительно хотят сохранить свой статус мировой супердержавы, они должны в будущем добиться своего господства в Евразии! Эту географическую дефиницию статуса мировой державы Бжезинский частично позаимствовал у британца Харольда Макиндера и немца Карла Хаусхофера, которые уже в начале нашего подходящего к концу столетия знали, что тому, кто хочет покорить мир, необходимо добиться господства в «стране сердца» (heartland), то есть в Туркестане, являющемся среднеазиатским мостом между европейской и азиатской частью континента.

Под этим воистину глобальным углом зрения Вашингтона европейская интеграция, расширение западного альянса и продвижение на Восток Европейского союза — явления периферийные: они, правда, усиливают американское влияние на западной границе Евразии и поэтому похвальны, но к решению глобального вопроса о власти имеют лишь косвенное отношение. Если Америка хочет контролировать Евразию, ей надо выполнить три других условия: нельзя допустить восстановления Российской империи, вместо этого на территории бывшего Советского Союза необходимо установить «геополитический плюрализм», а Запад должен получить свободный доступ к источникам сырья на Каспийском море.

При такой постановке цели геостратегическое значение с американской точки зрения получают и другие страны. Например, Украина должна любой ценой оставаться независимым государством, так как «без Украины Россия — больше не евразийская империя». Поэтому Москве придется смириться с тем, что Украина, по оценкам Бжезинского, между 2005 и 2015 годом станет членом как Европейского Союза, так и НАТО. Большого внимания заслуживают также среднеазиатский Узбекистан как «душа национального возрождения» народов этого в геополитическом отношении столь нестабильного региона, и Азербайджан как ворота к каспийскому сырью.

Борьба за Евразию имеет «решающее значение для глобального преимущества и исторического будущего Америки» (33). Только лишь коалиция России, Китая и Ирака могла бы помешать доступу Америки к Евразии. Однако для тревоги нет причин, ведь, как констатирует Бжезинский, обстоятельства вселяют надежду на успех «единственной мировой супердержавы»: «Впервые в истории (1) одно отдельное государство является действительно супердержавой, (2) это государство, находящееся вне Евразии, первенствует во всем мире, и (3) на центральной арене мира — в Евразии доминирует неевразийское государство» (34).

Ошибочно было бы считать эту геостратегическую шахматную партию только плодом фантазии одного человека. Можно навести достаточно примеров вашингтонской политики, которые очень уж хорошо соответствуют рекомендациям бывшего советника президента. Как уже было описано выше, администрация США поддерживает политическую и военную самостоятельность Украины и принимает к сердцу при этом также советы Михаэля Манделбаума, коллеги Бжезинского из университета Джона Хопкинса и бывшего спикера вашингтонского Совета по международным отношениям («Council on Foreign Relations»), рекомендовавшего президенту вести себя с Россией как с «невоспитанным подростком» и, применяя «тихое запугивание», не позволять ей снова протягивать руки к Украине (36). Вашингтон поддерживает «стратегические альянсы», которые в разных вариантах, но с явно антирусскими акцентами создают окружающие Россию государства СНГ, например, «ГУАМ», уже формально оформленную кооперацию Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы. Вашингтон не теряет надежды, что Турции все же удастся стать лидером для тюркоязычных республик СНГ — Закавказья и Средней Азии, и поэтому он настойчиво призывает своих европейских партнеров поддержать эти турецкие амбиции. Связывая свои далеко идущие политические и экономические планы со странами, соседствующими с Каспийским морем, а в особенности с Азербайджаном, Вашингтон сейчас пересматривает даже собственную политику по отношению к Ирану — и все это с несомненной целью, не заметить которую практически невозможно: уменьшить влияние России, ни в коем случае не допустить ре-интеграции пространства СНГ и, таким образом, устранить все препятствия к собственной главенствующей роли в Евразии.

Эта политика «нового сдерживания» (Neo-Containment) по отношению к Российской Федерации не лишена противоречий. Она не соответствует предложению настоящего партнерства, сделанного Западом Москве и сформулированного в Основополагающем акте НАТО-Россия. Сопротивление жестким постулатам евразийской геостратегии становится все слабее и слабее, причем как внутри администрации США, так и вне ее. После того, как на выборах победила республиканская партия, усиливается влияние советников, которые рекомендуют использовать слабость России в данный момент, чтобы укрепить позицию Америки как «единственной супердержавы», в том числе и перед дверью в дом бывшего противника, в сердце «Евразии», между Кавказом и Тянь-Шанем. «Окно удобной возможности» для этого действительно широко распахнуто, ведь побежденная в борьбе систем Россия особо не может этому ничего противопоставить, по крайней мере, на данный момент.

В Российской Федерации также заметен ренессанс геополитических идей. Государственная Дума имеет свой собственный комитет по геополитике, возглавляемый национал-популистом Владимиром Жириновским. В рядах Коммунистической партии (КПРФ) также курсируют тексты по этой теме. Спектр геостратегов очень широк: он простирается вплоть до эзотерических кругов «евразистов», настойчиво пытающихся воскресить старую империю на бескрайних просторах Азии.

За этим всплеском геополитических исследований скрывается травма утраты значения, переживаемая Россией как законным наследником Советского Союза. Территория государства уменьшилась, правда, всего лишь на 25%, от гордо воспеваемой когда-то «шестой части Земли» осталась седьмая часть, но численность населения сократилась вдвое.

Россия потеряла доступ к важным портам и торговым путям. Валовой национальный продукт (ВНП) составлял в 1983 году половину от ВНП Соединенных Штатов — уже тогда не было никаких шансов реализовать декларированную Хрущевым цель «догнать и перегнать» капитализм. ВНП Российской Федерации в 1997 году сократился до одной десятой части США.

Кремль возглавлял внушающий страх военный союз и чувствовал себя экономически якобы самостоятельным. Кремль сегодняшней России чувствует себя политически изо-

лированным и в опасной мере экономически зависимым (36).

В отличие от американских, российские исследования по геополитике имеют скорее оборонительный характер. Это, однако, не исключает их связи с частью традиционными, частью необходимыми в ситуации нынешнего кризиса «спасительными идеями», имеющими компенсирующую функцию. Хорошим примером для демонстрации этого является лидер КП РФ Геннадий Зюганов. В конце 1995 года он опубликовал в соавторстве «Концепцию национальной безопасности», превратившуюся весной 1996 года в предвыборную программу, с которой он выступил в борьбе против Бориса Ельцина (37).

Основными элементами этого текста являются следующие постулаты: если Россия хочет предотвратить развал Федерации, то она должна бороться против экономического сепаратизма. С юга и юго-востока грозит «демографическая агрессия», на которую Россия должна ответить созданием «демографического баланса», избегая моноэтнических структур. На постсоветской территории следует организовать «единое стратегическое пространство», вокруг которого должна происходить стратегическая и экономическая интеграция советских государств-наследников. Россия имеет право оказывать влияние на «ближнее зарубежье».

Такие требования значительно противоречат американской доктрине создания «геополитического плюрализма» на территории бывшего Советского Союза. Защита современной России ассоциируется с необходимостью восстановления Союз, хотя это как доминирующий элемент концепции и не выявлено. Однако на этом Зюганов не останавливается. Он заявляет о своем стремлении к «равновесию мировой цивилизации» как альтернативе мировому порядку, в котором ведущую партию играет Америка, а России остается роль сырьевого доводка Запада. Чтобы избежать этой опасности, Москва должна обратиться к Востоку — Китаю, Восточной Азии и тихоокеанскому пространству. (Очевидно, еще никто не заметил, что этот распространенный в России синдром «обращения на Восток» странным образом имеет аналог в Соединенных Штатах, где со времен правления Рональда Рейгана значительный политический сдвиг приоритетов в сторону Тихоокеанского региона уже не только провозглашается, но и реализуется!) В рамках необходимой всему миру «духовной революции», которая должна открыть человечеству путь к «устойчивому развитию», Россия еще сыграет значительную

роль и поможет миру вновь обрести ориентацию.

В предвыборной борьбе российскому Президенту не оставалось ничего иного, как отреагировать своей собственной платформой. В апреле 1996 года он опубликовал своего рода пятилетний план внешней политики и геополитики. («Политика национальной безопасности Российской Федерации на период с 1996 по 2000 год»), работа во многом опиралась на труд Юганова, и также не обошлась без популистских выпадов по поводу враждебной России западной политики (38). После победы на выборах в июле 1996 года Ельцин снова начал работу над основополагающим документом, на этот раз широко задействовав министерства и Совет безопасности. Его целью было создание политической концепции, «идеологической основы государства и государственной политики Российской Федерации», как пояснил бывший секретарь совета безопасности Иван Рыбкин (39).

В мае 1997 года новая «Концепция государственной безопасности Российской Федерации» была готова, несколько месяцев длилось обсуждение, 17-го декабря 1997 года Президент Ельцин поставил наконец под ней свою подпись, и 26-го декабря 1997 года она была опубликована (40).

Исходной позиций «Концепции» является в равной мере трезвое и радикальное описание русского кризиса. России и ее мировой роли угрожают, в первую очередь, не враждебные силы снаружи и не какие-либо заговоры, а собственная слабость. Поэтому защиту от опасностей надо начать с внутренней политики. В качестве факторов риска в порядке их значения называются следующие комплексы проблем: кризисная ситуация в русской экономике, социальные проблемы, экологические катастрофы, сепаратистские тенденции внутри Федерации, а также организованная преступность и коррупция. Лишь только после этого упоминается, что и за рубежом имеются силы, пытающиеся воспользоваться усилением позиций России. Но в то же время в документе утверждается, что на данный момент нет оснований опасаться значительной агрессии против России извне. Даже расширение НАТО на Восток, которое в других случаях является надежным сигналом для резкого выражения гнева и угроз, здесь рассматривается довольно умеренно: оно не принимается, если оно опасно для Российской Федерации и в такой мере, в какой оно угрожает ее безопасности. А кроме того, этот шаг Запада может спровоцировать новое разделение Европы.

Эту «Концепцию» можно охарактеризовать как генезис расширенного понимания безопасности. Во времена холодной войны безопасность означала только лишь военную безопасность. В начале 90-х годов сторонники движения за мир пытались ввести «расширенное понятие безопасности». Чем меньшей становилась вероятность того, что бывшие враждебные блоки нападут друг на друга, тем большее внимание приковывали опасности атомных и промышленных технологий, экологических катастроф, в том числе разрушения озонового слоя атмосферы, несправедливого порядка мировой экономики, распределяющей благосостояние и голод настолько неравномерно, что неизбежным следствием этого становились конфликты и массовая миграция. В то время как движение за мир стремилось переключить общественное внимание с военной обороны на достижение того, чтобы средства, тратящиеся на оборону, были использованы для ликвидации других опасностей, создавалась параллельно совершенно иная идеоматика «расширенного понятия безопасности»: она признавала уменьшение угрозы прямого военного конфликта, но при этом настаивала на защите общегосударственных интересов, таких, как гарантированный доступ к нефти, газу и сырью, транспортным и торговым путям, а также создание такого политического окружения, которое не могло бы больше повлиять на национальные интересы. Трудно не заметить геополитического характера этой семантики, являющейся лейтмотивом всех основополагающих документов НАТО и западных оборонных доктрин.

В российской «Концепции государственной безопасности» с учетом кризиса в стране на первое место в списке угроз национальной безопасности поставлены проблемы в экономической системе и социальном обеспечении. Для этого у политического класса России достаточно оснований. За семь лет реформ валовой национальный продукт сократился на 50%. Доля инвестиций в ВВП составляет всего лишь 16%. Страна импортирует 53% товаров народного потребления из-за границы. Доллар курсирует в качестве денежной единицы параллельно с рублем. Значительная часть населения живет ниже уровня бедности, который, кстати, очень невысоко определен. Население беспомощно наблюдает ситуацию, когда богатые 10% населения владеют 34% процентами национального дохода, зарабатывая в среднем в 13 раз больше, чем наименее богатые 10%, которые получают 2,6% от ВВП.

Страна экспортирует товары, но все же в основном — сырье. Так, например, в 1995 году было вывезено 40% добытой нефти, 32% газа, 70% никеля, 80% меди, 50% каучука. В сельском хозяйстве прибыль составляет всего лишь 0,03%. 60% предприятий работают с убытком. Промышленное оборудование на треть устарело, а еще одна треть требует срочного обновления.

Промышленное производство достигло в 1997 году 49% объема 1990 года, сельское хозяйство — 37%, инвестиции — 24%. Безработица составляет официально 3-4%, (по западным методам подсчета — 11-12%). Дальнейшая трансформация может поднять эту цифру до 30%. Выпуск книг снизился до одной третьей от 1990 года, газет — до одной пятой, журналов — до одной пятнадцатой. Расходы на науку и исследования составляют на данный момент 0,32% ВВП, так что утечка национальной интеллектуальной элиты («brain-drain») принимает угрожающие масштабы (41).

В таких условиях обращение к собственным, внутренним проблемам становится действительно жизненно важным вопросом. «В результате кризиса России грозит реальная опасность утраты экономической независимости», — констатировал Фонд Горбачева в одном из своих исследований. Чрезвычайно большая утечка капитала — по оценкам, она составляет 20-24 млрд. долларов в год, а всего на сегодняшний день составляет приблизительно 150 млрд. долларов, то есть больше, чем все долги страны вместе взятые, которые достигли в 1997 году 130 млрд. долларов — тормозит необходимое обновление основного капитала. Без создания нормально функционирующей налоговой системы, без ликвидации гнетущей внутренней задолженности, без нормализации денежного оборота и сокращения количества бартерных обменов, которые составляют 50% всех сделок — то есть, без создания минимума экономической стабильности у России нет сил для развития во всех других сферах.

Как казалось, убежище от этой кризисной ситуации можно найти во внешней политике, опирающейся на военную силу. Но вооруженные силы тоже уже давно находятся в бедственном состоянии. До 1996 года оборонный бюджет России находился в «свободном падении»: еще в начале 80-х годов Советский Союз тратил 40% своего ВВП на военные цели, в 1991 году — только 11,1%, а в 1996 году эта доля сократилась до 3,76% — и это при том, что сам ВВП уменьшился на

50%! В распоряжении министра обороны в 1997 году было 3,82% ВВП, то есть 104 триллиона рублей, что соответствовало 19 млрд. долларов. В то же время его долги составляли 8 млрд. долларов. Его американский коллега мог в том же году потратить 270 млрд. долларов — в 14 раз больше! В 1997 году не хватало 100 000 квартир для российских военнослужащих и их семей. Чистая нужда заставила Президента Ельцина в июле 1997 года сократить вооруженные силы на 500 000 и демобилизовать 1,2 миллионов военнослужащих. Собственно, этим он только легализовал те дыры, которые возникли вследствие недостаточной привлекательности военной службы: ведь 22% должностей офицеров и 32% прапорщиков не были заняты из-за отсутствия желающих (42).

Эти обстоятельства заставили авторов «Концепции» в тех местах, где речь шла о российской внешней политике в узком смысле, высказываться с близкой к реальности скромностью. Россия не преследует гегемонистских или экспансионистских целей, говорится в документе. При всем том, что Москва не имеет иллюзий насчет американского стремления к гегемонии, она делает ставку на развитие «мультиполярного мира». Российская политика поощряет укрепление коллективных организаций, таких как СНГ, ОБСЕ или ООН. Однако от цели добиться равновесия вооружений, то есть военного паритета с большим заокеанским конкурентом, Москва уже давно отказалась. Остается только доверие к «реалистическому сдерживанию», основывающееся на существующих атомных потенциалах. По геополитическим соображениям отказаться от размещения ограниченных контингентов российских войск в соседних странах на данном этапе невозможно, если те с этим согласны. Особенное внимание при этом будет обращаться на социальную защиту российских военнослужащих.

«Концепция национальной безопасности» отказывается от любого рода идеологической компенсации, в ней нет предсказаний на будущее, в котором Россия снова сможет выполнять свою миссию и доказать свое преимущество. Здесь отсутствует кривлявая терминология геостратегических проектов, и это логично в условиях кризиса, когда самое важное — предотвратить падение и превращение в страны в экономическую колонию.

«Концепция» заслуживает внимания не только потому, что с декабря 1997 года под ней стоит подпись Президента.

Работа продолжается. Образован целый ряд «межминистерских комиссий», которые должны создать сейчас собственные «доктрины» по отдельным сферам безопасности, то есть по главам «Концепции». Министры были обязаны взять на себя ответственность за более конкретную формулировку положений «Концепции» (43).

Однако документ этот со всей своей трезвостью и прагматизмом имеет характер скорее административной самообороны. Он симулирует больше безопасности, чем есть на самом деле. По большинству комплексов проблем, правда, проведена критическая «инвентаризация» и определены политические цели, но решающее звено между ними, а именно вопрос, какие шаги реформ приблизят Россию к этим целям, — отсутствует. Но уже сам факт, что министры совместно с другими ведомствами и командами политических консультантов работают над документами доктрины, которая выстраивается в своего рода всеобщий план первоочередных национальных задач, дает стране чувство безопасности. В этом контексте идеологическая бедность «Концепции» оказывается скорее преимуществом, так как она оставляет место для прагматической расстановки приоритетов.

Президент Ельцин, конечно, догадывался, что государственная доктрина такого рода не имеет шансов на широкое внимание и популярность. И поэтому не случайно в то же самое время, когда он распорядился продолжить работу над «Концепцией», от него исходила еще одна своеобразная инициатива — конкурс на лучшую формулировку «русской национальной идеи». Этот конкурс был объявлен близкой Президенту «Российской газетой» 30 июля 1996 года. Награду — 10 миллионов рублей (на то время — около 2900 немецких марок) — должен был получить тот, кто не больше, чем на семи страницах изложит убедительную «идею для России». Посыпалась лавина предложений, как вернуть утраченную российскую идентичность. Вся страна принимала участие: кто серьезно, кто иронично, кто цинично (44).

Счастливым победителем стал политик из русской провинции Юрий Судаков. Хотя он и не удовлетворил всех ожиданий организаторов, но его текст «Шесть принципов российского характера», опубликованный 17 сентября 1996 года «Российской газетой» получил поощрительную премию. Судаков считает самыми главными следующие черты «россиянства»: любовь к родине преобладает над стремлением к лич-

ной выгоде, коллективизм, готовность страдать и жертвовать, верность совести и справедливости, склонность к покаянию, стремление к абсолюту, приветливость и общительность. Оригинальная национальная идея рождена не была. Такую идею, как считают критики инициативы, невозможно создать, сев за стол и исписав семь чистых листов бумаги.

И, тем не менее, общественная дискуссия, которая началась вокруг этого конкурса, не прекращается и поныне, она свидетельствует о том, что существует потребность заполнить пустоту, возникшую в результате развала советской государственной идеологии. Советский человек привык воспринимать выполнение своих ежедневных обязанностей частью исторического процесса. Это придавало его работе какой-то высший смысл. Люди привыкли после нормальной осенней жатвы чувствовать себя героями «битвы за урожай», являвшейся вехой нового этапа на пути к исторической цели построения идеального бесклассового общества; они привыкли, что их поощряли и награждали, посвящали им передовицы. Строительство железной дороги, например, БАМа (Байкало-Амурской магистрали) объявлялось «стройкой века». Этот «высший смысл» помогал, очевидно, даже тогда, когда «герои» понимали, что все это — обман, что награды — это символическая подмена нормальной оплаты труда. А в качестве компенсации предоставлялась возможность не особо перенапрягаться при выполнении нормы.

Что пришло после 1991 года? На словах — рыночная экономика, демократия и невыполнимые обещания, а на деле — утрата социальной стабильности. Проповедники нового лишили всякую деятельность ее внеэкономического высшего смысла. Работа должна вознаграждаться только деньгами. Для многих результатом стало горькое разочарование: ни денег, ни высшего смысла! Демократия, как оказалось, не имеет видимых перспектив на будущее, и к тому же никто из своих людей не может толком сказать, как она вообще должна быть реализована. Потому-то и приезжают с Запада многочисленные специалисты и консультанты и зарабатывают хорошие деньги, показывая русским, как жить дальше.

Не удивительно, что возникла определенная пустота, в которой хитрые стратеги расставили свои сети. Коммунисты пытаются воспользоваться ностальгией по прошлому, националисты похваляются силой, что на фоне экономической реальности выглядит довольно смешным. Призывы и тех, и дру-

гих не остаются без некоторого резонанса. Это пришлось проучивать Ельцину во время предвыборной борьбы летом 1996 года.

«Как жить дальше?» — на этот вопрос русская интеллигенция в прошлом уже неоднократно искала ответ. Своим призывом думать над «русской идеей» Президент призвал к диалогу этих благородных представителей страны. Организованный поиск идеи имел также функцию вентили. В народе накопилось недовольство настойчивыми попытками перенести в Россию западные политические и экономические модели без учета местных особенностей. Эта навязчивость обижает национальную гордость многих русских, вследствие чего в обществе появились тенденции, которые иронично называют «русским неврозом». Многие вдруг вспомнили, что русские люди охотнее решают свои политические и административные вопросы посредством личных отношений и связей, даже если это и влечет за собой бюрократическую неэффективность; что русские понимают справедливость скорее как моральную категорию, а к формальным принципам правового государства испытывают некоторое недоверие; что в русской шкале ценностей равенство стоит выше, чем свобода и связанные с ней личная инициатива и ответственность. Все это просто констатировалось, и никто не требовал немедленных изменений с целью повышения эффективности развития. И это приносило облегчение.

Вероятно, это частичное неприятие новых тенденций связано не столько с русской народной душой, сколько с отсутствием политического и экономического стимула. Если поляки, чехи и венгры намного более решительно ликвидировали остатки советского прошлого и самоотверженно пытались заполнить западные шаблоны ассимиляции, то не только потому, что все это отвечало их историческому сознанию, и они после вынужденного длительного отклонения снова свернули, наконец, на верный путь. Несомненно, важным мотивом здесь является и то, что в награду им была обещана быстрая интеграция в структуры привилегированной Европы. Тот, кто наиболее точно выполнил условия Договора об ассоциации с ЕС, изучил «белые книги» перехода к европейским нормам (*des aquis communautaires* EU) и заполнил бесконечные анкеты, определяющие соответствие нормам интеграции, мог надеяться на место у окошка в скором поезде в Европу. У русских такой перспективы никогда не было. Предложение быстрой

интеграции в западные структуры их бы, наверное, очень сбило с толку. Ведь они уже давно знают, что никто им не поможет (и, учитывая масштабы России, никто и не может помочь). Реалисты рассчитывают на то, что между 2015 и 2020 годами общественный продукт снова достигнет уровня 1989 года. Тут остается достаточно времени для того, чтобы немножечко поболтать о «русской идее» и поискать среди собственных традиций интересные особенности, которые, может быть, как раз сегодня пригодятся. И не обязательно сразу «особый путь», но, возможно, маленький вариант к якому-то имеющим альтернатив западным моделям, в конечном итоге не так уж бесперебойно функционирующим на старых и новых мостах.

Найдет ли Россия путь к себе (который, может быть, мог бы выглядеть как шанс для всего человечества)?

Это приводит к исходной точке рассуждений. Все зависит от других, от Соединенных Штатов и от всего Запада. Слишком уж велико искушение воспользоваться слабостью бывшего противника и отрезать ему обратный путь к достойной роли партнера, раз и навсегда. Но история показывает, что решения такого рода решения долго не поддерживаются. За ними часто провозглашаются идеи независимости, общности и реванша. Тех, кто мечтают о восстановлении империи, надо послать в кино, чтобы они могли смотреть старые фильмы, сколько душе угодно. Но есть и реально мыслящие политики, которые мечтают о том, чтобы Россия довела до конца свою программу реформ, выздоровела экономически и смогла стать привлекательным партнером для своих соседей. Чтобы тогда в пост-советском регионе начался политический и экономический интеграционный процесс, по образцу Европейского Союза и с учетом его опыта; и чтобы Россия в конце-концов заняла место в мультиполярной мировой системе среди влиятельных государств, не имея империалистических и миссионерских амбиций, а в качестве равноправного партнера при решении глобальных проблем. Если такие мечты доминировали бы у политиков России, то появилось бы другое искушение: отбросить все попытки возврата кровавой истории, холодных расчетов и шахматной игры геостратегов как старый хлам и стать партнерами в построении будущего, в котором не будет места такому мышлению.

Глава 6.

Нужда вне игры: забытый Третий мир

Раз в году проходит встреча глав государств и правительств семи важнейших развитых промышленных стран мира. Они прилетают в условленное место, фотографируются, подписывают подготовленное заранее коммюнике, еще раз фотографируются и улетают. На встрече в верхах в Лионе 28 июня 1996 года G7 приняла документ под названием «Успешная глобализация для всеобщего блага» (45).

Этот документ не содержит ничего нового, но, тем не менее, он чрезвычайно необычен: в нем представлена идеология мирового эстеблшмента в чистом виде, сконцентрированная вокруг волшебного слова «глобализация». С оптимизмом, как и подобает представителям наиболее богатых и влиятельных государств мира, подписавшие подчеркнули связь всех благ современного мирового порядка с процессом глобализации: он дает всем странам, в том числе и развивающимся, огромные шансы для будущего, способствует беспримерному расширению инвестиций и торговли, открывает наиболее густонаселенным регионам Земли возможности для международного обмена, более высокого уровня жизни и создания новых, квалифицированных рабочих мест. «Эти черты глобализации привели к значительному повышению благосостояния и процветания в мире. Поэтому мы убеждены, что процесс глобализации является источником надежд для будущего». Не забыли сослаться здесь и на исторический опыт, который якобы учит, что «повышение уровня жизни решительно зависит от успеха торговли, международных инвестиций и технического прогресса» (46).

Однако в коммюнике также упоминаются и «проблемы», даже некоторый «риск», заключающиеся в том, «что отдельным лицам, группам в народном хозяйстве наших стран или некоторым странам и регионам мира глобализация не принесет пользы». И далее: «Наше народное хозяйство еще не достаточно гибкое и не может приспосабливаться к

изменениям, как того требует время». Далее семь глав государств обязались в Лионе продолжать реформы налоговых систем и систем социального обеспечения, которые должны были бы способствовать тому, чтобы «работать было выгодно», а также уменьшить отчисления на социальное страхование. Развивающимся странам, которых плоды глобализации пока не коснулись, обещана перспектива «Глобального партнерства для развития», с целью ускорить необходимую адаптацию и «иногда болезненные» процессы переструктурирования (47).

Если выделить из многословного документа ядро основных убеждений G7, то под ним окажется следующий каркас:

- Глобализация — благо для человечества, но ее распространению еще кое-где мешают некоторые досадные препятствия.
- Задача мировой политики в том, чтобы с помощью глобальных стратегий адаптации убрать эти препятствия с дороги и создать для этого соответствующие инструменты.
- Не мировая политика влияет на процесс глобализации, который, очевидно, является закономерностью без альтернатив, а наоборот: глобализация диктует план мировой политике, и успех политики зависит от того, насколько она готова служить этой «закономерности».

Эти основные убеждения преобладают не только в головах руководителей семи ведущих индустриальных стран. Идеи эти, являясь экономической идеологией нового мирового порядка, проникли во все концы планеты. Их следы можно найти в тарифных договорах и в программах экономии по сокращению социального обеспечения в западных промышленных странах, точно как и в отчасти добровольном, отчасти вынужденном «структурном приспособлении» стран Третьего мира.

Автор не собирается добавить к многочисленным исследованиям «мифа о глобализации» (48) еще одно. Однако, как граждане одной из стран G7 мы несем ответственность за упрощенные представления о глобализации и будущем Третьего мира, характерные для документа Лионской встречи на высшем уровне. Ведь за фасадом прекрасного нового глобализованного мира на деле скрывается безжалостная, даже циничная политика изоляции по отношению к наибо-

нейшим из наименее развитых стран (LLDC). Этим аспектом дебатов о глобализации мне бы хотелось ограничить дальнейшее исследование.

Совершенно иную картину последствий глобализации для Третьего мира представляет «Доклад о гуманитарном развитии» Программы развития ООН (UNDP) от 1996 года (49). Здесь ни в коем случае не отрицается, что многие развивающиеся страны рассматривают глобализацию как шанс. Это, в первую очередь, — сильные, продвинутое в своем развитии государства, в которых низкий уровень зарплата сочетается с высококвалифицированными техническими знаниями и навыками. Но в отчете обращается внимание на более слабые развивающиеся страны, которым шансы глобализации пока недоступны: «С 1960 по 1990 год доля в мировой торговле наиведнейших стран, в которых проживает 20% населения мира, снизилась с 4% до менее 1%. Они получают скудные 0,2% от всех коммерческих кредитов в мире. Хотя с 1970 по 1994 год приток частных инвестиций в развивающиеся страны возрос с 5 миллиардов до 173 миллиардов долларов, три четверти от этой суммы шли только в десять стран, в основном в Восточной и Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Другим же регионам, прежде всего африканским странам на юг от Сахары, часто не доставалось совсем ничего» (50).

За последние три десятилетия были достигнуты важные успехи в развивающихся странах: так, например, вдвое сократилась смертность грудных детей, вдвое увеличился процент поступления детей в школу, а средняя продолжительность жизни удлинилась на целые 17 лет (с 46 до 62 лет). Но, как свидетельствует отчет UNDP, с другой стороны, усилились тенденции к поляризации и маргинализации. В то время как за последние 30 лет доля наиболее богатых 20% населения планеты в мировом доходе возросла с 70 до 85%, доля наиведнейших 20% уменьшилась с 2,3% до 1,4%. Валовой глобальный продукт (ВГП) составлял в 1993 году около 23 миллиардов долларов, причем на промышленные страны приходилось 18 миллиардов, а на развивающиеся страны, в которых живет 80% всего человечества, только 5 миллиардов. С 1980 года наблюдался резкий подъем в развитии 15 стран, со значительным повышением доходов для 1,5 миллиардов жителей, в то же время в 100 странах с 1,6 миллиардами людей доходы оставались на том же уровне или уменьшились, в 21 стране между 1990 и 1993 годом они даже опустились боль-

ше, чем на 20%. Особенно проблемную группу составляют, прежде всего, африканские страны на юг от Сахары, но также и страны части Южной Америки и Карибики, Восточной Европы и СНГ, некоторые арабские страны. Статистика дает впечатляющее свидетельство тенденции поляризации, происходящей на фоне процесса глобализации: 358 миллиардеров в мире имеют больше, чем страны, в которых живет 45% населения Земли; то есть 358 семей получают больше дохода, чем 2,3 миллиардов людей имеют для выживания (51)!

Между тем, все больше увеличивается и разрыв в группе развивающихся стран. Не имеет смысла ставить на одну ступень полуиндустриализированные страны Восточной Азии и Латинской Америки и зависимые от экспорта сырья развивающиеся страны зоны южнее Сахары. Более продвинутое в своем развитии развивающиеся страны действительно имеют выгоду от расширения мировой торговли и привлекают частных инвесторов. Из 585 миллиардов долларов, вложенных между 1989 и 1994 гг. частными лицами в развивающиеся страны, 40% пошли в Восточную Азию и еще 30% — в Латинскую Америку. Южная Азия должна была довольствоваться 3%, а Африка на юг от Сахары — даже меньше, чем 1%. В 1993 году 68% от общего трансфера капитала были сосредоточены всего лишь в пяти странах, а именно Аргентине, Китае, Мексике, Сингапуре и Турции. В 1994 году Китай сумел получить 40% прямых иностранных инвестиций, в то время как еще 24% пошли в продвинутые страны — Индонезию, Малайзию, Сингапур и Таиланд. Уже сама эта поляризация внутри Третьего мира действительно «требует дифференциации» (52). Там, где частный капитал идет своим путем, Программа государственной поддержки развития («Official Development Aid» - ODA) призвана прийти на помощь лишенным шансов государствам, которым угрожает маргинализация.

Однако этого не происходит уже только потому, что объем ODA постоянно снижается: только между 1985 и 1993 гг. он реально уменьшился на 9%. Государства, оказывающие помощь, обязались до 1995 года использовать как минимум 0,15% своего национального валового продукта для поддержки стран LLDC и повысить эту долю к 2000 году до 0,20%. Кроме Норвегии, Дании, Швеции, Нидерландов и Португалии этой цели не достигла ни одна страна. Наоборот, в 1993 году средняя доля расходов на эти цели составляла всего лишь

0,07% ВВП. Между 1990 и 1993 годом реальные объемы финансовых средств для наименее развитых стран снизились с 16 до 15 миллиардов долларов, что соответствовало значительному уменьшению помощи из расчета на душу населения — с 32 до 27 долларов.

Не выполнили промышленные страны и своих обещаний улучшить доступ товарам из LLDC к мировому рынку. Правда, пошлина для промышленных продуктов из этих стран снизилась на 25%, но параллельно пошлина на импорт для соответствующих изделий из других промышленных стран сократилась на 40%. В результате на бедных государствах еще к тому же отразились и последствия Уругвайских соглашений, так как им приходилось считаться с возрастающими затратами на импорт продуктов питания, обойтись без которых они не могут.

Не лучше дела обстоят и с проблемой задолженностей: африканские страны на юг от Сахары были освобождены от долгов на сумму 7 миллиардов долларов, и теперь их долг составляет 150 миллиардов. Это значит, что некоторые из 32 серьезно задолжавших стран с малыми доходами (SILICS - Severely Indebted Low-Income Countries) должны и дальше отдавать четверть, а то и треть своих государственных доходов в счет уплаты долгов. Гвинея-Биссау, Мавритания, Заир и Замбия имеют на нужды общественного образования от третьей до шестой части той суммы, которую они должны выплачивать по задолженностям. В 23 SILICS сумма нетто долгов превышает прибыль от экспорта в 2 - 2,2 раза даже после списания некоторой их части (53).

Может показаться, что этот обзор сделан на другой планете, если сравнивать его с теми данными, которые имели в виду главы G7 в Лионе, подписывая свою ключевую программу «Успешная глобализация для всеобщего блага». Ведь увеличивающийся разрыв между наиболее богатыми странами мира и наиболее бедными, возрастающая поляризация между полуиндустриализованными, продвинутыми в своем развитии странами и изолированными от прогресса бедными развивающимися странами внутри группы стран Третьего мира, сокращение помощи на развитие, продолжающаяся дискриминация товаров из развивающихся стран в либерализованной мировой торговле и скандальные неудачи при попытках политиков освободить некоторые страны от части их долгов - все это не косметические недостатки на величест-

венном пути к мировому порядку, осясительливоащем человечество, к мировой торговле, не знающей границ, а это как раз и есть плоды самого процесса глобализации.

Проигравшими в обостряющейся конкуренции на мировом рынке оказываются не только страны Третьего мира. Правда, в государствах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), то есть в индустриализованной части мира, средний годовой доход на душу населения в данное время составляет 20 000 долларов, а народные хозяйства переживают все еще «удовлетворительный», если даже и неравномерно распределенный рост. Но и здесь не обходится без проблем: увеличивается часть населения, которой приходится довольствоваться «жизнью в тени достатка». Средний процент безработных составляет 8% (на 1993 год), а это значит, что 35 миллионов людей безнадежно ищут работу. К ним нужно прибавить еще 4 миллиона так называемых «утративших надежду», то есть тех, кто оставили поиски работы. Особенную тревогу вызывает высокая доля женщин и молодежи среди безработных. Во Франции 20%, в Ирландии и Италии даже 25% молодых людей не имеют места работы, а в промышленных странах в среднем — 17% молодых женщин и 16% молодых мужчин. В странах ОЭСР 100 миллионов людей живут ниже национального уровня бедности, среди них — пять миллионов бездомных (54).

Все эти цифры имеют тенденции к возрастанию. Они свидетельствуют не об остаточных явлениях в принципе преодоленного неравенства, а доказывают, что принявший мировые масштабы процесс усиления поляризации между бедностью и богатством, привилегированными и лишенными шансов воспроизводиться и в каждом из государств Севера. Давно уже маргинализация больших групп населения стала привычным явлением и в наиболее богатых промышленных странах, что в первую очередь заметно в «метрополиях метрополий», то есть в непрерывно разрастающихся столичных агломератах Запада (55). «Миф о глобализации» так заботливо поддерживается именно потому, что он призван отвлекать внимание общественности от неудач доминантной экономической политики неолиберализма, которая в действительности не может сдержать своих обещаний. Несмотря на долготелее процветание и продолжающийся экономический рост, цели массового благосостояния и полной занятости достичь не удастся. Бессилие экономических советников проявляется в таких по-

нятиях как «рост без повышения уровня жизни» («wealthless growth»), «рост без создания рабочих мест» («jobless growth») или «работающих бедняков» («working poor»), под которыми имеется в виду новый возникший в Соединенных Штатах класс наемных работников, которые хотя и имеют работу, но все равно не достигают уровня бедности.

Рост, не создающий новых рабочих мест, приводит к борьбе за распределение. Возрастающая массовая безработица делает традиционное благотворительное государство Севера все более дорогостоящим. На безжалостном ветру глобализованных рынков предприниматели требуют лучших условий и угрожают своим странам перебраться за границу и тем самым вызвать дополнительную потерю рабочих мест в случае, если государство не выполнит их требований. За неимением других ресурсов государство предпринимает сокращения в социальной сфере, чтобы финансировать достигнутое путем шантажа перераспределение. Волна под названием « дерегулирование » смывает благотворительное государство, которое считалось инстанцией, выравнивающей перекосы процессов капиталистического производства, и открывает дорогу для национального « государства конкурентов », постепенно превращающегося в представительство интересов транснациональных концернов (TNC). Ключевое слово «глобализация» дает для этого псевдообъективную легитимацию: в глобальной борьбе за выживание останутся только те государства, которые отбрасывают «побрякушки» социального обеспечения, проведут свою программу оздоровительной гимнастики для адаптации к условиям мирового рынка, даже если в конце этого пути их ожидает только уже упомянутое выше «благосостояние ни для кого» (Хорст Афхельдт).

Понятно, что эти процессы сопровождаются изменениями сознания и социального климата. Глобализация означает также потерю духовных достижений цивилизации, культурную регрессию и возвращение в агрессивную атмосферу конца XIX-го века (57). Люди в промышленных странах на собственной шкуре снова переживают феномены, которые, как они думали, стали историей: нестабильные рабочие места, массовое обесценивание, «новая бедность», ослабление сети социальной поддержки, конкуренция как борьба за существование, бесстыдное обогащение привилегированных. Состояние блестящего взлета и падения в пропасть кажется

глобальной неизбежностью, обостряющей поляризацию повсюду. В таких условиях «близким» становится себе каждый сам, не остается больше ресурсов для утешения проигравших. Вернувшись в экономическую систему «дикость» отражается и в повседневной жизни, и на национальном уровне и, в конечном итоге, в международной политике.

Ближайшее рассмотрение этих изменений помогает понять содержащиеся в отчете UNDP за 1996 год жалобы на уменьшение готовности помочь, о безжалостности глобального истеблишмента по отношению к проигравшим в глобальном соревновании. К чему же в таком случае вмешиваться? Ведь смогли же продвинутые в своем развитии «маленькие тигры» Восточной Азии, Китая и Латинской Америки добиться сказочного, а с точки зрения конкурентов, даже опасного взлета. Неужели имеет смысл идти на жертвы, чтобы в результате возросло число стран, способных стать противниками во всемирном экономическом соревновании? Не заслуженно ли граждане стран СНГ должны сначала немного пострадать от последствий десятилетий коммунистической бесхозяйственности? И, помогая Восточной Европе, не выращиваем ли мы на свою голову конкурентов прямо перед порогом собственного дома?

Правительствам, преследующим благородные цели, трудно оправдать оказание помощи перед своими же избирателями. Эти трудности возрастают по мере того, как продвинутая адаптация к процессам глобализации требует все больших жертв. Ведь проигравших утешают везде одинаково, используя известный американский миф о посудомойщице: ты сам кузнец своего счастья и сможешь, как и многие другие, подняться с самого дна на самый верх! Уже давно на Юге есть примеры, на которые можно сослаться. Разве в «Долине Силикона» не дерутся между собой международные концерны за преимущество давать заказы индийским проворным рукам и сообразительным головам, выполняющим эти заказы чрезвычайно дешево и надежно — и это в стране, являющейся классическим символом бедности? Тут избирателя, знающего достаточно поражений среди своих соседей, трудно убедить в том, что он должен еще глубже залезть в свой карман ради далеких проигравших, ведь на адаптацию к глобализации от него уже и без того постоянно требуют новых контрибуций.

Конвергенция поляризации все еще сравнительно богатых промышленных стран дает также эффект обратной связ-

зи. За несколькими исключениями, действия преуспевающего Севера все еще считаются примером, указывающим путь для Третьего мира. Но разве могут вызывать доверие проповедники солидарности, развития человечества и стабильности, когда сами они прячутся за рецепт успеха, в котором нет места солидарности, а есть только дерегулированное общество конкуренции, как якобы единственная возможность выжить в эпоху глобализации? На примере так активно пропагандируемого Западом «устойчивого развития» лауреат Нобелевской премии по экономике Норберт М.Солов в отчете UNDP обратил внимание на этот дефицит доверия: почему это промышленные страны так заинтересованы в устойчивом развитии («Sustainable Development») как гарантии для приблизительно равных жизненных шансов на пользу следующего поколения, в то время как ныне возрастающее неравенство, как в собственных странах, так между промышленными и развивающимися странами, вызывает у них так мало беспокойства? Возможно потому, что глобальная распродажа ресурсов сможет раз и навсегда перечеркнуть все шансы на перераспределение привилегий для следующего поколения (58)? Поведение промышленных стран станет примером и для остальных — за счет тех ценностей, которые согласно всеобщему консенсусу обязательны для глобального будущего. Таким образом, процесс глобализации, если дать ему без помех развиваться дальше, приведет к самоотрицающим результатам.

Возникает вопрос, кто и что, собственно, могло бы остановить этот процесс и оказать противодействие тем, кто с помощью мифа о глобализации пытается подчинить мир регрессивной и репрессивной экономической системе? Каждый ответ на этот вопрос должен учитывать то обстоятельство, что одной только политической воли недостаточно, ибо политическая власть сама вынуждена занимать оборонительную позицию по отношению к доминирующей экономике. Глобализация в качестве идеологии после прекращения bipolarной конфронтации систем набирает силу. Конец плюрализма систем привел мир в монистический тупик, в котором утвердила свое монопольное положение западная экономическая власть. Синдром глобализации смог распространиться в вакууме, в условиях дефицита политической власти. Это ставит перед нами задачу внесения корректив в политический курс возврата примата политики над экономикой (59).

Среди пострадавших в результате развала системы

противостояния — и развивающиеся страны. Не случайно понятие «Третьего мира» возникло как раз у колыбели противостояния между Востоком и Западом. Первоначально под ним подразумевалось сообщество государств, избравших «третий путь» и не присоединившихся ни к одному из блоков (60). Если даже концепция развития и не смогла создать альтернативы ведущим моделям Запада и Востока, то все равно конкуренция между системами шла на пользу развивающимся странам, за некоторыми весьма исключениями. После ее прекращения функцию защиты интересов Третьего мира смогли бы взять на себя только международные организации, созданные во времена конфликта между Востоком и Западом. Им же на данный момент самим приходится бороться за выживание в процессе глобализации, так как логика дерегулирования не останавливается и перед ними. Так, наиважнейшее сообщение Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД / UNCTAD IX), проходившей с 27 апреля по 11 мая 1996 года в Мидранде (Южная Африка), заключалось в том, что ЮНКТАД продолжит свое существование (61).

Не следовало бы недооценивать значение Организации Объединенных Наций и ее подразделений для сохранения шансов на выживание стран Третьего мира в суматохе глобализации. Какой бы справедливой ни была критика в частностях, но все же следует признать: не существует других организаций, способных формулировать требования развивающихся стран и давать им серьезные советы. Заслуживает внимания, например, система методов, созданная UNDP за годы своего существования и изложенная ею в «Отчете о развитии человечества». Так, уже довольно широко распространенный на сегодняшний день «Индексатор гуманитарного развития» (HDI) является неплохой альтернативой непоказательным таблицам развития ВВП. Этот индекс комбинирует данные по продолжительности жизни, уровню образования и уровню жизни и, таким образом, дает возможность измерить и выразить цифрами такие понятия как равенство шансов, гуманность и солидарность (62). Такое начинание можно рассматривать и как запоздалый ответ на требования Эрхарда Эпплера, который двадцать лет назад настаивал на том, что бы «решить, что должно развиваться», то есть критически пересмотреть общепринятые индикаторы роста (63).

Уважения заслуживают при этом указания UNDP на то, что народнохозяйственные успехи под знаком глобализации

не должны быть куплены за счет жертв гражданского населения, а могут идти в ногу с возрастанием «индекса развития человечества», то есть с уменьшением неравенства: «Экономики многих стран Азии — Гонконга, Индонезии, Сингапура, Тайваня (китайская провинция) и Таиланда — добиваются одновременно и быстрого роста, и относительно небольшого неравенства. Между 1960 и 1993 годами у экономики восточноазиатских государств, за исключением Китая, годовой рост из расчета на душу населения составлял 7,6%, в то время как неравенство в доходах оставалось стабильным или уменьшалось. В Японии и Швеции быстрый рост также был связан с уменьшением неравенства» (64). В контексте поляризации, которая увеличивает число проигравших в процессе глобализации и среди богатых стран, эти примеры указывают важный путь — к модели прогресса, которая не слепо доверяет данным о возрастании ВВП, не учитывая, как распределяется и используется дополнительное богатство, а ставит на первое место «человеческое развитие» во всем мире, как в развивающихся, так и в промышленных странах.

Эта модель прогресса сможет победить только в том случае, если будет достигнут широкий консенсус по поводу того, что перенесение современных социальных и экологических расходов с предприятий на государство и с промышленных стран на развивающиеся (горизонтальная экстернализация), а также перенесение проблем современности на будущие поколения (вертикальная экстернализация) делает нас всех не богаче, а беднее, и еще больше лишит нас будущего (65). Создавая такой консенсус можно рассчитывать только на силу убеждения и просвещения, а альтернативы ему, в конечном счете, не существует. Возможное восстание проигравших в глобализации нереально и, где бы оно ни возникло — в самих метрополиях или на периферии мировой экономики — с учетом совершенствующихся репрессивных военных аппаратов, находящихся в руках победителей, такой бунт не имел бы ни каких шансов на победу.

Анализ противоречия «глобализация — развитие» приводит к известному выводу: установление вех на пути в более справедливый и жизнеспособный мировой порядок надо начинать только в непосредственно собственном окружении. Только тот, кто на локальном уровне победит консервативную власть, убедит большинство современников в преимуществах хозяйствования, ориентированного на развитие

человечества, получит шанс реконструировать ценности благотворительного государства в рамках межнационального интеграционного пространства (например, в ЕС) (66) и когда-нибудь найти глобальные решения глобальных проблем (67). Не следует считать эту задачу непосильной, ведь уникальное соединение собственных интересов, этических мотивов и экономической рациональности способно мобилизовать достаточно сил для того, чтобы кажущееся невозможным, но крайне необходимое изменение курса, нашло одобрение во всех слоях общества.

«Global Monopoly» — тупик или выход?

Конец столетия застает нас посреди политического кризиса. Мировое содружество государств возвращается назад, к состоянию конца XIX века. Этнические претензии разрушают сросшиеся, словно созданные человеком мультикультурные сообщества. Национализм «угнетенных народов, готовых в свою очередь угнетать, не имеющих опыта государственности» терроризирует меньшинства и провоцирует их делать то же (68). Границы между государствами и этническими группами тают, будто бы холодная война лишь законсервировала их на всемирно-историческую минуту, и прокладывают себе новые линии на карте. Распадающиеся империи, как нарочно, под знаком эпохи «глобализации» ограничивают свободу передвижения своих стремящихся в разные стороны обитателей. Чем более шаткой этнической или культурной идентичностью обладает народ, тем яростнее направляет он свой эгоизм против каждого проявления «чуждости» (69).

На этом политическом ландшафте разворачивается игра «Global Monopoly». Книги, заключающие в себе исторический опыт, снесены на чердак и закрыты на ключ. Снова действуют архаические правила: прав тот, кто сильнее. Не принадлежащий к привилегированному оказался в проигрыше. В жестких условиях всеохватывающей конкуренции не до таких обременительных «игрушек», как помощь слабым, чувство справедливости, готовность поделиться с ближним или интересы грядущих поколений.

«Экономический ужас» (70) загоняет в угол не только маленьких людей. «Global Monopoly» функционирует как гигантская шахматная игра и начинается она сразу же за дверью собственного дома: вот, например, магазинчик за углом вынужден закрыться, уступив место большой торговой сети. Та же картина повторяется и в масштабах страны, где большие концерны диктуют финансово-выжатым государственным администрациям свои условия, и на глобальном уровне, в

мировом сообществе — богатые, привилегированные страны, финансовые службы которых поют маргинализированным пораженцам песню об успехе путем подражания и сами становятся от этого еще богаче.

Неприкрытая игра экономики с давних пор напоминает потерю: большинство проигрывает, некоторым везет. Готовности к согласию на такое хозяйствование можно добиться только лишь применением угроз, но консенсус этот имеет проблемы. Реакцией на дикость распределения является дикость протестов со стороны проигравших. Безудержная конкурентная борьба порождает один за другим кризисы и нестабильность. Она — не для слабых нервов. Поэтому человеческого разум ищет возможности, которые с помощью более цивилизованных форм присвоения и более справедливого распределения способствовали бы ослаблению протестов и большей стабильности.

Для этого были найдены разные формы. XX век, получивший также название «века идеологий», подарил нам борьбу двух конкурирующих экономических систем. Заметьте: не хаос выступил против одной системы, а одна система против другой! Исход известен. Западная модель демократии и «усмиренной» (социальной) рыночной экономики победила. Но не для того, чтобы, победы, радоваться себе самой и разумно распределять сэкономленные средства на благо всех, а для того, чтобы стать жертвой дикого присвоения. Регрессия означала в этом случае: назад к отсутствию правил, к безудержному рвению сильного меньшинства. С помощью формулы «экономическая власть = власть медий = определяющая власть» победители установили новую моноидеологию, громогласно провозглашающую дерегулирование, глобализацию и неоплиберализм.

То есть, не только Вудров Вильсон победил Владимира Ильича Ленина, но и Фридрих фон Хайек — Джона Мейнарда Кейнса. Среди проигравших оказались и правительства, теряющие контроль над «командными высотами» в пользу TNC — «транснациональных концернов» (71). Настоячивая новая экономическая идеология присутствует в каждом аспекте международной жизни. Мировую политику она заражает эпидемией «Global Monopoly».

В мировой экономике есть победители, и от их победы сейчас зависит очень многое. Свои победители есть и в мировой политике. На самом первом месте — Соединенные

Штаты, оставшиеся единственной мировой супердержавой. Такой поворот событий оказался несколько неожиданным. И сейчас Америка, глядя в зеркало, убеждается, какие на самом деле безграничные потенциальные возможности открылись перед ней. Потенциальные — так как и Соединенные Штаты, конечно же, тоже являются полигоном нового бесконкурентного экономизма. Социальные последствия новых форм присвоения с их эффектом перераспределения снизу вверх повергают в состояние стресса общество США не меньше, чем в других странах. Джордж Буш не смог победить Билла Клинтона, потому что последний распознал приоритет «домашних дел». Снова мы сталкиваемся с противоречием: как будто бы нарочно, именно логика глобализации вырывает ковер из-под ног интернационально ориентированной политики «глобальной стратегии» («Grand Design»). Победный марш глобального неолиберализма загоняет политиков в корсет «глокального ограничения вреда», вплоть до узкого провинциализма. Того, кто занимается международной или, не дай бог, мировой политикой, наказывает избиратель.

Тем не менее, мировая политика существует. Все равняются на ведущую западную державу, победителя среди победителей. Кто еще был бы в состоянии заполнить вакуум после окончания холодной войны или по крайней мере определить очертания нового мирового порядка? Анализ реальности отрезвляет. Вашингтон не берет на себя ответственность за все, но командовать Америке нравится. Администрация США решает, кому стать Генеральным секретарем ООН, сколько стран и какие именно должны вступить в НАТО, делит страны на «хорошие» и «плохие», решает, какие санкции наложить на последних, какому наказанию подвергнуть того (неважно, союзника или нет), кто эти санкции не поддерживает, и, в первую очередь, сама определяет, нужно ли ей подчиняться международным организациям и их решениям.

Ситуация выглядит так, как будто бы в настоящую момент существуют только два внешних фактора, способных сдерживать абсолютно беспрепятственное развитие Америки в ее ведущей роли: российские стратегические ядерные ракеты и Организация Объединенных Наций. Америка еще не отказалась от своей мечты — с помощью технических средств достичь ахиллесовой уязвимости (но только, конечно же, абсолютной — без его пяти!). Республиканцы не перестают требовать от президента убрать с дороги договор ABM, кото-

рый в соответствии с международным правом не допускает достижения этого ахиллесова статуса непобедимости. ООН пытается организовать справедливое уравнивание интересов. Было бы чрезвычайно полезно, если бы такой баланс удалось подчинить контролю с помощью права вето, кадровой политики и экономического влияния на государства, а также иметь возможность требовать от всех подчинения решениям ООН. Но, с другой стороны, с позиции единственной сверхдержавы, это очень обременительно, ведь ей пришлось бы при этом уступить часть прав суверенитета международной организации или, чего доброго, даже подчиниться решениям, не соответствующим ее собственным интересам.

Глобальной картельной службы не существует. При наличии таковой, именно она должна была бы выступить против американской монополии на арене мировой политики. Остается лишь надежда на самоограничение США. Эта надежда кажется более абсурдной, чем является таковой на самом деле. За ней скрывается не сладкая иллюзия «добраго господина», которая уже восхищала мудрецов старины, не Fata Morgana бескорыстной альтруистической мировой державы, а иной импульс: проанализировав собственные интересы, выявить необходимость самоограничения. Американская демократия породила целую школу мыслителей, которые стремятся ориентировать политику в этом направлении. «Чего Америке необходимо избегать, так это высокомерного призвания навязывать другим свою точку зрения. У нее нет ни воли, ни средств, чтобы добиться в этом успеха. Америка может и должна возглавить движение за права человека — но только убеждением и примером, а не в качестве полицейского» (72). Хотелось бы, чтобы такие заявления были услышаны, а их на сегодняшний день достаточно. Чего до сих пор не хватает короткой восьмилетней паузе после перелома, так это убедительных доказательств вреда, наносимого бесцеремонным проведением американских интересов.

Этому способствует и приспособленческий синдром американских союзников. Их девиз — «Адаптация на всех уровнях»: пристраивание к интересам капитала, к освобождению от налогов больших концернов, угрожающих в противном случае изменой и, конечно же, к ведущей роли Вашингтона, спутники победителя в борьбе систем принимают как должное самые провокационные проявления его преувеличенного стремления к интервенциям и называют это «дружбой». Од-

нако есть аналитики, которые, например, предлагают сделать Америке «мирный выбор», так как они имеют другое представление о партнерстве (73). Хотелось бы, чтобы у них было больше влияния на политиков, которые реагируют на каждую отфильтрованную американскую тенденцию павловским рефлексом преданности и при этом пугают похлопывание по плечу «старшего брата» с проявлением уважения.

Немецкая политика объединенной Германии демонстрирует совсем не бескорыстный «резон самоограничения». Став после объединения внушающим страх экономическим гегемоном Европы, Федеративная Республика Германия рассеивает опасения своих соседей путем последовательной самоинтеграции в многосторонние европейские структуры, связанной с добровольным отказом от национальных прав суверенитета. Роль «отличника» в Европейском Союзе и «первого ученика» в НАТО можно объяснить и как освобождение от травматической особой роли в десятилетия после Второй мировой войны, но собственно политическое значение этого процесса таково: никто не должен бояться сильной Германии, поскольку она целиком вовлечена в европейские интеграционные процессы, и, таким образом, все ее соседи имеют возможность принимать решения, касающиеся Германии!

Америка могла бы пойти подобным путем. Она осталась бы на долгое время единственной мировой супердержавой, даже если бы не поддавалась порывам «нового сдерживания» по отношению к России и очернения стран СНГ, если бы отказалась от гибельной политики проведения санкций против определенных ею же стран-«злодеев». Ее превосходству ничего не угрожало бы, если бы она убила свой народ в том, что Соединенные Штаты и в этом случае останутся лидером в поддержке развивающихся в различных направлениях глобальных интересов, и в случае, если на Ист-Ривер будут иногда приниматься решения против желаний Белого дома. Если бы США отказались от «ренессанса геополитики», осознав, что вчерашние политические идеи не годятся в качестве организационного принципа для XXI века, а превращение борьбы идеологий в перетягивание каната вокруг географических амбиций погубит все шансы на прогресс после окончания холодной войны, то какое еще другое государство было бы способно вывести мир из этого опасного тупика? Образование мультиполярной мировой системы могло бы превратиться в проблему только в том случае, если бы региональные власти,

будь то в Японии, Китае, Индии, России или ЕС, ставили бы эгоистические геополитические интересы выше, чем свою ответственность за благополучие региона.

Таким образом, мультиполярная структура освободила бы Соединенные Штаты от необходимости брать на себя ответственность за все континенты, что уже сейчас вызывает известную напряженность. Но такой «лучший случай» наступит только тогда, когда единственная мировая держава будет готова подать пример. В богатом арсенале политической демократии Соединенных Штатов есть трезвомыслящие силы, которые стремятся вывести свою страну на этот путь, и с ними стоит сотрудничать.

Успех этого оптимального варианта выхода из лабиринта «Global Monopoly», конечно же, нельзя гарантировать. Если после перелома 1989-90 годов экономические перекосы и новые, вызывающие неудовольствие, формы присвоения не только перечеркнули надежды на мирные дивиденды и ориентированное на массовое благосостояние распределение плодов прогресса, но и решительно деформировали мировую политическую культуру, то можно сделать и еще один вывод: возврат разумного хозяйствования в глобальном масштабе проложит путь для восстановления мировой политики без перекосов. Может быть, эта точка зрения не победит без борьбы. Современная мировая финансовая система ведет к абсурду: она наказывает наемных работников, делает рабочие места дорожными за счет высоких налогов и лишает работающих по найму социальной защиты, создававшейся десятилетиями. В то же время она стимулирует обещающие быструю наживу одноразовые сделки и спекуляцию на колебании валют, акций и ценностей, не требуя за это ни малейших отчислений. Когда в этой уродливой виртуальной спекулятивной толпке лопается один пузырь, вынуждены вмешиваться международные финансовые институты, проводить дорогостоящие спасательные акции, чтобы предотвратить «эффект домино» — и все это финансируется из налоговых отчислений наемных работников! Эта узаконенная государством система спекуляции, метко названная «социализмом салата из омаров», как огромная ветровая машина гонит незаработанные прибыли в руки ненасытной финансовой олигархии, финансируемой всеми теми, кто не имеет ни капитала, ни ноу-хау для того, чтобы принимать участие в этой игре на миллиарды (Billionen-Gamble) (74). Вопрос в том, как долго еще

продержатся спекулянты, когда они, наконец, подавятся деньгами, и другие начнут пинать их ногами. Возможно, некоторые «командные высоты» снова очистятся, когда политики смогут предложить, как предотвратить наихудшее.

Тогда массовый протест смог бы добиться изменений мировой экономической и финансовой системы. Эта нерешенная проблема находит впечатляющее доказательство в «Докладе о положении в мире за 1998 год» («State of the World 1998») американского института «Worldwatch». Его авторы вычислили, что потребовалось бы добывать на 80 миллионов баррелей в день больше нефти, если бы китайцы ездили на автомобилях столько же, сколько американцы. Сейчас мировое производство составляет 64 миллионов баррелей в день (75). Другими словами, наша модель благосостояния не годится для дальнейшего распространения. Ее нужно изменить, прежде чем «грузоподъемность» нашей планеты не вынесет перенесение этой модели на другие регионы мира, и в результате этого исчезнут все мыслимые привилегии. В этом проявляется глобальная взаимозависимость, игнорировать которую даже самая могущественная мировая держава может себе позволить только ценой самоликвидации. Так или иначе, добровольно или принудительно, мировая политика найдет выход из тупика «Global Monopoly».

Примечания:

1. Впервые понятие было введено в книге Wohlstand für Niemand? Die Marktwirtschaft entläßt ihre Kinder (Благосостояние ни для кого? Рыночная экономика увольняет своих детей) München, 1994.
2. Наиболее полные исследования на эту тему см.: Wolf-Dieter Narr, Alexander Schubert. Weltökonomie. Die Misere der Politik (лировая экономика Убожество политики). Frankfurt am Main, 1994; Rolf Dietrich Schwartz. Kapitalismus ohne Netz. Was hält die Gesellschaft noch zusammen? Berlin, 1996; Hans-Peter Martin, Harald Schumann. Die Globalisierungsfalle. Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand (Ловушка глобализации. Наступление на демократию и благополучие). Reinbek, 1996.
3. Следует особо подчеркнуть, что Эрнст-Отто Чемпиль заметил эту взаимосвязь еще в 1991 году, см.: Ernst-Otto Czempel. Weltpolitik im Umbruch. Das internationale System nach dem Ende des Ost-West-Konflikts (Мировая политика на переломе. Международная система после прекращения конфликта между Востоком и Западом). München, 1991; многочисленные указания на это см.: Karl Kaiser, Hans-Peter Schwarz (Hg.). Die neue Weltpolitik (Новая мировая политика) Baden-Baden, 1995.
4. Наиболее детальный анализ вопросов разоружения и конверсии после перелома 1989/90 гг. содержится в многочисленных публикациях Боннского международного центра конверсии (Bonn International Center for Conversion, BICC). Приведенные здесь цифры взяты из ежегодника BICC, см.: Conversion Survey 1996. Global Disarmament, Demilitarization and Demobilization Oxford, 1996.
5. См.: Michael Dedeck. Die Friedensdividende: Enttäuschte Hoffnungen? (Мирные дивиденды. Утраченные надежды?) // Wissenschaft und Frieden. 1997 № 2. S. 47-50.
6. См.: Bericht der Bundesregierung über den Abschluß der Verwertung des überschüssigen Materials der ehemaligen NVA. Anlage 4. (Отчет Федерального правительства о завершении использования лишнего материала бывшей армии ГДР. Приложение 4. Бонн, 1997).
7. BICC посвятило свой выпуск за 1997 год этой проблематике, см.: Conversion Survey 1997. Global Disarmament and Disposal of Surplus Weapons Oxford, 1997.

8. Цифровые данные по SIPRI см.: Ann Markusen. How We Lost the Peace Dividend // The American Prospect. July/August 1997. P. 86-95.
9. Многочисленные данные и документы по этому вопросу хранятся в Фонде науки и политики (Stiftung zur Wissenschaft und Politik, SWP), см.: Weltweite Konzentrationsprozesse in der Rüstungsindustrie. Aktuelle Analyse und Materialien (Всемирные процессы концентрации в оборонной промышленности. Актуальный анализ и материалы). München. Sept. 1997.
10. См.: Ann Markusen. How We Lost the Peace Dividend // The American Prospect. July/August 1997. P. 84.
11. См.: Michael T. Klare. Rogue States and nuclear outlaws. New York, 1995; Eric Chauvistré. Schurken sind die Länder mit schlechten Beziehungen zu den USA. Die neue US-Militärdoktrin nach dem Zweiten Weltkrieg und die Politik gegenüber Irak (Неродия - это страны, у которых плохие отношения с США. Новая американская военная доктрина после Второй мировой войны и политика по отношению к Ираку) // Frankfurter Rundschau. 4.2.1998.
12. Цитируется по Chauvistré (примеч. 11).
13. Детальная информация об этом см.: Bericht der Bundesregierung zum Stand der Bemühungen um Abrüstung, Rüstungskontrolle und Nichtverbreitung sowie über die Entwicklung der Streitkräftepotentiale (Jahresabrüstungsbericht 1996). Отчет федерального правительства о состоянии попыток по разоружению, контролю за вооружением и нераспространении, а также развитии потенциала вооруженных сил (Годовой отчет по разоружению 1996). Bundestags-Drucksache 13/7389 vom 9. 4. 1997. Критические оценки содержатся в ежегодно публикуемом "Отчете о мире" ("Friedensgutachten") Исследовательского Института Евангелического научного общества (Forschungsstätte der Evangelischen Studiengemeinschaft (FEST)), Института исследования мира и политики безопасности Гамбургского университета (Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg (IFSH)) и Гессенского фонда исследований мира и конфликтов (Hessische Stiftung für Friedens- und Konfliktforschung (HSFK)). См.: Friedensgutachten 1997 (Отчет о мире). Münster, 1997. S. 390.
14. По вопросу оценки программы Stewardship см.: William M. Arkin. What's "New"? // The Bulletin of the Atomic Scientist.

- Nov./Dec. 1997. P. 22-27; Brendan Mathews. No stopping it now. Ebtnda, P. 28-31.
15. Wolf J. Bell. Mehr würdiger Umgang mit der Allianz (Более достойное обращение с альянсом) // General-Anzeiger. 9. 2. 1998.
16. Antrag der Fraktion der SPD. Ratifizierung der Vertragsprotokolle zum Nordatlantikvertrag und weitere Umsetzung der NATO-Rußland-Akte (Запрос фракции СДПГ. Ратификация протоколов договоров по Североатлантическому договору и дальнейшей реализации Основополагающего договора НАТО-Россия). Bundestagsdrucksache 13/9859 vom 12.2.1998.
17. Friedensgutachten 1996 (Отчет о мире). Münster, 1996. S. 4.
18. Перепечатано в Frankfurter Rundschau. 10. 5. 1996
19. Подробное описание этапов эскалации см.: Gregory L. Schulte. Former Yugoslavia and the New NATO // Survival 39, 1. 1997. P. 19-42.
20. См.: Der trügerische Frieden. Bericht der Internationalen Balkan-Kommission (Обманчивый мир. Отчет Международной комиссии по балканским вопросам). Reinbek, 1997. S.287; по проблеме Сребреницы см.: Jan Willem Honig, Norbert Both. Srebrenica. Der größte Massenmord in Europa nach dem Zweiten Weltkrieg (Сребреница. Самое значительное массовое убийство в Европе после Второй мировой войны). München, 1997. S. 287; David Rohde. Die letzten Tage von Srebrenica. Was geschah und wie es möglich wurde (Последние дни Сребреницы. Что произошло и как это стало возможным). Reinbek, 1997. S. 476.
21. Немецкий текст в Bulletin, Nr. 43. Bonn, 3.6.97. S. 449-454.
22. Charter on a Distinctive NATO-Ukraine Partnership. 27. 5. 97
23. См.: Ronald D. Asmus, Richard Kugler, F. Stephen Larrabee. Building a New NATO // Foreign Affairs. Sept./Oct. 1993; Alyson J.K. Bailes. NATO: Towards a New Synthesis // Survival 38, 3. 1996.
24. Report to the Congress on the Enlargement of NATO: Rationale, Benefits, Costs and Implications. Washington, 1997.
25. См.: Congressional Budget Office (CBO). The Costs of Expanding the NATO Alliance. Washington, 1996; Ronald D. Asmus, Richard L. Kugler, F. Stephen Larrabee. What will NATO Enlargement Cost? // Survival 38, 3. 1996. S. 5-26; данные по финансовым вопросам содержатся также в исследовании фонда Heritage-Foundation von W. Bruce

- Weinrod. См.: NATO Expansion. Myths and Realities. Washington, 1996.
26. Ответ Федерального правительства на малый запрос депутата Гернота Эрлера и фракции СДПГ см.: Osterweiterung der NATO und Abrüstung (Расширение НАТО на Восток и разоружение). Bundestags-Drucksache 13/7731.
 27. NATO - ein heikles Thema in der Ukraine. (НАТО - деликатная тема на Украине) // Neue Zürcher Zeitung. 3. 9. 1997.
 28. A Fateful Error // The New York Times. 5. 2. 97.
 29. Цит. по: Zitiert nach Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19. 2. 97.
 30. Zbigniew Brzezinski. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostategic Imperatives. New York, 1997. Немецкое издание см.: Die einzige Weltmacht. Amerikas Strategie der Vorherrschaft. Weinheim-Berlin, 1997. 311 S.
 31. Volker Ruhe. Stabilität durch ein neues Gleichgewicht. Zbigniew Brzezinski stellt ein strategisches Konzept für globale Sicherheit vor (Достижение стабильности путем нового равновесия. Збигнев Бжезинский представляет стратегическую концепцию глобальной безопасности) // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26. 11. 1997.
 32. Бжезинский З. Указ. соч. (нем. изд.). С. 44.
 33. Там же, С. 277.
 34. Там же, С. 282.
 35. Michael Mandelbaum. Westernizing Russia and China // Foreign Affairs 76, 3. 1997. S. 80-95.
 36. Насыщенное данными исследование по этому вопросу см.: Russia's National Interest and Security Problems. Final Report on the study conducted by the Gorbachev Foundation's Center for Global Programs in 1995-1997. Moscow, 1997. 100 P.
 37. Концепцию национальной безопасности см.: Обозреватель. Специальный выпуск. М., 1996. 62 С.; Предвыборная платформа // Коммунист. № 2. 1996. Хороший обзор концепции Зюганова см.: Bernd Knabe. Sjaganows "Konzeption der nationalen Sicherheit" ("Концепция национальной безопасности" Зюганова). Федеральный институт восточных и международных исследований (Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien), Aktuelle Analysen, Nr. 32, 23. 1996. Осенью 1997 Зюганов издал книгу, посвященную вопросам геополитики, см.: Зюганов Г. География победы: основы российской геополитики. М., 1997.
 38. Bernd Knabe. Указ. соч. С. 2

39. Цит. по: Bernd Knabe: Die "Nationale Sicherheit" Rußlands und die Rolle des Westens. ("Национальная безопасность" и роль Запада). Федеральный институт восточных и международных исследований (Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien) // Aktuelle Analysen, Nr. 55, 19. 12. 1997. S.3.
40. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 26. 12. 1997.
41. Материалы собраны из: Russia's National Interest and Security Problems (см. прим. 36), а также из докладов Николая Шмелева (Российская академия наук, Москва) и Валерия Орешкина (Всероссийский научный институт рыночных исследований, Москва) на конференции "В поисках новой идентичности. Россия на пороге XXI века", организованной Научным центром Восток-Запад (Ost-West-Wissenschaftszentrum) и фондом им. Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung) // Kassel, 29.-30. 1. 1998.
42. Russia's National Interest (см. прим. 36). С. 42-46.
43. Подробности о дальнейшей работе над "Концепцией" представил бывший секретарь Совета безопасности Иван Рыбкин в своем интервью, см.: Целостное рассмотрение национальных интересов государства невозможно // Независимая газета. 29. 1. 1998.
44. Обзор по этому спектру идей см.: Gerhard Simon: Rußland auf der Suche nach seiner politischen Identität. Visionen und Wirklichkeiten. (Россия в поисках своей политической идентичности. Фантазии и действительность). Федеральный институт восточных и международных исследований (Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien). Bericht. Nr.33. 1997. 36 S.; Christiane Uhlig. Rußlands Suche nach einer nationalen Idee (Россия в поисках национальной идеи) // SOWI/Sozialwissenschaftliche Informationen. 26, 1997. S.150-155.
45. Этот текст и другие заявления Лионской встречи на высшем уровне по экономическим вопросам опубликованы в Бюллетене (Bulletin). Nr. 59 от 12. 07. 1996; глава "Нужда вне игры: забытый Третий мир" приводится в основном в приведенной ниже (пункт 7) публикации автора.
46. Bulletin (прим. 45). S. 629.
47. Bulletin (прим. 45). S. 629-634.
48. Литература по вопросам глобализации см. в прим. 2, а также короткий, концентрированный анализ содержится в работе Аме Хеисе. Der Mythos vom "Sachzwang Weltmarkt".

- Globale Konkurrenz und nationaler Wohlfahrtsstaat (Миф "рыночного принуждения". Глобальная конкуренция и национальное благотворительное государство) // IPG. № 1. 1996. S. 17-22.
49. Human Development Report 1996. UNDP. New York, 1996.; в дальнейшем цитируется как "Отчет".
 50. Отчет. С. 10.
 51. Отчет. С. 1, 2, 17.
 52. Отчет. С. 95, 128; Franz Nuscheler. Gegen den entwicklungspolitischen Pessimismus (Против пессимизма в политике развития) // Aus Politik und Zeitgeschichte. 12/1996. S. 5.
 53. Отчет. С. 94, 130.
 54. Цифры из Отчета. С. 2, 4, 15, 107, 124.
 55. Jürgen Neyer: Das Ende von Metropole und Peripherie? Soziale Inklusion und Exklusion in der entgrenzten Weltwirtschaft (Конец метрополии и периферии? Процесс исключения в мировой экономике без границ) // Peripherie. № 59/60. 1995. S. 20.
 56. Joachim Hirsch. Der nationale Wettbewerbsstaat. Staat, Demokratie und Politik im globalen Kapitalismus. Berlin-Amsterdam, 1995; Robert Kappel. Kern und Rand in der globalen Ordnung. Globalisierung, Tripolarität, Territorium und Peripherisierung // Peripherie. № 59/60. 1995. S. 79-117.
 57. Сравн. Neyer... (прим. 55). С. 16
 58. Отчет. С. 24.
 59. Сравн. по этому вопросу главу 1, а также приведенную ниже публикацию автора (пункт 1) и Ingomar Hauchler. Weltordnungspolitik - Chance oder Utopie? Thesen zur Steuerbarkeit globaler Entwicklung - Ein Szenario des globalen Wachstums (Политика мирового порядка - шанс или утопия. Тезисы по поводу возможности управлять глобальным развитием - сценарий глобального роста). В сб.: Stiftung, Entwicklung und Frieden: Globale Trends. 1996.
 60. Bruno Ortman. Ist die Dritte Welt wirklich am Ende? Zur Kritik von Entwicklungstheorien. (Действительно ли настал конец Третьему миру? По поводу критики теорий развития) // Politik und Zeitgeschichte. 12/1996. S. 35.
 61. По вопросу результатов конференции сравн. Информационное письмо о мировой экономике и развитии (Informationsbrief Weltwirtschaft und Entwicklung) // Sonderdienst. Nr. 2. 1996.

62. Объяснение метода вычисления см. в Отчете. S. 133 f; продолжение анализа HDJ дает Отчет о человеческом развитии 1997. (UNDP: Human Development Report 1997. New York, 1997).
63. Подзаголовок Отчета UNDP: "Для кого какой рост?". Отчет. С. 66.
64. Отчет. С. 60 f.
65. Hauchler (см. прим. 59). С. 20.
66. Heise (см. прим. 59). С. 22.
67. Nuscheler, (примеч. 59), стр. 8
68. Hans-Peter Schwarz. Die neue Weltpolitik am Ende des 20. Jahrhunderts - Rückkehr zu den Anfängen von 1914? (Новая мировая политика в конце XX века - возврат к периоду до 1914 года?) В сб.: Karl Kaiser, Hans-Peter Schwarz (Hg.). Die neue Weltpolitik (Новая мировая политика). Baden-Baden, 1995.
69. Graham E. Fuller. Redrawing the World's Borders // World Policy Journal 14. 1997. 1. S. 11-21.
70. См. страстное обвинение Вивиан Форрестер: Viviane Forrester. L'horreur économique (Экономический ужас). Paris, 1996; немецкое издание под заголовком: Der Terror der Ökonomie (Террор экономики). Wien, 1997.
71. Истории этой борьбы посвящена книга: Daniel Yergin, Joseph Stanislaw: The Commanding Heights. The Battle Between Government and the Marketplace That is Remaking the Modern World. New York, 1998.
72. Цитируется по статье бывшего издателя журнала "Foreign Policy" Charles William Maynes. "Principled" Hegemony // World Policy Journal 14. 1997. 3. P. 36.
73. См., напр., блестящее эссе Egon Bahr. Deutsche Interessen. Streitschrift zu Macht, Sicherheit und Außenpolitik (Немецкие интересы. Дискуссионные записки по поводу власти, безопасности и внешней политики). München, 1998. P. 99-100, в котором автор уверяет: "Имеется в виду не глупый антиамериканизм, а неамериканские чувства неамериканской части человечества, не борьба против Америки, а утверждение собственных представлений по отношению к Америке".
74. Понятие "социализм салата из омаров" ("Lobster salad socialism") употребляется в: Kevin Phillips. Don't Expect Socialism for Investors to Go On Forever // International Herald Tribune. 31. 12. 1997/ 1. 1. 1998.

75. Цит. по: Der Planet Erde kann den Menschen kaum mehr ertragen (Планета Земля еле выдерживает человека) // Frankfurter Rundschau. 12. 1. 1998.

Публикации автора по теме книги:

1. Machtlücke: Die Krise des Politischen als Folge des weltpolitischen Systembruchs (Дефицит власти: кризис политической власти как следствие перелома системы мировой политики). In: Ästhetik und Kommunikation 89, 1995, S. 19-25.
2. Die Antiquiertheit des Internationalen Systems als Herausforderung (Проблема анахроничности Международной системы). In: Sicherheit und Frieden (S+F), 1/1996, S. 21-25.
3. Germany's Role in the Post-Cold War World (Роль Германии в мире после «холодной войны»). In: UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs, 1/1996, 1, S. 1-20.
4. Vom «Mythos der humanitären Intervention» zur «Neuen NATO». Aufgaben der Friedensbewegung im internationalen System nach Dayton (От «мифа о гуманитарной интервенции» к «Новому НАТО». Задачи движения за мир в международной системе после Дайтона). In: KONTRA, 7-8/1996, S. 8-12.
5. Wie die NATO das Versagen der Vereinten Nationen ausnutzte (О том, как НАТО использовало несостоятельность ООН). In: Frankfurter Rundschau, Dokumentation, 28.8.1996.
6. Die NATO rauf - die UNO runter. Zum Wandel nach Dayton (НАТО -- вверх, ООН - вниз. О переменах после Дайтона). In: Frankfurter Hefte / Neue Gesellschaft, 10/1996, S. 933-935.
7. Globalisierung und die Zukunft der Dritten Welt (Глобализация и будущее Третьего мира). In: Wolfgang Thierse (Hg.): Ist die Politik noch zu retten? Standpunkte am Ende des 20. Jahrhunderts (Можно ли еще спасти политику? Мнения в конце XX века). Berlin, 1996. S. 300-310.
8. NATO-Osterweiterung: Mythen, Risiken, Aussichten (Расширение НАТО на Восток: мифы, риски, перспективы). In: Berliner Europa Forum 7, 1997, S. 10-25.
9. Zwischen Einbindung und Ausgrenzung. Perspektiven der NATO-Osterweiterung (Между интеграцией и исключением. Перспективы расширения НАТО на Восток). In: Blätter für deutsche und internationale Politik, 8/1997, S. 927-936.

10. Расширение НАТО: мифы, риск, перспективы // Международная жизнь. № 8. 1997. с. 28-36.
11. Alles NATO? Die Falle des Osterweiterungsprozesses (НАТО превыше всего? Ловушка процесса расширения на Восток). In: Frankfurter Hefte / Neue Gesellschaft, 8/1997. S. 677-679.
12. Ölboom am Kaspischen Meer: Die deutschen Interessen (Нефтяной бум на Каспийском море. Немецкие интересы). In: Ost-West-Contact, 11/1997, S. 28-29.
13. Geopolitisches Denken in Rußland nach der NATO-Osterweiterung (Геополитическое мышление в России после расширения НАТО на Восток). In: Gabriele Gorzka (Hg.): Auf der Suche nach einer neuen Identität. Rußland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. (В поисках новой идентичности. Россия на пороге XXI века). Berlin, 1998.

Подписано в печать 1.02.2000г. Формат 60х88/16.
Объем 8,0 п.л. Зак. 6659. Тираж 1500.

103536, Москва, а/я 183

Отпечатано с оригинал-макета в филиале Государственного ордена
Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Московского предприятия "Первая Образцовая типография"
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
113114, Москва, Шлюзовая наб., 10